

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

А. Г. Кислов, Е. М. Кропанева, М. Р. Москаленко

**ИДЕЯ ПРАВА
НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Монография

Екатеринбург
РГППУ
2013

УДК 342.7.01

ББК Х400.3-0

К 44

Авторы:

А. Г. Кислов (введение; гл. 1; п. 2.3; заключение),
Е. М. Кропанева (гл. 1; гл. 2), М. Р. Москаленко (п. 2.2, 2.3)

Кислов, А. Г.

К 44 Идея права на достойное человеческое существование: социально-философский анализ: монография / А. Г. Кислов, Е. М. Кропанева, М. Р. Москаленко. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. 167 с.

ISBN 978-5-8050-0505-4

Рассмотрены идея права на достойное человеческое существование как архетипическое основание различных социально-философских и правовых концепций, ее содержание, истоки, эволюция; показаны формы ее юридического закрепления и практической реализации в современном мире, выделены основные функции.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов гуманитарных направлений подготовки, а также всех интересующихся философско-правовыми проблемами.

УДК 342.7.01

ББК Х400.3-0

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. Ю. Г. Ершов (ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»); д-р филос. наук, проф. Н. В. Бряник (ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»); д-р филос. наук, проф. С. З. Гончаров (ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Концепция достойного человеческого существования как основа идеологии правового государства и гражданского общества (на примере Уральского региона)», проект № 11–13–66002а/У.

ISBN 978-5-8050-0505-4

© ФГАОУ ВПО «Российский
государственный профессионально-
педагогический университет», 2013

© Кислов А. Г., Кропанева Е. М.,
Москаленко М. Р., 2013

Введение

К началу XXI в. мир, ставший, казалось бы, радикально иным даже в сравнении с началом XIX в., во многих своих проявлениях не так уж сильно изменился в сравнении и с гораздо более древними временами. Цивилизации рождались и умирали, технический прогресс переиначил облик планеты, а люди, как и в древности, продолжают делиться на бедных и богатых, успешных и неудачников, счастливых и несчастных. Право жить, а не влачить существование так и остается привилегией немногих.

Между тем еще мыслители древности пытались найти формулу счастья для всех, создавали теории идеальных обществ, государств. Их попытки не раз повторялись, развивались, дополнялись; в то же время история показала, что «люди, утверждающие, будто знают, что такое идеальное общество, совершили много диких преступлений»¹, не только не продвигая общество к проблематичному и весьма условному идеальному состоянию, но отбрасывая его в самую жуткую и жестокую дикость.

Одна из причин такой траектории реализации социальных идей заключается в том, что их истоком, а значит, и истоком многих старых и новых социальных теорий, зачастую являются мифы, в частности миф о рае на земле, который «не столько контр-образ действительности, предмет напряженно духовного переживания, сколько понятие, символ, отсылающий к чистой позитивной неопределенности»², – там-де все и всем «хорошо», «идеально», «божественно». Психологи часто склонны трактовать эти мифы как результат защитной редукции психики к ее состоянию во внутриутробном периоде. Укорененной в упомянутых мифах является и идея права на достойное человеческое существование.

Несмотря на укорененность названной идеи в глубокой древности, активная научная дискуссия о праве на достойное человеческое существование началась лишь в XIX–XX вв. Эта идея как квинтэс-

¹ Бауман З. Завтра будет стыдно за то, чем можно гордиться сегодня. URL: <http://www.radio.cz/ru/statja/86515>.

² Орнатская Л. А. О социальной функциирая // Образрая: от мифа к утопии. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2003. Вып. 31. С. 190. (Symposium).

сенция правового гуманизма, результат развития концепций правового, социального государства (государства благоденствия) пришлась в пору в качестве позитивного ответа на широкое распространение нигилизма во 2-й половине XIX – начале XX в. Но и к началу XXI в. научно обоснованного понятия права на достойное человеческое существование нет, а соответствующая идея по-прежнему напоминает «контр-образ действительности, предмет напряженно духовного переживания... символ, отсылающий к чистой позитивной неопределенности», т. е. феномен скорее утопический, сдержаннее оценивая, – идеологический, так и не подвергшийся серьезной научно-философской рефлексии, взвешенному социально-философскому анализу.

Идея права на достойное человеческое существование и происхождением, и актуализированным в современных концепциях и теориях содержанием принадлежит к сфере архетипического, а потому находящего живой отклик в сердцах и умах многих людей, в том числе и наших современников. Этот отклик последнее столетие так силен, что политические элиты предпочли критическим философским разоблачениям утопичности столь популистской идеи придание ей самого серьезного позитивно-юридического облика. Достойное человеческое существование стало одной из основополагающих максим цивилизованного человечества XX–XXI вв., одним из важнейших ориентиров общественного развития и критерием оценки общественного состояния, государственного устройства, политики. В середине XX в. она оформилась как право в ряде весомых международных документов: Всеобщей декларации прав человека (1948), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966) и др. Это право было «развернуто» в обширный каталог социально-экономических, культурных и политических прав. Если в конце XVIII в. все провозглашаемые и законодательно закрепляемые права, относящиеся к категории «естественных и неотчуждаемых», концентрировались вокруг идеи свободы, признаваемой высшей ценностью, то в XX в. появились права «второго поколения», призванные гарантировать жизнь не только свободную, но и относительно обеспеченную. Затем появились и права «третьего поколения», относящиеся прежде всего к окружающей среде и доступу к культуре. Процесс умножения поколений прав человека начал напоминать усложнение птолемеевой космологии бесчисленными концентриками, с которыми те, кто ею пользовался,

перестали справляться даже с помощью самых изощренных вычислений, пока геоцентризм просто и изящно не был списан в архив коперникианским гелиоцентризмом. Коперникианские перевороты после И. Канта и Т. Куна предстают неизбежной фазой в развитии любого знания. Знание о человеке, его достоинстве и правах вряд ли является исключением, даже если это знание, зафиксированное в юридических документах.

Симптоматично, что конституции развитых европейских стран, принятые после Второй мировой войны, в различной мере и неодинаковой форме закрепляют социально-экономические права. Так как реализация этих прав находится в зависимости от уровня и состояния финансово-экономических возможностей конкретного общества и его государства, их гарантированность в объемах, единых для всех стран, проблематична. Вот почему эти права чаще всего получают в законодательстве широкие, нестрогие, рекомендательные (если не сказать расплывчатые) формулировки: право на «справедливые и благоприятные условия труда», «достаточный жизненный уровень», «общее благосостояние», «справедливое распределение мировых запасов продовольствия» и т. д., и т. п.

Достойное человеческое существование оказывается не столько правом, сколько привилегией, если принимать во внимание не только нормативные правовые акты, но и статистику, отражающую житейские реалии большинства человечества.

Так, по данным правозащитной организации «Международная амнистия», в мире по крайней мере 1,3 млрд людей живут меньше, чем на один доллар в день; 117 правительств подвергают пыткам своих граждан; не менее 55 правительств незаконно их убивают; как минимум в 87 странах есть узники совести; как минимум в 31 стране «исчезают» люди и как минимум в 40 странах их казнят¹. В ряде государств, в том числе и России, серьезной социальной проблемой является люмпенизация и пауперизация значительной части населения. Сегодня в России, по официальной статистике Всероссийского центра изучения общественного мнения, 13,1 % населения живет за порогом бедности (т. е. их доходы ниже прожиточного минимума). Зарплата

¹ См.: *Фрост М.* Правозащитники. Рождение концепции. URL: <http://www.frontlinedefenders.org/files/ru/Background%20to%20the%20UN%20Declaration%20on%20Human%20Rights%20Defenders%20Russian.pdf>.

у трети работников менее 1,5 прожиточного минимума, а у каждого пятого – ниже прожиточного минимума. Социальное самочувствие граждан этим цифрам вполне соответствует: по опросам, 39 % россиян называют себя бедными людьми¹.

Кроме того, сохраняется и продолжает увеличиваться социальное расслоение общества в большинстве государств планеты. Как отмечает американский политолог С. Фиш, «чем шире политическая и экономическая пропасть между высшими и низшими классами, тем больше презрение к народным массам со стороны элит. Так, например, во многих странах Латинской Америки, где социально-экономическое неравенство больше, чем в России, многие представители высших слоев общества смотрят на низшие слои общества как на “недолюдики”... элита видит в бедных угрозу, буквальный физическую угрозу»². В этом плане возникает угроза резкого отката к моральным стандартам XIX в., когда право на человеческое достоинство признавалось только за господствующими классами общества.

Современное состояние уровня материального благополучия значительного числа людей позволяет говорить о том, что идея права на достойное человеческое существование остается теоретической фикцией. Это право в лучшем случае осталось привилегией отдельных граждан и не обладает даже той степенью универсальности, какой обладают другие из перечня прав человека, более или менее гарантированных всяким современным демократическим (правовым) государством. Возможно, поэтому многие публицисты, правоведы и политики уже уходят от термина «достойное человеческое существование», считая его скорее популистским, и заменяют более узкими и внешне простыми («качество жизни», «уровень жизни» и др.). Право на достойное человеческое существование, несмотря на свое юридическое закрепление, выступает лишь как требование того, что до сих пор не имеет единых критериев, так как ни одно из предлагаемых его мерил не обладает не только абсолютной, но даже общепринятой значимостью. На этой почве рождаются спекуляции некоторых чиновников, политиков, которые используют идею права на достойное человеческое существование как инструмент манипуляции общественным сознанием. Ряд современных мыслителей

¹ См.: Порок бедности. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=111954>.

² Фиш С. Интеллектуальный снобизм // Рус. журн. URL: <http://www.russ.ru/pole/Intellektual-nyj-snobizm>.

небезосновательно предупреждает о возможности бунта беднейшего человечества, пророчит исчезновение универсальной формулы регулирования общественных отношений, прежде всего таких, как права человека, и то, что «уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на собственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения»¹.

Социально-философский анализ, в отличие от юридического, освобождает от догматической связи с правовыми документами. В начале XXI в. благодаря некоторой хронологической дистанции не только от непосредственных последствий Второй мировой войны, но и от философско-идеологических стереотипов советского и начала постсоветского периодов, появилась возможность воспользоваться социально-философским инструментарием, позволяющим более глубоко и разноаспектно взглянуть на саму идею права на достойное человеческое существование, объяснить ее происхождение и социальные функции.

Данное исследование выполнено при содержательном ограничении: в обсуждение не вовлекается материал по проблеме особенностей отношения к идее права на достойное человеческое существование в странах Востока – он опирается на иную, незападную культурную и философско-правовую специфику и требует самостоятельного исследования.

Нами проведен социально-философский анализ истоков, формирования, эволюции, содержания, юридического закрепления и функций идеи права на достойное человеческое существование, а на его основе предложена периодизация основных этапов ее становления и практической реализации. Показаны место и роль идеи права на достойное человеческое существование в современном российском обществе, в том числе в политике российского государства. Выявлены возможные перспективы дальнейшего существования и практической реализации идеи права на достойное человеческое существование.

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 107.

Глава 1. ИДЕЯ ПРАВА НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

1.1. Формирование идеи достойного человеческого существования и ее воздействие на правовую теорию и практику

Основным содержательным стержнем идеи достойного человеческого существования является достоинство человека. Понятие достоинства человека имеет свою историю и неоднозначно трактуется по сей день. Дело здесь совсем не в переводах. Если обратиться к семантике слова «достоинство», то, например, в русском и английском языках «достоинство» включает в себя четыре основных значения: положительное качество, чувство собственного достоинства, стоимость (цена), звание (титул), – каждое из которых, рассмотренное в психоисторическом контексте, дает представление об эволюции этого феномена в сознании человека¹.

В русском языке слово «достоинство» можно рассматривать как производное от слова «достояние». Поэтому обладать достоинством – значит иметь нечто ценное, полезное и необходимое для себя и других людей. Достоинствами человека считаются его здоровье, сила, разумный образ жизни, образованность, трудолюбие, честность, правдивость и другие положительные качества². В словаре В. И. Даля достойный человек определяется как уважаемый и ценимый за его жизненные достоинства. В толковых словарях специально выделяется нравственное значение термина «достоинство»: «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»³.

В архаической культуре доминирующим является не личностно-индивидуальная уникальность человека, а родовое целое, в круговороте которого значима стабильность его структуры, манифестированной, со-

¹ См.: Зайцева Ю. Е. Чувство собственного достоинства: к постановке проблемы. URL: <http://www.psychology.spb.ru/articles/tez/2000/a7.htm>.

² См.: Концепция «Школы достоинства». URL: http://www.gimn13.tl.ru/docs/plan_merop/99_00/proekt%20con.htm.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984. С. 152.

гласно одной из авторитетных концепций¹, именами – вечными (внутри этой культуры) и потому предшествующими всякому отдельному человеку, задающими социофункциональную роль человека, предопределяющими его жизненный путь². Признание человека задано здесь инициацией – посвящением, имянаречением и тем самым полноценным включением в родовое целое. В таком тотальном родоцентризме цена человека – это цена его места и соответствующей роли в социородовой структуре, если человек с нею справляется, а связывается она с происхождением: «Воздавать им хвалу естественно в соответствии с их природой: они родились людьми достойными. А родились они такими потому, что произошли от достойных. Итак, восславим, прежде всего, благородство их по рождению, а затем их воспитание и образованность. Вслед за этим покажем, как выполняли они свой долг, и это явит их доблестные дела во всем их великолепии»³.

Достоинство древних связано не с онтологической самодостаточностью человека, а с его фиксированной включенностью в социальное целое и обусловленной задаваемой целым стабильностью, надситуативностью и потому способностью быть независимым от контекста, от быстро меняющихся жизненных ситуаций, в которых человек остается «естественным», «сообразным своей природе», оправдывающим свою социальную роль. Такая способность опирается на глубокое чувство исполненного долга, которое приобрело архетипическую устойчивость и остается значимым вплоть до наших дней. Обусловленность достоинства человека его «природой», т. е. происхождением, местом и ролью в социальной структуре, исполнением должного, из них вытекающего, весьма характерна для архаики.

Историческое христианство долго привыкало к иной, следующей из признания равенства всех без исключения людей перед Богом, идее фактически безусловного в имманентном горизонте достоинства человека. Именно христианство способствовало появлению идеи самоценности человека. Петр Ломбардский давал такое определение личности: «Индивидуальное существо, которое отличается, благодаря своеобразию, относящемуся к достоинству»⁴. Он собрал все сущест-

¹ См.: *Петров М. К.* Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.

² Там же. С. 127–193.

³ *Платон.* Менексен // Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 237.

⁴ Цит. по: *Митюкова А.* Честь имеем?! // Наука Сибири. 2002. № 36 (2372). С. 130.

венные черты того, что понималось под словом «persona» – это и есть нечто самостоятельное, одаренное разумом, однако совершенно индивидуальное, непосредственно обладающее достоинством (dignitas)¹. Но христианство все же и обуславливает достоинство как имманентно безусловную ценность человека тем, как он трансцендентно задуман и сотворен Богом. Поэтому для христианина «достоинство... состоит в том, чтобы хорошо выражать славу Божию»². Средневековая европейская теоцентрическая культура во многом потому и взрывается изнутри, что ее сословно-ориентированная практика оказалась вопиюще противной теории, должному, о чем свидетельствует порожденная этим «культурным взрывом» (Ю. М. Лотман) эпоха гуманизма и Реформации, где и распространяется идея прямого самоутверждения всякого человека как безусловно ценного существа.

Гуманисты относили достоинство к атрибуту человечности, т. е. к человеку как таковому. Впрочем, безусловная ценность связывалась с общечеловеческим происхождением (от единого, сотворенного по образу и подобию Бога богодухновенного же праотца Адама, чьих потомков всецело коснулась и спасительная миссия Христа) и трактовалась скорее как потенция. Еще Ф. Петрарка писал, что достоинство не утрачивается от низкого происхождения человека, лишь бы он *заслужил его своей жизнью*. Так что обусловленность богообразностью, богодухновенностью и богоспасенностью, которая выглядела скорее как безусловность, дополнялась еще и обусловленностью жизненными заслугами каждого человека отдельно: потенция могла и не реализоваться! Официальная католическая церковь всегда осуждала это пелагианство, но скорее на словах, в теории.

Теории личных заслуг, а потому достоинств человека, освященной к тому же авторитетом Данте, суждено было стать краеугольным камнем европейской гуманистической этики. Мысль же об уважении достоинства личности проявилась еще в поднятом на щит католической Контрреформацией учении Фомы Аквинского о естественном законе, который предписывает всем людям стремиться к самосохранению и продолжению рода, искать истину и истинного Бога, уважать достоинство каждого человека.

¹ Митюкова А. Указ. соч.

² Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т.1. С. 140.

Категорический императив посткатолической новоевропейской культуры формулирует И. Кант: все обусловлено в этом мире, и только человек, принадлежа миру условий (миру природы), принадлежит еще и миру безусловному (миру свободы); потому «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹. Отсюда же на человеке немалые обязанности и перед самим собой: «Мы должны ближе познакомиться с обязанностями по отношению к самим себе. Последние состоят не в том, чтобы красиво одеваться, иметь прекрасный стол и т. п., хотя все должно быть опрятно; не в том, чтобы стараться удовлетворять свои страсти и наклонности, наоборот, следует проявлять умеренность и воздержанность, а в том, чтобы человек обладал известным внутренним достоинством, которое придает ему благородство по сравнению со всеми прочими созданиями»². Созвучно с И. Кантом высказывается и Ф. Шиллер в своем труде «О грации и достоинстве»: «Власть нравственной силы над влечениями составляет свободу духа, и в явлении она сказывается в том, что мы называем чувством достоинства»³.

Эти мысли повторяются многими и распространяются по всему широкому ареалу новоевропейской культуры: «Благая весть возвещала не ничтожество и слабость человека, а его *вечное аристократическое достоинство*. Это достоинство человека – и при том всякого человека в первооснове его существа (вследствие чего этот аристократизм и становится основанием – притом *единственным* правомерным основанием – «демократии», т. е. *всеобщности* высшего достоинства человека, прирожденных прав всех людей) – определено его *родством с Богом*»⁴.

На X Всемирном русском народном соборе, который состоялся 4–6 апреля 2006 г. в Москве, митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (ныне Патриарх Московский и всея Руси) было сказано так: «Человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она должна уважаться каждым из нас, об-

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. I. С. 270.

² Кант И. О педагогике // Трактаты. М.: Наука, 1983. С. 493.

³ Шиллер Ф. О грации и достоинстве. URL: http://library.udsu.ru/E_library/erohin.html#Chapter_3.5.

⁴ Франк С. Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Париж: YMKA PRESS, 1949. С. 124–125.

ществом и государством. Совершая добро, личность приобретает достоинство. Таким образом, мы различаем ценность и достоинство личности. Ценность – это то, что дано, достоинство – это то, что приобретается»¹. Человеческая жизнь представляет собой естественную ценность, данную Богом, которая не может быть насильственно прервана. Достоинство же обретается человеком в результате совершения добрых дел². Человеческое достоинство позиционируется Православной церковью как процесс становления личности человека, рассматривается как индивидуальный нравственный подвиг его работа с самим собой, где посредником выступает Церковь.

Секулярная теория достоинства и прав человека более решительно, но сходным образом выходила из пелагианского тупика: «Достоинство личности приобретается», но «человеческое достоинство – это, видимо, та самая абсолютная ценность человека как такового, прежде всего как просто биологической особи со всеми ее потребностями, общими всему человеческому роду»³. Это ценность, право, которое дается абсолютно каждому человеку при рождении, а не цена за правильное поведение. «Человеческое достоинство отводится каждой личности без учета ее достижений, статуса или особенностей. Оно не прекращается в результате “недостойного” поведения»⁴. «Человек не обязан никакой высшей сакральной или светской власти за свои права. Достоинство человека, его самоценность не совместимы с рабской, холопской благодарностью за то, что ему, человеку, позволили воспользоваться какими-то (его же!) правами. Они принадлежат ему уже в силу того, что он человек»⁵.

Атеистический гуманизм Нового времени исповедовал идею безусловной ценности человека в чистом виде: человек – высшая цен-

¹ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.mospat.ru/index.php?page=30728>.

² Давлетшин И. Ш. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора // *Философский словарь*. Екатеринбург: АМБ, 2006. С. 84.

³ Круглов А. Г. Что такое достоинство? URL: <http://alkruglov.narod.ru/dignity.html>.

⁴ Лейбо Ю. И., Толстопятенко Т. П., Экштайн К. А. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / под ред. К. А. Экштайна. М.: ЭКОМ, 2000. С. 108–109.

⁵ Пронин А. А. Права человека: аспекты проблемы. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. С. 57.

ность, потому что это человек. Такой логический круг мы найдем в основе любого мировоззрения. Логика не вскрывает внерационального фундамента человеческой жизни и культуры. Душа новоевропейского человека без всяких логических спекуляций отзывается на призыв: «Все во имя человека! Все на благо человека!» – и вдохновляется им. В европейской культуре Нового времени человек ценен до всякой оценки, до стоимости, что фиксирует и язык: достоинство. Примечательно, что наряду с выражением «ниже достоинства» нет соотносительного с ним выражения «выше достоинства». Отсутствие такого оборота в языке не случайно, ибо нет у человека ничего ценнее достоинства.

Итак, достоинство имеет две противоположных ипостаси – цена и бесценное, абсолютное, святое; и когда дело касается человека, достоинство – это, конечно же, только и исключительно святое. «Нечего и говорить, что генерал в этом плане вполне равен рядовому, потому что оба прежде всего люди»¹. Однако идея «цены, достоинства относительного, постоянно вмешивается в наши представления о себе и других и уродует нашу мораль, а все более полное сознание бесценного, абсолютного достоинства каждого плюс соответствующее этому поведение – составляет наш первый и, кажется, по существу единственный долг»².

Достоинство человека утверждается в реализующейся по отношению к любым обстоятельствам свободе человека и прежде всего внутренней свободе человека, оберегаемой совестью, стыдом, покаянием. Субъективно-личностный аспект анализируемого понятия отражен в «Малом толковом словаре русского языка», где говорится, что одним из проявлений достоинства человека является «осознание своих человеческих прав, своей значимости, моральной ценности и уважение их в себе; внешнее проявление такого уважения»³. В учебниках по этике также отмечается, что достоинство – это ценность, приобретаемая и сохраняемая человеком в процессе жизни, причем каждый человек является обладателем или носителем не одной, а не-

¹ *Абелев Г. И.* О достоинстве в жизни и в науке // Поиск. С. 2. URL: <http://garriabelev.narod.ru/dignity.html>.

² *Круглов А. Г.* Что такое достоинство? URL: <http://alkruglov.narod.ru/dignity.html>.

³ *Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.* Малый толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. С. 123.

скольких ценностей, которые в совокупности и характеризуют объективную сторону достоинства личности.

Человек может быть внутренне свободен и в цепях, свободен, когда его сжигают на костре. Однако человек может являться рабом внешнего мира, находясь на свободе, даже рабом самого себя. Поэтому Н. А. Бердяев считал, что «освобождение рабов во внешнем обществе не есть освобождение от внутреннего рабства. Ибо победа над рабством есть духовный акт»¹. Со свободой связаны качество жизни, честь и достоинство человека. Таким образом, каждому человеку во владение предоставлено его бытие, и на него возлагается полная ответственность за существование.

В настоящее время достоинство человека является выражением его личностной ценности. В социальном отношении достоинство – это проблема достойной жизни *для человека*. Так, например, А. Д. Сахаров в своем проекте конституции считал главным правом человека право на достойную жизнь: «Нищета нарушает человеческие права, человеческое достоинство, смысл жизни»².

Отмеченные разночтения наблюдаются до сих пор не только в версиях осмысления понятия человеческого достоинства, но и в понимании достойного человеческого существования. Ведутся споры о его составляющих, критериях, границах, месте в контексте права, о том, при какой форме государственного правления возможно его реальное осуществление. Несмотря на то, что само понятие права на достойное человеческое существование начинает дискутироваться философами и правоведами лишь с середины XIX в., его истоки гораздо глубже.

Представления о естественной природе определенных прав, которыми человек обладает с рождения, сформулированные мыслителями раннего Нового времени в качестве нормативного идеала, начиная с конца XVIII в. стали закрепляться в политико-правовых декларациях и конституциях. О. Э. Лейст считает, что «становление и утверждение в качестве основы общественной жизни юридического равенства людей, положившее начало Новому времени, – столь же глубокий переворот в истории, как, скажем, разрушение первобытной общины доисторического времени и переход к классово-сословному строю Древ-

¹ Цит. по: Митюкова А. Честь имеем?! // Наука Сибири. 2002. № 36 (2372). С. 130.

² Сахаров А. Д. Тревога и надежда. 2-е изд. М.: Интер-Версо, 1991. С. 269.

него мира»¹. Однако юридическое провозглашение прав явилось следствием многовекового подготовительного периода, своего рода «латентной истории прав человека»². Было бы ошибкой полагать, что возникли они в эпоху Просвещения, это произошло значительно раньше. Причинами зарождения правовой мысли являлись автономия индивида, частная собственность, активизация предприимчивости, индивидуалистический уклад жизни, установка на противостояние властям и т. п. Становление персонистского типа общества требовало появления новых инструментов поддержания равновесия между интересами самоутверждающейся личности и задачей сохранения социального целого. Одним из таких инструментов и стали права человека. Их ярко индивидуалистическая нацеленность на первоначальном этапе со временем приобретала все более социальный, демократический, этический и экологический оттенок.

Наделение правами избранного, а затем все более широкого круга лиц постепенно должно было привести к завершению истории архаических прав-привилегий и открыть счет времени правам планетарного человека, признанию всеобщих прав за каждым представителем человеческого рода. Этот процесс не только происходил в общественном сознании, в трансформации общественных отношений, но находил выражение и в правовой теории и практике.

Сложно привести точную дату появления первых правовых норм, однако, изучая источники древних цивилизаций, можно выделить слова одного из древнеегипетских фараонов (около 2000 г. до н. э.), давшего указание своим подчиненным: «Когда с Верхнего или Нижнего Нила приезжает проситель, сделайте так, чтобы все происходило в соответствии с законом, чтобы был соблюден обычай и уважались права человека»³. Можно предположить некоторую «подгонку» под современную терминологию при переводе, но даже основания для такой подгонки симптоматичны.

¹ Цит. по: Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 1. С. 341.

² Головатенко А. Ю. Права человека и статус личности: история и современность: пособие для учителя. М.: Изд-во Моск. шк. прав человека, 1997. С. 27.

³ См.: Брандер П., Гомес Р., Ким Э. Компас. Понимание прав человека. М.: Совет Европы, 2002. С. 5.

Хартия Кира (около 570 г. до н. э.) была составлена царем Персии для народа его царства и признавала права на свободу, безопасность, свободу передвижения, а также некоторые социальные и экономические права.

Древнегреческая мысль видела два начала прав – по природе и человеческому установлению¹. Граждане древнегреческих полисов пользовались такими правами, как изогория, или свобода слова для всех, и изономия, или равенство всех перед законом, т. е. правами, которые и в современном мире считаются основными. Протагор утверждал, что мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют. Софист Ликофрон сделал вывод, что люди равны по природе и поэтому равны их личные права, закон же является договором и гарантией личных прав. Эпикур трактовал свободу человека как его ответственность за разумный выбор своего образа жизни и за себя.

Особый интерес представляет учение Аристотеля о справедливости. В процессе анализа справедливости как некоторой равномерности Аристотель говорит о «социальной справедливости» и различает два вида ее проявления: распределяющую и уравнивающую². Распределяющая справедливость – это проявление справедливости при распределении всего того (власти, почестей, выплат и т. п.), что может быть разделено и распределено между членами общества. Здесь возможно как равное, так и неравное наделение различных лиц соответствующими благами, где основной принцип – «делить по достоинству». «Все люди, – пишет Аристотель («Этика», V, 6), – согласны в том, что распределяющая справедливость должна руководствоваться достоинством, но мерило достоинства не все видят в одном и том же, а граждане демократии видят ее в свободе, олигархи – в богатстве, а аристократы – в добродетели»³. То есть организация достойной жизни является привилегией и возможна только для элиты свободного насе-

¹ См.: *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 411.

² См.: *Мордачев В. Д.* Теория обмена труда: История. Этика. Психология. Екатеринбург: Ажур, 2006. Кн.1. С. 73.

³ *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегр. И. В. Брагинской [и др.]; ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди / примеч. В. В. Биbihина [и др.]. М.: Мысль: Ред. филос. лит., 1983. С. 151.

ления полиса. Уравновешивающая справедливость же применяется в процессе гражданско-правовых сделок, возмещения вреда, преступления и наказания, она «золотая середина» ущерба и выгоды, ограничивающая произвол.

В эллинистическую эпоху, последовавшую за упадком древнегреческих городов-государств, философы-стоики провозглашали, что естественные права являются достоянием всех людей во все времена; права эти не привилегия граждан (только граждан) отдельных городов, а достояние каждого человека исключительно благодаря его человеческой природе и способности к рациональному мышлению. Они впервые выдвинули концепцию естественного закона. Для них естественный закон воплощал те элементарные принципы справедливости, которые были очевидны лишь «взору разума». Римские стоики, будучи скорее юристами, чем философами, придерживались того же мнения. Марк Туллий Цицерон, пользовавшийся впоследствии высоким авторитетом у деятелей Французской революции как великий республиканец, борец за свободу и справедливость, утверждал: «Имеется истинный закон, праведный разум, согласный с природой; он неизменен и вечен»¹. Стоики обосновали космополитические представления о том, что все люди по своей природе и по закону мироздания являются гражданами единого мирового государства (космополиса) и что человек есть гражданин вселенной. Это позже станет основой универсальной концепции прав человека.

Складываясь исторически, институт прав человека содержит в себе разные пласты норм, которые являются отражением смены представлений о содержании соответствующей правовой идеи. В историю ее развития внесли свой вклад соперничавшие друг с другом направления политической мысли. Концепция прав человека в течение по крайней мере двух с половиной тысячелетий была предметом дискуссий среди философов, религиозных писателей, ученых-правоведов. Иногда эти дискуссии оставались игрой ума, интеллектуальными упражнениями просвещенных одиночек². Однако эти представления воплощались и в юридические нормы – права, свободы, привилегии.

¹ Цит. по: *Крэнстон М.* Права человека. Editions de la Seine. Париж, 1975. С. 4.

² См.: Свобода. Равенство. Права человека / сост. Л. Богораз; коммент. А. Даниэля. URL: http://www.memo.ru/about/biblio/swoboda/chapt1.htm#_VPID_1.

Абсолютистские монархии позднего Средневековья с их претензией на божественный источник государственной власти, Ренессанс, Реформация и Контрреформация необычайно актуализировали в сознании европейцев проблему личной свободы и общественной справедливости. Но лишь в XVIII в., в век Просвещения, было предложено внешне простое решение этой проблемы: мысль о естественном законе, высказанная еще древнегреческими философами и подхваченная многими христианскими богословами (от блаженного Августина до Фомы Аквинского и далее), оформилась в стройную теорию естественного права.

Теория естественного права опиралась на выдвинутую просветителями гипотезу о естественном состоянии человеческого общежития в догосударственный период¹. Этот естественный закон подразумевал право на удовлетворение основных потребностей человека, данное каждому человеку самой природой. Такими естественными правами признавались в первую очередь право на жизнь и на ее сохранение, на главные жизненные потребности, защиту от враждебных посягательств. Естественные права человека, согласно этой концепции, характеризуют человека в «естественном состоянии», т. е. в догосударственный исторический период.

Дж. Уинстэнли, глава и теоретик диггеров, разработал проект конституции «Закон свободы», в котором раскрыл содержание свободы посредством сочетания двух показателей: факта обладания индивидом комплексом прав и факта реального *обеспечения людей необходимым материальным достатком*.

Идеи Т. Гоббса предвосхитили структуру современного буржуазного общества, выросшего из разделения труда, договорной свободы и гипертрофии потребностей². По мысли Гоббса, естественные права – это свобода человека использовать все свои силы для сохранения своей жизни, для владения всеми благами (здесь важно подчеркнуть не просто право на жизнь, а жизнь с определенными благами). Эту идею поддерживал и Дж. Локк. Примерно те же воззрения свойственны французским и американским просветителям. Но естественное состояние с необходимостью сменяется гражданским состоянием.

¹ См.: Свобода. Равенство. Права человека.

² См.: *Козловски П.* Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. С. 157.

Дело заключается в том, что желания и силы людей примерно одинаковы, благ же для удовлетворения потребностей всех недостаточно; из-за этого возникает (или может возникнуть) «война всех против всех». Желание избежать такой войны или прекратить ее заставляет людей договориться между собой, заключить общественный договор о всеобщем добровольном ограничении естественных прав и естественной (т. е. неограниченной) свободы. В результате грубый эгоизм заменяется эгоизмом разумным, а естественное состояние – гражданским, т. е. общественным, состоянием. Так возникает цивилизованное состояние, гражданское правление, государство. Модели его различны: от наиболее этатистской (где государство – все, а человек полностью подчинен ему) у Т. Гоббса до наиболее демократической у Ж.-Ж. Руссо¹.

Новое натурфилософское обоснование концепции, тесно связавшее «естественный закон» с социальной и правовой идеей гражданского равенства, позволило сформулировать и систематизировать первоначальное понятие об универсальных – неотчуждаемых и неотъемлемых – правах каждого человека, принадлежащих ему от рождения до смерти. Во-первых, признание того, что права существуют независимо от государства, дает возможность противостояния политической власти в защите прав. Во-вторых, правами обладают все люди и основными правами – все в равной степени. В этом также отличие от средневековых взглядов, согласно которым права зависят от принадлежности к той или иной группе и различны для этих групп. В-третьих, суть прав – свобода. Права преимущественно не связаны с обязательствами – за исключением общей обязанности обладателя прав не нарушать прав (свободы) других, как и их общей обязанности не нарушать его прав (свободы).

В связи с этим подходом возник ряд сложностей. Дж. Локк подчеркивал, что свобода не есть своеволие. Обращаясь к древним традициям естественного права, он указал принципы поведения, ведущие, в конечном счете, происхождение от Бога и определяющие, как человек может достойно пользоваться своей свободой. Локк пытался ответить на возражения, возникавшие по мере того, как права все

¹ См.: *Другач Т. Б.* Естественное право. URL: http://www.memo.ru/about/biblio/swoboda/chapt1.htm#_VPID_1.

больше стали отождествлять со свободой. Возражения эти состояли в том, что права в таком понимании разрушают чувство общности, чувство взаимной ответственности людей за благополучие других. По словам К. Маркса, в обществе, где господствует такая концепция, люди эгоистичны; общество в лучшем случае играет лишь необходимую сдерживающую роль.

В Италии Ч. Беккариа в криминалистической по названию работе «О преступлениях и наказаниях» (1764) широко пропагандировал гуманистические либеральные ценности: честь, свободу, достоинство, – обеспечиваемые не репрессиями, но справедливыми законами, самодисциплиной, всеобщим просвещением, устранением нищеты, постепенным уравниванием всех граждан в нравственных и материальных выгодах. Усматривая источник прав в самой природе, мыслители игнорировали другой возможный источник прав.

В Англии XVIII в., где парламентарии нередко обращались к «Древней конституции», легендарному своду прав еще донорманнских времен, эти радикальные взгляды прививались с трудом. Взрыв в истории, безусловный, однозначный и целенаправленный, произвела Французская революция. Прошлое с его накопленными правами отвергалось. В идеологии якобинцев символу прежней государственности – «аристократии богатств» – противопоставлялся символ нового общества – «святое равенство». Под данным идеалом подразумевалось равенство в отношениях (в противовес сословным привилегиям) и равенство в возможности реализовать себя и служить обществу. Равенство должно было обеспечивать свободу и возможность наиболее полной реализации прав человека и применения им своих талантов. Именно в условиях подобного общественного идеала у каждого человека мог появиться «свой Тулон», как у Бонапарта, – возможность сделать головокружительную карьеру благодаря исключительно таланту, активности, улыбнувшейся фортуне, а не знатности происхождения. В политическом идеале якобинцев общество и государство сливались, причем государство не противопоставлялось обществу, не подавляло его, а органически возникало как высшая степень самоорганизации сознательных граждан. Таковую идею выдвигал, например, Л. Сен-Жюст, который полагал, что люди, связанные между собой, должны создавать государство.

Лозунги прав человека (свобода, равенство, братство и частная собственность) стали ведущей идеологией революционных и освободительных движений XVII–XVIII вв. и обосновывали смену государственной власти.

В декларациях XVIII в. естественный закон и естественные права служат аксиомами действия, т. е. они подтверждают содержащийся в декларациях вывод. Суть этого вывода – действие. Само же действие является результатом восприятия законов природы и естественных прав как самоочевидных¹.

В Англии этот ход мысли нашел отражение в споре консерватора Э. Берка и радикала Т. Пейна. Если Берк видел в прошлом страны истоки прав и обязанностей, то Пейн усматривал в нем только принуждение и стеснение. Если Берк полагал, что права наследуются от предков, то Пейн это страстно отрицал. Спор Берка и Пейна подводит еще к одному аспекту вопроса о природе прав. Берк считал, что права англичан, сформированные историей страны, специфичны для Англии; другие народы с иным историческим опытом имеют и иной, свой собственный свод прав. Но если права заложены в самой природе, а не в истории, они одинаковы для граждан всех государств вне зависимости от их истории. Права всеобщи. В конце XVIII в. вопрос о том, всеобщи права или специфичны, был тесно связан с идеями новой демократической формы правления с одной стороны и приверженностью старой, традиционной системе власти, с другой, – это считая, что прошлые поколения не могут навязывать образ жизни современникам².

В Западной Европе и Северной Америке идея прав человека рассматривалась как антитеза привилегиям феодального общества и произволу абсолютистских монархий. Одновременно эта концепция продолжала средневековую традицию «вольностей» и «свобод», расширяя их действие на всех граждан.

В США важную роль в формировании идеологии достойного существования и прав человека сыграла гражданская война Севера и Юга. Избрав более прогрессивную модель федералов, США, по сути, реализовали идеи Французской революции, которые в Старом Свете

¹ См.: *Пронин А. А.* Указ. соч. С. 16.

² См.: *Петер М., Стурк Р., Вейгалл Д.* Происхождение и природа прав. URL: [http:// www.hrights.ru/text/b8/Chapter3.htm](http://www.hrights.ru/text/b8/Chapter3.htm).

так и остались невоплощенными¹. Важными элементами этой идеологии стали свобода и равенство всех перед законом, отсутствие привилегий, сословных ограничений и невмешательство государства в дела бизнеса. Другой важный принцип – это труд и осуществление через него призвания человека, как это понималось большинством протестантов: неважно, кто ты, важно, сумел ли ты достичь успеха, например разбогатеть.

Против княжеского государства «всеобщего блага» и государственного эвдемонизма была обращена критика И. Канта. Государству всеобщего блага И. Кант противопоставлял идеал формального правового государства. Государство всеобщего блага, по Канту, с неизбежностью ведет к деспотизму, поскольку над счастьем граждан оно должно возводить властные предписания. И. Кант заявляет: «Никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет себе благополучие других людей). Правление, основанное на принципе благоволения народу как благоволения отца своим детям, иначе говоря, правление отеческое, при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно, и вынуждены вести себя только пассивно, дабы решения вопроса о том, как они должны быть счастливы, ожидать от одного лишь суждения главы государства, а дабы он и пожелал этого – ожидать от одной лишь его доброты, – такое правление есть величайший деспотизм»². В качестве принципа универсального законодательства принцип счастья неприемлем.

В то же время И. Кант защищает идею меценатства. Поскольку каждый индивид может впасть в нужду, в интересах всех взять на себя ответственность за него, разделив ее поровну. Благотворительность, которой занимаешься сегодня, может стать наградой за успехи других в будущем. Но требование содействовать благу другого нельзя сделать всеобщей правовой нормой, реализуемой в принудительном порядке государством³. Определенный минимум благотворительности, считает И. Кант, является не только моральным, но и правовым долгом государства, причем это не означает, что необходимо точно опре-

¹ См.: *Власова О.* Американская идея от расцвета до заката. URL: <http://morgulis.tv/2010/02/kak-formirovalas-ideologiya-ameriki/>.

² *Кант И.* О поговорке «Может быть, это верно в теории, но не годится для практики» // *Сочинения*: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т.4, ч. II. С. 80.

³ См.: *Козловски П.* Указ. соч. С. 207.

делить его размеры. «Беспомощные бедняки должны быть накормлены, а если речь идет о детях, то они должны быть воспитаны, не обделены заботой. Почему? Потому что мы люди, а не чудовища. И это вытекает не только из гражданских прав бедняков, но и из человеческих потребностей»¹. Правовое государство не должно заботиться о благосостоянии своих граждан: «Если общество создано во имя права, его не интересует благосостояние отдельных индивидов»². Всеобщее благо, с точки зрения И. Канта, не является правовым принципом, поскольку он не может быть реализован повсеместно и для каждого в отдельности, ведь свободный индивид не удовлетворяется жизненными благами, которые ему перепадают от других (в том числе от правительства); он будет стремиться к принципам организации общества, в соответствии с которыми он сам в состоянии достигнуть благосостояния. Таким образом, по Канту, достойное существование – это максимум индивидуального действия, обязанность добродетели, но не правовой принцип.

Несмотря на многочисленные различия во взглядах представителей разных научных школ к этому моменту на Западе в общих чертах сложилась классическая картина прав человека. Ее последние «штрихи» дополнились процессом конституционного закрепления прав. В конце XVIII в. концепция прав человека была одной из главных движущих сил двух великих революций: в Северной Америке и на европейском континенте. Большое влияние имела теория естественного права Т. Пейна, который одним из первых сформулировал в «Правах человека» (1791) идею социальной ответственности государства. «Декларация прав Вирджинии» 1776 г. (авторы Дж. Мейсон и Дж. Мэдисон) провозглашала: «Все люди по природе являются в равной степени свободными и независимыми и обладают определенными врожденными правами, коих они – при вступлении в общественное состояние – не могут лишиться себя и своих потомков каким-либо соглашением, а именно: правом на жизнь и свободу, на стремление к счастью и безопасности и их приобретение»³. В 1789 г. были предложены 10 первых поправок к Конституции США, в которых закреплялся перечень прав и свобод.

¹ Кант И. Критика практического разума // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. I. С. 500.

² Там же. С. 451.

³ Крэнстон М. Указ. соч. С. 2.

Теоретики прав человека XX в. обозначили их как гражданско-политические права, т. е. как права человека «первого поколения», которое основывалось на негативном понимании свободы, характерном для классической либеральной теории: свобода личности интерпретировалась как отсутствие принуждения. Задачи государства сводились к установлению разумных «правил игры», позволяющих регулировать возможные конфликты публичных и частных интересов. Предполагалось, что сфера собственно частных интересов должна строиться преимущественно на основе договорных отношений. И хотя обязательственное право не может не опираться на государство, призванное разрешать по справедливости возможные споры между частными лицами и обеспечивать защиту законных прав, тем не менее, считалось, что обеспечение личной свободы требует, чтобы собственно государственное регулирование сферы частных интересов было минимальным.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что в данной концепции кроме права на жизнь и свободу предусмотрено и право на стремление к счастью. «Между правом на счастье и правом на стремление к счастью можно поместить те положения многих современных конституций, которые гарантируют право на кое-что из того, что в принципе способствует достижению счастья. Речь идет о праве на труд, на справедливое либо достаточное вознаграждение за труд, о праве на пособие по безработице и по болезни, а также на пенсию, о праве на бесплатное образование, на охрану здоровья, на чистую окружающую среду и т. п. Ни одно из этих благ не является ни необходимым, ни достаточным для счастья, однако они ценятся, поскольку, как было сказано, они в принципе *способствуют его достижению*»¹. Подтверждением является мало известный документ якобинского конвента «Конституция от 24 июня 1793 г.», частью которой стала новая, намного более подробная и последовательная редакция Декларации прав человека, тексты которой можно было трактовать как признание в качестве одного из прав человека необходимости определенных социально-экономических гарантий гражданину со стороны общества: «Ст. 21. Общественное призвание есть священный долг. Общество обя-

¹ Элстер Й. Влияние прав человека на социально-экономические права. URL: [http:// www.hrights.ru/text/b4/Chapter9.htm](http://www.hrights.ru/text/b4/Chapter9.htm).

зано давать пропитание неимущим, как приискивая им работу, так и обеспечивая средства существования лицам, не способным к труду. Ст. 22. Образование составляет общую потребность. Общество должно всеми своими средствами способствовать успехам народного просвещения и делать образование достоянием всех граждан»¹. Декларация прав 1793 г., принятая якобинцами, впервые признавала обязанность общества оказывать поддержку своим членам, либо предоставляя им работу, либо обеспечивая средства к существованию нетрудоспособным. Однако это требование было слишком радикальным. Общественное мнение респектабельной Европы увидело в нем проявление революционного сумасбродства и предпочло забыть о естественном праве на труд еще на полстолетия, пока оно не было снова поставлено в повестку дня Французской революцией 1848 г. Но надо признать, что данная Конституция не просуществовала ни одного дня и была вскоре забыта. Лишь в конце XIX в. под давлением социалистов и рабочего движения государственное регулирование сферы трудовых отношений начинает обсуждаться в практической плоскости. Признание необходимости такого регулирования было сопряжено с существенным изменением самой логики деятельности государства по обеспечению личных прав.

С начала XIX в. в конституциях наиболее развитых стран стали провозглашаться права личности. Некоторые из них прямо включают декларации о правах в качестве составных частей (Франция), другие формулируют конституционные гарантии прав (Бельгия), третьи поручают текущему законодательству прописать содержание и механизмы действия прав (Германия). Болгарская Тырновская конституция 1879 г. приобретает известность как документ, закрепивший самый широкий для XIX в. комплекс прав и свобод. Первые права своих граждан (на свободу выбора места жительства и профессии) назвала первая Конституция Японии 1889 г. Высоким уровнем демократичности отличались права подданных, дарованные российским императором в Конституции Царства Польского 1815 г.

Англия, хотя и не имела в то время и не имеет сейчас писаной конституции, выделялась рядом важнейших актов, послуживших еще

¹ Конституция от 24 июня 1793 г. // Свобода. Равенство. Права человека. URL: http://www.memo.ru/about/biblio/swoboda/chapt1.htm#_VPID_1.

в XVII–VIII вв. образцом другим странам для выработки деклараций о правах человека (Великая хартия вольностей 1215 г., Петиция о правах 1628 г., Билль о правах 1689 г. и др.). Англия сыграла самую передовую роль в создании не только правовых форм, но и в отыскании юридических средств практической реализации и обеспечения прав личности¹.

Особенностью первых конституционных установлений прав человека этого периода было то, что они провозглашали и оберегали права преимущественно своих граждан, т. е. народа, который составлял данное государство. Конституции ограничивались перечнем гражданских и политических прав, а экономические и социальные права лишь выборочно назывались и рассматривались как побочный продукт действия первых.

Дальнейшее развитие прав человека шло по пути все большей систематизации, кодификации и совершенствования национального законодательства. Вопрос взаимосвязи отдельных прав усложнялся по мере расширения их спектра. Значительным этапом в этом процессе стал переход от понятия естественных прав к понятию прав человека. Суть этой перемены можно суммировать так: понятие естественных прав исходит из идеи самосохранения, защиты своей собственности от других, понятие же прав человека исходит из концепции человека как существа со своими потребностями и интересами, которые для его полноценной жизни должны быть удовлетворены.

Начавшись ранее, этот процесс переноса акцентов в вопросе прав получил бурное развитие в XIX в. Английский реформатор Дж. Рей однозначно охарактеризовал меняющиеся ожидания общества и тенденции как динамический фактор в трактовке прав: «Справедливое государство должно заниматься социальным реформированием – оно должно максимально эффективно защитить те жизненно важные основы нормального, достойного существования, которые являются правом каждого человека, ибо, лишаясь их, он перестает быть человеком, без них его человеческое естество неполноценно, ущербно, деформировано, он не может исполнить свое человеческое предназначение. Эти исконные условия человеческого бытия неотъемлемы от самой человеческой природы, когда их лишают даже не нас, а других людей, наше чув-

¹ См.: Глухарева Л. И. Права человека. М.: Логос, 2002. С. 128.

ство самоуважения не может смириться, и государство обязано обеспечить надежную защиту этих основ каждому. Всегда смысл существования государства, его оправдание состояли в защите личности и собственности от насилия; вчера это была, например, отмена рабства, сегодня – борьба с невежеством, завтра – уничтожение каких-либо других унижительных условий жизни. Чувство собственного достоинства общества в целом с ходом истории меняется, завтра оно может не смириться с тем, что представляется сегодня терпимым, но сама идея рационального вмешательства государства остается постоянной: оно должно создать определенные условия, обеспечив человеку возможность прожить достойную жизнь и выполнить свое предназначение»¹.

Люди смогли приобрести права на то, к чему предшествующие поколения отнеслись бы достаточно равнодушно. Вопрос о правах все активнее ставился на повестку дня благодаря все большему признанию роли государства в экономическом и социальном развитии.

Претерпевают изменения и научные взгляды на права человека. В первой половине XIX в. влиятельным политическим и интеллектуальным течением становится либерализм – идеология утверждавшая капиталистического строя. Его концептуальную основу задают тезисы о личной свободе, автономии индивида и частной собственности, которые квалифицируются как ценности, способные обеспечить благосостояние и прогресс общества в целом. В соподчинении к правам человека либерализм разрабатывает идеологемы правового государства, разделения властей, гражданского самоуправления, теории парламентаризма и конституционализма.

И. Г. Фихте, основываясь на естественно-правовой доктрине, показывал значимость политических прав личности, требовал либерализации политической власти, заявляя о праве человека на обеспечение существования и на труд.

Духовный отец либерализма Б. Констант утверждал, что, будучи свободными, люди в состоянии самостоятельно и разумно реализовать себя в жизни, способны за счет своих индивидуальных усилий обеспечить себе достойное существование. Он выступил против сла-

¹ *Rae J. State Socialism and Social Reform // Contemporary Review. 1890. Vol. 58. P. 438–439.*

бой государственности, против того, чтобы «государства было меньше», поскольку институты государства зависят от индивидуальной свободы и вырастают на ее фундаменте.

Ш. Фурье считал, что провозглашенные права в условиях господства частнособственнических отношений – декларации, если они не обеспечиваются правом на труд.

Несмотря на то, что формулировка прав и свобод личности, предложенная Национальным собранием Франции в 1789 г., практически без изменений воспроизводилась в большинстве европейских конституций XIX в., это не привело к разрешению острых социальных проблем. Разрыв между бедностью и богатством, между невежеством и образованностью, «рабочий вопрос», «женский вопрос», «национальный вопрос» и многие другие общественные проблемы в динамичном и открытом обществе XIX столетия ощущались еще острее, чем в традиционно устойчивом сословном обществе. Общество требовало дальнейшей эволюции права. В это время все больше философов, писателей, социологов, общественных деятелей решительно и резко выступали против «наивной» (по мнению одних) или «конъюнктурной» (по мнению других) веры в естественные права личности как основу новой цивилизации.

Основная критика была направлена на представление о «естественном» происхождении прав и свобод личности. Этой основной предпосылке классической либеральной теории большинство критиков противопоставляли взгляды, согласно которым те или иные права не дарованы людям изначально Природой или Богом, а возникают и меняются в ходе исторического развития. Эту теорию часто связывают с так называемой позитивистской философией права. Позитивисты считали, что норма, не закрепленная в действующем на данный момент законе, не может считаться «неотъемлемым правом»; в лучшем случае, это не более чем моральный идеал. Соответственно, права человека рассматривались не как «естественные и неотъемлемые», а как результат (возможно, промежуточный) культурной и идейной эволюции человечества.

Особую роль в обосновании позитивистских взглядов на взаимоотношения между личностью, обществом и государством сыграли идеи Г. Гегеля. Государству была приписана самостоятельная духовная ценность, более значимая, чем ценности индивидуальные. Госу-

дарство объявлялось воплощением «народного духа», «национальной идеи». Соответственно, свобода реальна лишь постольку, поскольку она необходима для существования реальности высшего порядка – государства. «Свобода – это осознанная необходимость» – мысль, подхваченная прежде всего К. Марксом и марксистами. «И марксисты, занимающие крайне левую позицию, и консервативный центр, и фашисты, занимающие крайне правую позицию, – все они основывают свою политическую философию на Гегеле»¹.

Для суверенного государства Нового времени право определяется волей суверена, ориентированной на благополучие своего государства, но не безусловными нормами естественного права. Монарх возводил в ранг моральной максимы своей политической деятельности стремление приумножать счастье и благополучие своих подданных². Законодательства европейских абсолютистских государств XVIII столетия были уже весьма эмансипированы от традиционных моральных ценностей и в большинстве своем были «учреждены» (в том смысле, что их источником была ясно выраженная воля законодателя). Более того, абсолютистские государства тоже были своего рода государствами социального обеспечения, в которых экономический и социальный (и, конечно, религиозный и культурный) уклад подлежал регулированию в весьма широких пределах³. Пожалованные права и вольности феодального общества находили обоснование в должным образом признанных притязаниях и оправдывались священными традициями. Таким образом, они были препятствием к установлению законодательства и, с современной юридической точки зрения, являлись не правами, а привилегиями, льготами и иммунитетами. Право на достойное человеческое существование в данном контексте выступает как привилегия определенного сословия.

Утилитаристы выдвигали идею «общего блага», которое выше индивидуальной свободы, и государство в нем – всего лишь механизм, который не соблюдает права и свободы граждан, а увеличивает

¹ *Поннер К.* Открытое общество и его враги: пер. с англ. / под общ. ред. и с предисл. В. Н. Садовского. М.: Междунар. фонд «Культ. инициатива» – Soros foundation: Феникс, 1992. С. 214.

² См.: *Козловски П.* Указ. соч. С. 185.

³ См.: *Прейсс У. К.* Концептуальные противоречия социально-экономических прав. URL: <http://www.hrighs.ru/text/b9/Chapter7.htm>.

сумму этого самого общего блага. Фр.Г. Брэдли в 1894 г. писал так: «Права личности в наше время не заслуживают сколько-нибудь серьезного внимания... Благосостояние общества – вот достойная цель и конечный критерий. Следует возвести в абсолют моральное господство общества над каждым из его членов. Наиболее целесообразное использование членов общества есть право и обязанность данного общества»¹.

Идеи государства благоденствия и сам этот термин впервые появились в общественно-политической жизни Германии в 1880-е гг. Стремясь ослабить влияние социал-демократов, правительство О. фон Бисмарка подготовило тогда серию законов о страховании рабочих промышленных предприятий. Как указывалось в правительственном заявлении по этому поводу, лечение социальных недугов требует применения не только репрессивных мер против социал-демократов, но и заботы о «благосостоянии рабочих»².

В то же время утилитаристы ближе, чем их предшественники, подходили к рассмотрению социально-экономических прав человека. Тенденция к социализации либерализма отчетливо выражена уже в труде Дж. Ст. Милля «Основания политической экономии и некоторые приложения их к социальной философии» (1848), согласно которому человек не может быть свободным в нищете. Потому Милль исследовал проблему распределения продуктов производства во имя задачи достижения счастья для всех.

Утилитаристский взгляд на вещи был подхвачен и развит множеством социалистических и анархических учений с той поправкой, что современное (по мнению социалистов) или даже любое (по мнению анархистов) государство не может представлять общую волю. Однако многие социалисты рассматривали свое учение не как отрицание, а как развитие концепции гражданского равенства и прав человека – за исключением свободы владения собственностью. Именно во имя гражданского равенства они восстали против неравенства имущественного и, во всяком случае, против наследования богатств.

¹ Брэдли Фр. Г. Видимость и реальность // Свобода. Равенство. Права человека. URL: http://www.memo.ru/about/biblio/swoboda/chapt1.htm#_VPID_1.

² См.: Пятков Н. А. Государства всеобщего благосостояния и теория прав человека // Философский словарь. Екатеринбург: АМ, 2006. С. 74.

Укрепилось представление о коллективных правах не только по отношению к власти, но и по отношению к личности. Коллективные права стали рассматриваться наравне с индивидуальными правами, а иногда им отдавался приоритет. Пожалуй, наиболее яркое выражение идеология коллективных прав нашла в марксизме, который ставил во главу угла деление общества на классы и логически обосновывал общность интересов (в том числе и экономико-правовых) индивидов, относящихся к определенному классу. Идеология классовых прав пролетариата была важным рубежом в становлении идеологии прав человека и достойного существования. Напомним, что в середине XIX в. достоинство личности на практике признавалось лишь за дворянством и верхушкой буржуазии и бюрократии, а подавляющее большинство населения во всех странах находилось фактически в бесправном положении. И когда зашла речь о достоинстве социального класса наемных рабочих – пролетариев (напомним, что в это время продолжительность жизни среднего рабочего составляла 30–40 лет, зарплата едва хватало, чтобы прокормиться, и не было никаких социальных гарантий), это стало важным шагом к признанию права на достойное существование любого человека – независимо от классовой, национальной, расовой принадлежности.

К середине XIX в. стало ясно, что буржуазное, т. е. гражданское, государство состоялось. Конкретный смысл либерального переворота состоял в том, что были законодательно ограничены возможности государственной власти посягать на свободу, собственность и достоинство личности. В либеральных капиталистических обществах XIX в. права рассматривались не как препятствие для законодательства или системы социального обеспечения, но, напротив, как их неотъемлемые элементы. История буржуазного общества показывает, что институционализация как частных, так и гражданских прав была ключевым элементом притязаний буржуазии на равноправие. Но социальная несправедливость, правительственный и полицейский произвол, жестокое, репрессивное законодательство продолжали тревожить общественное мнение. Права человека, будучи даже конституционно закрепленными, еще оставались скорее моральным ориентиром, нежели позитивной юридической нормой. «Право действительное, реальное, то право, которым люди пользуются в практической жизни, отделилось от права идеального, от идеальной потенции человека иметь

то-то и то-то, пользоваться тем-то и тем-то. Такое раздвоение права имело вредное влияние на развитие человеческого счастья и общественного благосостояния. Чуть только господствующие классы потеряли действительную материальную силу, чуть только они увидели, что рабы их сильнее, чуть только каста разрушилась, – сейчас пустили в ход понятие об идеальных правах и, щедро расточая эти права на головы угнетенных и ограбленных, на головы задавленных бедняков, думали заставить их забыть о микроскопических размерах их реальных прав. Обман удавался, поколения росли и умирали в полной уверенности, что у них есть какие-то права, что они граждане; а, в сущности, они были только рабами и все их права были только якобы правами...»¹.

Именно в конце XIX – начале XX в. начинают остро дискутироваться проблемы социально-экономических прав. Право на достойное человеческое существование вышло на первый план в контексте возрождения естественных прав человека. Признание прав второго поколения происходило в острой борьбе, имевшей не только социальное, но и правовое содержание: фактически речь шла о радикальном изменении самой концепции права. Особо развивали данную полемику юристы и философы, занимающиеся теорией социалистического государства.

Одним из основоположников идеи права на достойное человеческое существования можно назвать Антона Менгера (1841–1906), австрийского юриста, профессора гражданского судопроизводства в Венском университете, исследовавшего с юридических позиций социалистические идеалы. В основной своей работе «Новое учение о государстве» (рус. пер.: СПб., 1905. В годы первой русской революции в России были изданы почти все его произведения) А. Менгер изучил правовое содержание идеи социалистического государства, где большое место занимает концепция защищенности человека правом². Им впервые было весьма подробно рассмотрено понятие достойного человеческого существования: «Между потребностями выдвигаются на первый план те, от удовлетворения которых для отдельной личности зависит поддержание достойного человеческого существования и ко-

¹ Ткачев П. Н. Идеализм и реализм в области права // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 43.

² См.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. // Европа – Америка XVII–XX вв. М.: Мысль, 1999. Т. 3. С. 456.

торые вследствие этого можно назвать самыми насущными потребностями. Если правовая система признает за каждым членом общества право требовать, чтобы ему были предоставлены необходимые для поддержания достойного человеческого существования вещи и услуги сообразно с наличностью средств раньше, чем будут удовлетворены менее настоятельные потребности других, то мы имеем право на существование»¹.

Важным моментом является также то, что А. Менгер разделил содержание права на существование на три части и определил его место в буржуазных государствах того времени: «По отношению к несовершеннолетним дело идет о поддержании их существования и о воспитании; по отношению к взрослым – о поддержании существования; по отношению к лицам, которые вследствие старости, болезни и других причин не способны к труду, о попечении. Наше современное право в домах для подкидышей и сирот, затем страхование против безработицы, несчастных случаев, старости и инвалидности содержит скромные зачатки осуществления права на существование»². Однако в своей работе «Завоевание рабочим его прав. Право на полный продукт труда в историческом изложении» А. Менгер четко отделил право на труд от права на существование: «Мысль, положенная в основу права на труд, навеяна, по-видимому, некоторыми наиболее существенными постановлениями о государственном призрении бедных, почти одинаковыми в законодательствах различных стран... Однако право на труд следует отличать от права на призрение, даже в том случае, если это последнее осуществляется путем предоставления работы нуждающимся, так как в социалистическом понимании право на труд предполагает особую обязанность имущественно-правового характера, вовсе не основывающуюся на благотворительности со стороны государства... Вспомогательным характером и отличается право на труд от права на существование... право на существование распространяется также и на несовершеннолетних и на неспособных к труду, между тем как право на труд предоставляется лишь работоспособным гражданам»³. С этим, конечно, можно поспорить. Однако то,

¹ Менгер А. Новое учение о государстве. СПб., 1905. С. 335.

² Там же. С. 335–336.

³ Менгер А. Завоевание рабочим его прав. Право на полный продукт труда в историческом изложении. СПб.: Изд-во В. В. Битнера, 1906. С.12–19.

что А. Менгер особо выделил право существования, положило основу для дальнейших дискуссий философов и правоведов, как западных, так и российских.

Особую роль в возрождении прав второго поколения сыграла концепция субъективно-публичных прав Г. Еллинека, в состав которых входит и право на достойное человеческое существование. Он четко проработал свойства и проанализировал юридическую конструкцию субъективно-публичных прав. В труде «Система субъективных публичных прав» (1905) Г. Еллинек дает свое определение, ставшее отправной точкой и для русского философа Б. Кистяковского: «Субъективное право есть признанная и защищенная правовым порядком волевая мощь человека, направленная на какое-либо благо или интерес»¹. В качестве ядра субъективно-публичных прав Г. Еллинек выделял индивидуальный интерес, который получает правовое признание по преимуществу из соображений об общем интересе.

Положение индивидуума как члена государственного союза исчерпывается четырьмя состояниями: пассивным, негативным, позитивным и активным. Публично-правовое отношение вписано Г. Еллинеком в следующий квадрат: индивидуум или исполняет обязанности по отношению к обществу, или свободен от вмешательства государства, или предъявляет требования к государству, или действует за государство.

Публично-правовое отношение личности и государства характеризуется состоянием и притязанием. Состояние личности всегда относительно, притязание той же личности всегда конкретно-действительно.

Если тот или иной объем частных субъективных прав на личность не влияет, то всякое приращение или сокращение субъективно-публичных прав увеличивает или уменьшает личность. Это одна из ключевых идей Г. Еллинека, которая позволяет сделать следующие выводы из его концепции субъективно-публичных прав:

- 1) личность в государстве должна притязать, обладать правом-притязанием, для того чтобы улучшать (качественно) свое состояние (статус);
- 2) государство, как и личность, заинтересовано в сохранении своего состояния, которое также относительно;

¹ *Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. 2 Aufl. 1905. S. 44.*

3) государство является правообязанным по отношению к гражданам и должно предоставлять лицу тот объем прав, который помогает лицу достичь позитивного состояния (*status civitatis*) после удовлетворения притязания положительного характера;

4) состояние (статус) личности находится в прямой зависимости от величины и объема субъективно-публичных прав в силу неотделимости этих прав от носителя. Что касается субъективных частных прав, то возникновение и уничтожение новых частных прав не усиливает и не умаляет личность.

Можно так определить характер права на достойное человеческое существование в концепции субъективно-публичных прав Г. Еллинека: оно является в первую очередь публичным, а во вторую – личным.

Прежде всего важно, что Г. Еллинек выделяет в своей теории публично-правовых состояний разряд субъективно-публичных прав, связанных с правами индивидуума на положительные услуги со стороны государства, что равносильно праву-притязанию лица по отношению к государству. По сути здесь наблюдается концептуальная прорисовка того, что мы именуем правом на достойное человеческое существование. И если сам Г. Еллинек не говорит о пополнении новыми видами прав области субъективно-публичных прав в обозримом будущем, а отмечает возможное естественное расширение субъективно-публичных прав в ходе исторических изменений правоотношений личности и государства, то можно отметить здесь некоторую дань Г. Еллинека значимости объективного права. Значение естественных прав личности и самостоятельной ценности последней в формировании субъективно-публичных прав Г. Еллинек сознательно принижает, поскольку активно действует в правовой сфере у него только государство, а личность активна или пассивна в силу того или иного состояния государства. Эта определенная юридико-догматическая точка зрения Г. Еллинека с позиций последующего развития и научного обоснования публичных прав личности и права на достойное человеческое существование в частности не может представляться исчерпывающей, особенно когда речь идет о правах человека и гражданина. Для действенного научного обоснования вышеуказанных прав само право и правомочие нужно рассматривать как первичные явления, как реальность, существующую помимо и независимо от государства.

Возвращаясь к тому ценному, что последующая правовая мысль взяла у Г. Еллинека за отправную точку во всестороннем исследовании права на достойное человеческое существование и субъективно-публичных прав, надо отметить его вывод о качественном и количественном влиянии на личность величины и качества субъективно-публичных прав. Достойное человеческое существование находится в прямой зависимости от правопритязательной и правообязанной мощи личности и государства. Нужно подчеркнуть значение воздействия основного труда Г. Еллинека на дальнейшее развитие права на достойное человеческое существование как понятия права и правовой теории и практики.

Подводя итоги параграфа, необходимо отметить, что основным содержательным стержнем идеи достойного человеческого существования является достоинство человека. Понятие достоинства человека имеет свою историю и неоднозначно трактуется по сей день.

Западные мыслители, особенно под влиянием христианства, трактовали идею достойного человеческого существования как универсальную и распространяли ее на всех людей вне зависимости от расы, национальности, культуры.

В XIX в. представители европейской науки, исповедовавшие в философии, праве и политике далеко не идентичные взгляды, развернули либеральные, демократические и социалистические требования, благодаря которым идея прав человека и его достойного существования преобразалась, углублялась; пополнялся перечень прав, росло понимание их значимости.

Учитывая итоги обсуждения рассматриваемой выше проблематики в трудах этиков, метафизиков, юристов, богословов, политиков, а также опыт юридического закрепления социально-экономических прав уместно предложить периодизацию формирования идеи права на достойное человеческое существование:

I. Зарождение и первые проявления идеи (со второй половины V в. до н. э. до XVII в.) преимущественно в текстах античных этиков, реже – юристов, затем – средневековых богословов.

II. Формирование учения о правах человека (с Нового времени), латентно и частично учитывающего важность достойного человеческого существования.

III. Юридическое закрепление прав человека (со второй половины XVIII в.) в ряде государств, учитывающее некоторые аспекты достойного человеческого существования.

IV. Активное обсуждение проблемы социально-экономических прав как непосредственного контекста идеи права на достойное человеческое существование (конец XIX – начало XX в.), в котором она и была артикулирована, что обнаруживает не только влияние общественной практики на формирование и содержание идеи, но и ее обратное влияние на практику.

Идея права на достойное человеческое существование конкретизируется в концепции определенных насущных потребностей, удовлетворение которых государство обязано (или даже вынуждено) гарантировать каждому человеку в свете субъективно-публичных прав, что находит свое отражение в юридических документах, принимаемых в различных государствах. Не оставалась в стороне от этих процессов и Россия.

1.2. Вклад русской философии в развитие идеи права на достойное человеческое существование

Русские философы сыграли важную роль в развитии идеи права на достойное человеческое существование. Так же, как и в Европе, вопросы естественного права волновали отечественных правоведов и философов. Взаимодействие нравственных исканий отдельной личности и правовых потребностей общества было одной из важнейших тем политико-правовой доктрины многих русских мыслителей. «Самым значительным течением русской философии права, имевшим давние традиции, было течение, разрабатывающее и утверждавшее естественное право. В русской философии права это течение существовало на протяжении всего XIX в., трансформировавшись в начале XX в. в так называемое “возрожденное” естественное право, идеи которого разделяли П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, Л. Н. Петражицкий, Б. Н. Чичерин, И. В. Михайловский, Н. А. Бердяев и др. Каждый из перечисленных юристов и философов принадлежал к различным мировоззренческим ориентациям, однако все они сходились в требовании априорности в построении идеального правопорядка»¹. П. И. Новго-

¹ Емельянов Б. В. Русская философия права: история становления и развития. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 17.

родцев писал: «Требуется именно возрождение естественного права с его априорной методой, с идеальными стремлениями, с признанием самостоятельного значения за нравственным началом и нормативным рассмотрением»¹.

Однако надо отметить, что первым из русских правоведов термин «право на существование» употребил А. П. Куницын в своей книге «Право естественное» (1818–1820). Под «правом на существование» он полагал «право на жизнь», но значимым является его комментарий: «Жизнь человека сама по себе не составляет последней и безусловной цели, но заимствует свое достоинство оттого, что она есть источник всякого нравственного совершенства. Сообразно ли с сим назначением или противно оному человек употребляет жизнь свою, согрешить по началам права не можно. Отсюда явствует: 1) что человек может жертвовать жизнью для предполагаемых им целей; 2) поколику жизнь есть средство для достижения нравственного совершенства, то никто не может его лишить оной, ибо лишить средства – значит препятствовать другому достигать цели, что противоречит главному началу права»². Государственно-правовые идеи А. П. Куницына были прогрессивными для своего времени и оказали влияние на формирование декабристской идеологии³. Он одним из первых в российской политико-правовой мысли поставил такие актуальные и сегодня проблемы взаимодействия индивида, общества и государства, как проблема сохранения физической и психической целостности человека, его познавательных сил и способностей, проблема утверждения права на достойное существование, взаимосвязи права с началами воспитания, образом правления и общепринятым обычаем⁴.

Особую роль в изучении естественно-правовых идей сыграло течение социального, или нового, либерализма в России конца XIX – начала XX в. Русский социальный либерализм указанного периода оказался способен интегрировать, с одной стороны, заимствованные и критически переработанные западные идеи, западный опыт конститу-

¹ *Новгородцев П. И.* Из лекций по общей теории права: часть методологическая. М.: Издание студенческое, 1904. С. 12.

² *Куницын А. П.* Право естественное // Русские просветители (от Радищева до декабристов): собр. произведений: в 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 2. С. 233.

³ См.: *Емельянов Б. В.* Указ. соч. С. 56.

⁴ Там же. С. 103.

ционализма и парламентаризма, а с другой – традиционную национальную идею русского пути развития. Русский либерализм на этом этапе складывался как своеобразное интеллектуальное течение, как установка на интегральное переустройство страны, основанное на естественном и позитивном праве. Преобразования классического либерализма в социально-ориентированный шли в нескольких направлениях, но преимущественным в трудах отечественных правоведов и теоретиков либерализма стало социально-этическое направление¹. Однако тенденция к социализации либерализма в конце XIX – начале XX в. имела не локальный, а общемировой характер.

Именно социально-этический компонент получил наиболее полное развитие в трудах отечественных правоведов и теоретиков либерализма. Можно сказать, что такие вопросы, как права и свободы личности в современном государстве, взаимоотношения автономной человеческой личности и правового государства, нравственные основы правосознания были разработаны отечественными учеными с позиции духовного развития личности в государстве.

Одной из центральных проблем нового российского либерализма стала проблема свободы личности, которую либералы хотели ввести в контекст реального коллективного бытия. Идею свободы личности русские теоретики (Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Л. Н. Петражицкий и др.) рассматривали не отвлеченно, а вписывали ее в контекст общественных отношений. Ими были сформулированы различные теории экономической, политической модернизации России, которую они связывали с дальнейшим развитием капиталистических отношений. Необходимым условием скорейшей модернизации выступали конституционализм, развитие представительных форм власти, разделение ветвей власти, переход к бессловной демократии.

Квинтэссенцией правовой мысли этого периода был принцип «права каждой личности на достойное существование»². Одним из первых сформулировал этот принцип В. С. Соловьев в своем фундаментальном труде «Оправдание добра. Нравственная философия», вышедшем в свет в 1897 г. Соотношение нравственной философии и права

¹ См.: Либерализм в России: сб. ст. / под ред В. Ф. Пустарнакова, И. Ф. Худушиной. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1996. С. 71.

² Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 465.

получило на страницах этой книги достаточно широкое освещение и анализ. Надо сказать, что В. С. Соловьев, являясь последователем теории этического минимума¹, одним из первых в русской этико-правовой мысли попытался позиционировать право как инструмент «всеобщей организации нравственности», как «принудительное требование реализации определенного минимального добра»². Для Соловьева нравственное требование определяет значение права, т. е. назначение права видится им в утверждении минимального добра с помощью силы принудительной, право выступает как внешний атрибут внутренней интенции нравственности.

Не можем при этом согласиться с С. С. Алексеевым, считающим, что В. С. Соловьев утверждал некое мессианское назначение права и, по сути, отождествлял «права на достойное существование» с понятием минимального добра³. В. С. Соловьев достаточно четко проводит кантианскую мысль о соотношении субъективных прав личности, реальных общественных интересов и общего блага. Согласно В. С. Соловьеву, требование личной свободы уже предполагает стеснение этой свободы условиями совместного существования общества, т. е. общим благом. Право не утверждает в жизни общества земной абсолют (это задача внутренняя и, соответственно, нравственная). Право утверждает баланс личной свободы и личного блага. Задачи права не в определении стандартов поведения и не в практическом осуществлении «всеобщей организации нравственности». С. С. Алексеев пытается вывести государственное принуждение и чуть ли не тоталитарную политику⁴ из императива, которого у В. С. Соловьева вовсе нет. Требование принудительной справедливости, привнесенное из общественного интереса, связано с осуществлением практического добра, с вектором применения справедливости в качестве действительного факта, а не только идеи. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в царство Божие, а только в том, чтобы он... не превратился в ад»⁵. Право выступает как «принудительное требование

¹ См.: *Прибыткова Е. А.* Философия права В. С. Соловьева: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

² *Соловьев В. С.* Указ. соч. С. 527.

³ См.: *Алексеев С. С.* Философия права. М.: Норма, 1998. С. 62.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ *Соловьев В. С.* Указ. соч. С. 454.

реализации определенного минимума добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла»¹. В. С. Соловьев определяет роль государства как такой ориентир для гражданина, который позволит человеку выбрать свой жизненный путь и нести ответственность за «бремя свободы».

Достойное существование не является у В. С. Соловьева непосредственным синонимом минимального добра; оно логически следует из общего блага, заключающего в себе удовлетворение личных потребностей в его должных пределах. Как раз период работы В. С. Соловьева над «Оправданием добра...» хронологически совпал с социально-ориентированным обновлением классического западного и русского либерализма. В конце XIX – начале XX в. «новый» либерализм, оценив неблагоприятную ситуацию, связанную с резкой социально-экономической поляризацией буржуазного общества, выдвинул идею социального реформирования общества, которое призвано было смягчить противостояние богатых и бедных. Начинается процесс формирования идеи прав человека второго поколения, который совершается в борьбе за улучшение экономического уровня, повышение культурного статуса широких слоев населения, для реализации чего требуется организационная, планирующая и иная деятельность государства по обеспечению указанных прав.

В целом обновление либерализма в России в указанный период происходило в следующих узловых позициях. Во-первых, разрабатывается идея взаимных прав и обязанностей человека и государства. Если старый либерализм настаивал на невмешательстве в дела гражданского общества, то новый утверждает «правопритязания» каждого по отношению к государству и, соответственно, государства по отношению к своим гражданам. Во-вторых, испытав влияние неокантианства, «новый» либерализм сферу личных прав интерпретирует как «непроницаемость личности для другого лица», в том числе и для государства. Наблюдается так и не разрешенное как западными, так и отечественными философами противоречие индивидуализма и патернализма. Понимание свободы, тем не менее, рассматривается как возможность самореализации человека. Подтверждается тезис И. Канта о том, что свобода не имеет эквивалента, рыночной цены, но имеет

¹ *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России, конец XIX – начало XX в. М.: Наука, 1991. С. 98–99.

достоинство. В-третьих, понятие равенства перед законом уступает место равенству исходных шансов, т. е. правовое равенство должно быть дополнено равенством социальным. В-четвертых, «новый» либерализм вводит оригинальное метафизическое содержание в понимание общества – как живой «цельности», такого всеединства, в котором каждый человек находит свое индивидуальное место. Отталкиваясь от идей В. С. Соловьева, теоретики «нового» либерализма пытались встроить концепцию «права на достойное человеческое существование» в систему ценностей классического либерализма. В-пятых, получает признание тезис о необходимости расширения сферы деятельности и ответственности государства. Если старый либерализм настаивал на невмешательстве государства в дела гражданского общества, то обеспечение права на достойное существование требует от государства решительных действий по отношению к тем, кто нарушает это фундаментальное право человека.

Действительно, В. С. Соловьев идею прав человека на достойное существование связывает с реальным осуществлением социальных реформ: речь идет об экономических и социальных правах человека и гражданина. В то же время в русле кантовской нравственной философии В. С. Соловьев утверждает, что человек не должен восприниматься только как орудие для достижения общего блага, но «как предмет общей деятельности», и что, в свою очередь, «общество имеет обязанность признавать и обеспечивать право каждого на самостоятельное пользование – для себя и для своих – достойным человеческим существованием»¹. Важным дополнением к обеспечению средств к существованию является, по мысли В. С. Соловьева, достаточный физический отдых и досуг для духовного совершенствования человека. «Свободное (от добывания средств существования) время» стало особо цениться на Западе относительно недавно. В. С. Соловьев несколько не отвлекается от естественно-правовой концепции общего блага, сформированной в Западной Европе в Новое время. По сути, нравственно-правовой порядок, предлагаемый русским мыслителем, совпадает с содержанием понятия правового государства, в котором права человека по отношению к государству рассматриваются как определяющий и системообразующий фактор.

¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 420–421.

Если в наши дни мы считаем аксиомой, что цели правового государства – обеспечение границ свободы индивида, недопустимость нарушения поля свободы, очерченного правом, а также запрет применения насильственных мер, не основанных на праве, то можно формулу В. С. Соловьева «право как определенный минимум нравственности» представить следующим образом: право есть принудительное требование определенного минимального добра для предоставления государством максимально возможной свободы каждому человеку. В этом случае принудительное требование совпадает с нормативным условием законодательства. Именно возможность совершать зло, т. е. свобода выбора автономной человеческой личности, является условием практического существования нравственности. Согласно В. С. Соловьеву, предоставление человеку свободы быть безнравственным есть условие для свободного выбора человеком нравственного поведения в соответствии с общим благом.

Поскольку в государстве право находит условия для своего действительного осуществления, формально «государство есть воплощенное право»¹. В отличие от сторонников государственной школы в исторической и правовой науках, в частности Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьев не отделяет государство от нравственности. Не индивидуальная свобода является безусловным принципом права, хотя она и лежит в основе последнего. Право имеет дело только с ограниченной и условной свободой, ограниченной, по В. С. Соловьеву, справедливостью, которая есть «жалость, равномерно применяемая»² государством.

Роль государства в таком случае состоит в принудительном контроле и удерживании сил зла. Основным мотивом как для нормотворчества, так и для исполнения законов является жалость. Именно она становится ориентиром применения подлинного права со стороны государства по отношению к человеку. Понятие жалости выступает здесь в контексте восточно-христианской культуры как «элеос – умиление – любовь... и милость»³. Сохраняя автономию свободы челове-

¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 401.

² Там же. С. 465.

³ Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского Средневековья // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1985. С. 5.

ческой личности, поддерживаемую церковью, государство должно обеспечивать внешние условия для достойного существования и совершенствования людей.

Свобода личности является неотъемлемым естественным правом человека, и она должна быть обеспечена извне государством. Только государство, по В. С. Соловьеву, обеспечивает право на свободу при условии достигнутого нравственного сознания человека. Это означает, что настоящую свободу человек должен еще заслужить внутренним ростом, приближаясь к нравственному Абсолюту. Государство в таком случае выполняет вспомогательную роль, предоставляя прежде всего условия для достойного человеческого существования, принудительно обеспечивая каждому человеку минимальный уровень материального благосостояния. Сама же реализация свободы человека в выборе нравственной жизни связана с внутренним устройством человека при условии признания абсолютной цели – Царства Божия.

В. С. Соловьев прекрасно понимал, что потребности человека возрастают с течением времени и внешнее воздействие человека на природу постоянно усиливается. Осознавая это, философ обращал внимание на то, что только с помощью нравственности можно обратить человечество к достижению общей цели высшего порядка. Понятно, что эту цель В. С. Соловьев связывает с квинтэссенцией своей философии – идеей всеединства: «Цель полного воссоединения человеческого существа с природною сущностью есть принцип организации и всемирного восстановления»¹. Введение нравственного начала в экономику должно, по мысли В. С. Соловьева, обеспечить господство нравственности в церковной, государственной и экономической областях человеческих отношений.

В данной схеме право, являясь внешним регулятором человеческих отношений, применяется государством как для сдерживания безмерности человека «по своей глупой воле пожить» (Ф. М. Достоевский), так и в качестве инструмента, позволяющего при направленном применении предоставить необходимую степень автономной свободы личности для обретения подлинной свободы в воссоединении с абсолютным Добром. Последнее возможно при социально-экономической организации (обеспечение государством права на достойное челове-

¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 540.

ческое существование) и осуществлении нравственного личного подвига каждого человека в движении от «права на свободу» к собственно свободе нравственной жизни.

Право – это рамки добра и зла; принудительный минимум добра; своеобразная система координат принудительного характера, позволяющая человеку осознанно распоряжаться своей свободой. Достойное существование – это всего лишь внешний минимальный уровень, необходимый для человеческого самосовершенствования.

Продолжая развивать идею В. С. Соловьева о праве человека на достойное существование, русские философы, социологи и правоведы (С. И. Гессен, Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский и др.) были первыми, кто в науке о праве модифицировал саму тему, связанную с правом на достойное человеческое существование, в новом контексте концепции социального государства. По сути, ими была создана новая концепция правового государства, в котором личность и государство являются самоценными частями целого. При этом личности придавалось большее значение в силу нескольких причин: во-первых, засилья «позитивизма» и объективного права, стремления возродить индивидуализм и естественное право; во-вторых, преобразования либерализма в неолиберализм в конце XIX в., которое позволило привнести в эту идеологию социальные идеи, так или иначе связанные с соблюдением и защитой права отдельной личности; в-третьих, большого влияния неокантианства на методологию социальных наук, применения «переплавленных» Г. Зиммелем и В. Виндельбаном идей И. Канта в новых исторических условиях.

В подтверждение этой ситуации, сложившейся к началу XX в., можно привести следующее высказывание Б. А. Кистяковского, верно отражающее общую тенденцию: «Правовым государство становится только в том случае, если устанавливается принцип, что человеческая личность существует независимо от государства и имеет как бы приоритет перед ним»¹. Совсем по-кантовски, согласно его телеологии, тот же Б. А. Кистяковский четко высказывает свою позицию по вопросу отношений личности и государства в желаемом правовом (народном) социалистическом государстве: «Правильнее всего признать интересы

¹ *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманит. ин-та, 1998. С. 535.

личности и интересы государства равноценными; как личность, так и государство являются соподчинненными самоцелями, причем ни те, ни другие не могут быть только средствами»¹. Можно утверждать, что эти слова могли бы объединить социально-правовые взгляды всех русских мыслителей неолиберального направления от В. С. Соловьева до С. И. Гессена.

Что касается права на достойное человеческое существование, то, будучи квинтэссенцией субъективных публичных прав, оно неизменно привлекало внимание русских философов и правоведов, поскольку развитие и удовлетворение этого права прямо связано с ростом личности. Б. А. Кистяковский продолжил тему, поднятую в отечественной философско-правовой литературе В. С. Соловьевым, а затем П. И. Новгородцевым и И. А. Покровским², первым критически переосмыслив этот вопрос в юридической плоскости. Поскольку он прошел школу «легального марксизма» и до конца жизни придерживался социалистических взглядов, естественно, что социалистическому государству будущего он отводит роль создателя условий для обеспечения каждому гражданину достойного человеческого существования. С одной стороны, Б. А. Кистяковский считает, что ничего нового в правовом отношении государство будущего не способно создать³. С другой стороны, он отмечает, что сфера публичных субъективных прав будет значительно расширена именно за счет прав на услуги государства. Условия, при которых это может осуществиться, заключены, по мысли Б. А. Кистяковского, в обобществлении средств производства, что даст возможность государству предоставить каждой личности право на труд, на развитие своих способностей, на участие во всех материальных и духовных благах, создаваемых современной культурой. По сути все эти права объединяются в одном общем субъективном публичном праве – праве на достойное человеческое существование.

Будучи неокантианцем, Б. А. Кистяковский считал, что одни элементы социальной жизни подвержены детерминизму, а другие – телеологии. Право на достойное человеческое существование как фе-

¹ Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 541–542.

² Надо подчеркнуть, что русские правоведы считали полную реализацию права на достойное человеческое существование возможной только в правовом социалистическом государстве.

³ Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 336.

номен человеческого общества для него встраивается в причинно-следственный блок социальных понятий, имеющих самостоятельное значение и без этических посылок. Отмечая значение попытки В. С. Соловьева поставить вопрос о праве на достойное человеческое существование с нравственной и религиозной точки зрения, Б. А. Кистяковский, тем не менее, критикует его за стремление заменить социальные понятия понятиями нравственности, например в идее В. С. Соловьева о государстве как «организованной жалости». Право должно, по мысли Б. А. Кистяковского, быть инструментом организации права на достойное человеческое существование так же, как последнее должно выступать основанием для ряда правовых притязаний личности: «В силу самой природы правовой организации в нормальном социальном строе каждому человеку должно быть гарантировано право на достойное человеческое существование»¹.

В целом заслуга Б. А. Кистяковского заключается в определении места и функции права на достойное человеческое существование в системе субъективно-публичных прав, а именно теоретико-юридическом оформлении этого права как отдельного вида из разряда публичных прав. При этом значение права на достойное человеческое существование Б. А. Кистяковский связал с функцией притязания личности, что в связке образует саму возможность полноценного развития личности в государстве и достижения общего благосостояния через совокупность свободной творческой самореализации. Действительно, своего полного развития правовое государство достигает при высоком уровне правосознания и ответственности граждан. Но граждане могут взять на себя ответственность за нормальное функционирование правового порядка и государственных учреждений только в силу самой возможности притязать по отношению к государству, т. е. будучи свободными гражданами, пользующимися правом на достойное человеческое существование. В противном случае, не имея права на достойное человеческое существование, народ не сможет взять на себя эту ответственность, не обладая правом сильного и свободного партнера государства.

Б. А. Кистяковский дал развернутую характеристику права на достойное человеческое существование как основного признака подлинного правового государства будущего, а в признании субъектив-

¹ Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 344.

но-публичного права на труд он видел первое основание для признания за каждым права на достойное человеческое существование. Право на труд и его полнейшее обеспечение создают экономические условия для осуществления права на достойное человеческое существование, разрешают социальный вопрос. И само достойное человеческое существование становится принципом, позволяющим разграничивать сферы объективного и субъективного права, являясь критерием достойного человеческого существования, четко определяющим общий и индивидуальный интерес.

Б. А. Кистяковский пытался показать путь правового строительства нового социалистического государства, в котором личность сможет с помощью государства наиболее полно развить свои способности и быть полезной обществу, применяя свои навыки и профессионализм в сфере, в наибольшей степени отвечающей потребностям этой личности. Можно сказать, что концепция Б. А. Кистяковского была сродни утопическим социальным теориям А. В. Луначарского и А. А. Богданова. Однако главная его заслуга состоит в признании человеческой личности, а не техники, не «машинерии» доминантой в строительстве государства будущего. Как апологет естественного права Б. А. Кистяковский последовательно проводит мысль, что не государство, а именно личность будет доминантой правового порядка.

Развивая кантовскую традицию автономии человеческой нравственности, другой выдающийся отечественный мыслитель, П. И. Новгородцев, вслед за В. С. Соловьевым стремился к синтезу правовых и нравственных начал. Преодолевая спекулятивное мышление классического европейского идеализма, конкретный идеализм «Серебряного века», он стал искать идеи оправдания человеческого существования, нравственности и духа.

П. И. Новгородцев опирался на богатую историческую традицию последовательного синтеза правовых и нравственных начал. Он был видным представителем этической концепции права, считая, что «признание заслуг естественного права возрождалось не как возрождение методы, а как восстановление той проблемы, которая всегда была... центральной, проблемы преобразования права»¹. Этический момент в естественно-правовой конструкции заключается в том, что про-

¹ *Новгородцев П. И.* Из лекций по общей теории права... С. 12.

исходит оценка существующего, в том числе правового, положения с точки зрения нравственного должностования. П. И. Новгородцев считал основным вопросом философии права вопрос о высших и последних основаниях юридических установлений. Человек видит в праве установление, зависящее от личной воли и в то же время составляющее часть нравственной субстанции. Практическая сторона понятия естественного права выражается в протесте нравственного сознания против недостатков действующего правопорядка.

Это утверждение имело большое значение в условиях России на рубеже веков, когда позитивный закон был несовершенен и необходим был упор на критическую сторону теории естественного права. Вывод П. И. Новгородцева заключался в констатации двух существенных моментов естественно-правовой идеи: нравственной оценки положительных учреждений и стремления к философскому исследованию основ права.

П. И. Новгородцев по-своему развивал понятие естественного права с изменяющимся содержанием. Как рассуждает ученый, мораль столь же неизменна, сколь постоянна сущность человека: то, что нравственно для одного человека, не должно быть этически безразличным для другого. Право и правосознание подвижны, изменчивы вплоть до того, что право может противоречить само себе или идее справедливости. Проблема заключается в том, чтобы в процессе совершенствования права не выходить за пределы моральных критериев и направлять правотворчество в соответствии с этическим идеалом в такой степени, в какой это возможно в данном исторически определенном обществе. То, что неосуществимо в одном обществе, может быть реализовано в другом. Гегелевскую идею развития свободы, воплощения ее в конкретных условиях П. И. Новгородцев стремился органически соединить с этической теорией И. Канта. Результат не мог быть иным, чем идея естественного права с изменяющимся содержанием, выражающая идею прогресса в правосознании и праве при незыблемости принципов нравственности, основанных на признании ценности и достоинства личности всех времен и народов. Иными словами, если право – минимум нравственности (как утверждали Г. Еллинек, В. С. Соловьев и др.), то этот «минимум», по П. И. Новгородцеву, может быть различным для разных исторических возможностей и объективных условий.

П. И. Новгородцев рассматривает абстрактные, абсолютные правовые и нравственные нормы вслед за Сократом и Платоном, И. Кантом, Г. Гегелем и В. С. Соловьевым как идеальные, не существующие и не осуществимые до конца в этом реальном мире. У Канта русский мыслитель позаимствовал, углубив, дополнив, поставив на новые основания, идеи автономии нравственной личности, безусловности морального долженствования, абсолютного идеала и относительной независимости этической сферы от эмпирического социального бытия. Глубоким и творческим развитием кантианского естественно-правового подхода стала концепция возрожденного естественного права.

Как один из лидеров «нового» либерализма, П. И. Новгородцев полагал, что со стороны государства и общества требуется поддержка тех, кто нуждается в этом, чтобы достичь действительного равенства с другими и личной свободы. Без материальной помощи свобода для некоторых останется свободой на словах, благом, закрепленным лишь формально, а не фактически¹.

П. И. Новгородцев увидел и показал огромное значение расширения понимания права за рамки формально-юридических форм. Его этюд «Право на достойное человеческое существование» стал продолжением проработки этой идеи. «Задача и сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы; без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически. Таким образом, именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления; во имя достоинства личности, оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование»². Право отдельного индивида рассматривается как «право-притязание» на труд, на образование, на медицинское обслуживание, на обеспеченную старость и т. п., а поэтому у государства, наряду с «запретительными» и «охранительными» функциями, должны иметься положительные (не благотворительные!) обязанности по отношению к индивидам. Право каж-

¹ См.: Емельянов Б. В. Указ. соч. С. 93.

² Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. СПб.; М.: Изд-во товарищества М. О. Вольф, 1911. С. 5–6.

дого на минимальное материальное благополучие имеет «не нравственное только, но юридическое значение»¹.

И. А. Покровский предложил П. И. Новгородцеву в толковании самого понятия достойного человеческого существования опустить словосочетание «достойное человеческое» и ограничиться требованием «права на существование». Но, в конце концов, вопрос признавался решаемым в соответствии с общепризнанным уровнем условий для каждого данного места и в каждое данное время: «Категорическим императивом должно являться потрясающее по своей простоте и силе сознание – “так дальше жить нельзя”»².

П. И. Новгородцев считал необходимым «обеспечить для каждого возможность *человеческого* существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно»³. Подобная задача относится прежде всего к экономически слабым лицам (экономическая зависимость от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств и др.).

П. И. Новгородцев стоял на позиции признания формального и фактического обеспечения свободы индивидов правом: цель права – охрана свободы, однако пользование этой свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств. Вот почему, несмотря на то, что задачей и сущностью права является охрана личной свободы, не менее важна и возможность осуществления этой задачи – забота о материальных условиях свободы. Решение данной проблемы должно взять на себя государство. П. И. Новгородцев призывал к введению понятия права на достойное человеческое существование в декларацию прав человека и гражданина и к дальнейшей юридической разработке основных институтов этого понятия в рамках позитивного права.

Следующим русским философом, продолжающим исследовать идею права на достойное человеческое существование, был С. И. Гессен. Он «шел в этом направлении совершенно сознательно, признавая свою связь с предшественниками и дорожа ею»⁴. Данная идея была

¹ Новикова Л., Сиземская И. Новый либерализм в России // Обществ. науки и современность. 1993. № 5. С. 138.

² Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. СПб.; М.: Изд-во товарищества М. О. Вольф, 1911. С. 48.

³ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование. С. 5.

⁴ Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX в. // Вопр. философии. 1991. № 8. С. 35.

разработана им в фундаментальном труде «Правовое государство и социализм» (книга была написана в 1948 г., но издание осуществилось только 1998 г. и именно в России).

Будучи социалистом, не принимавшим искажения социализма в Советской России, С. И. Гессен к теме права на достойное человеческое существование подходил через анализ эволюции идей социализма. Развивая идею К. Маркса об отчуждении работника от результатов своего труда («Философско-экономические рукописи 1844 г.»), С. И. Гессен делает вывод, что повышение материального уровня жизни рабочего класса не решает проблемы эксплуатации. Эксплуатация не является фактором, имманентно присущим исключительно эксплуатируемым трудящимся производственного процесса. С. И. Гессен в русле неокантианства фиксирует принадлежность эксплуататоров к процессу самоэксплуатации в случае превращения «богатых» в средство для власти «мамоны», рабов капитала.

Высокий материальный уровень жизни не может выступать индикатором, по которому «считывается» проблема эксплуатации. И здесь на передний план, по логике, должно выступать понятие свободы и права быть свободным как от нищеты и эксплуатации, так и от богатства и самоэксплуатации.

С. И. Гессен четко связывает тему достойного человеческого существования с проблемой права. Право становится отправной точкой, фактором, определяющим дальнейший поиск состояния достоинства человека и гражданина. Акцент смещается с экономического неравенства и присвоения прибавочной стоимости к теме отстаивания правовой свободы, которая будет противостоять превращению человека в вещь.

Для С. И. Гессена это и есть «бесспорный, никакими теориями не отягощенный минимум данности»¹ для нравственного сознания и источник политического действия. Точкой отправления для любой деятельности в области права ставится некий минимум зла, который не просто нейтрально устраняется от придания человеку минимума добра для осуществления права на достойное человеческое существование (В. С. Соловьев), а активно противодействует самой возможности «снять» проблему отчуждения и эксплуатации. В этом смысле С. И. Гес-

¹ Гессен С. И. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1998. С. 177.

сен уже более реалистично оценивает основной узел противоречия в реализации права на достойное человеческое существование в современной жизни: добро со стороны государства будет бездейственным до тех пор, пока основной компонент нравственной философии И. Канта («человек есть цель в себе») не будет доминантой в деятельности субъектов социума.

Вплотную к теме права на достойное человеческое существование С. И. Гессен приблизился через анализ правовой базы классического и нового «социального» либерализма. Главный его вывод: «Новый либерализм понимает право положительно»¹. Вслед за Г. Еллинеком С. И. Гессен определяет *status positivus* как предписывающие акты положительной помощи гражданам со стороны государства. Но опять же речь идет о непереносимом условии правовой активной интенции со стороны индивидов (акт права-притязания по отношению к государству). Государство обязано оказывать индивиду помощь в рамках обеспечения права на достойное человеческое существование, но на условиях активного использования индивидом свободы требовать от государства минимум образования, вспомоществования и т. п. Здесь С. И. Гессен по сути лишь повторяет известные тезисы Б. А. Кистяковского.

Новое проступает в понимании С. И. Гессеном понятия равенства, которое в силу наполнения его положительным содержанием экстраполируется на сферу образования: не просто «равенство перед законом», но «равенство исходного пункта» в предстоящей жизненной борьбе – право каждого ребенка «получить то именно образование, в котором он, в силу особых условий своего существования, нуждается»². Новый либерализм, по мысли С. И. Гессена, будет пытаться восполнить формальное правовое равенство классического либерализма социальным равенством через осуществление определенных социальных реформ со стороны государства. В этом смысле «идея Права должна быть воплощена идеей Бога»³.

Нельзя сказать, что мысль С. И. Гессена оригинальна, но ему удалось выделить ядро эволюционировавшей мысли неокантианства в разрезе значения отдельной личности для себя и для государства

¹ Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 182.

² Там же. С.183.

³ Там же. С. 189.

в целом. Отталкиваясь от концепции положительного понятия равенства («проблема демократии есть прежде всего проблема образования»), Гессен несколько парадоксальным образом приходит к утверждению системного единства концепции «единой школы»¹ (каждому лицу дать возможность в полной мере развивать свою индивидуальность) и программы нового либерализма. Такая модификация образовательной среды и общества порождает новое ограничение и конкретное понимание общества «как живой целостности, как единства многообразия, в котором каждый член, фактически отличный от другого, занимает свое особое и незаменимое место»². Это не только неокантовский message, но и в первую очередь перефразирование соловьевской идеи всеединства.

Многоярусность, конкретность детализации задач государства в новых социальных условиях диктует необходимость разработки определенных критериальных характеристик (адекватные статистические индикаторы и количественные показатели) для оценки результатов работы с категориями тех же различных между собой личностей. С. И. Гессен здесь практически опережает свое время на полвека (предпосылки так называемого шведского социализма).

Он настаивает не просто на предписании положительных актов со стороны государства по отношению к гражданам, а на обеспечении определенного оптимального уровня свободы и творчества. Понятие минимума весьма значимо, по мнению Гессена, поскольку обеспечение минимума образования и заработка со стороны государства должно возбудить частную инициативу и индивидуальные усилия в направлении достижения образования, заработка и обеспеченности. Это означает, что государство должно выступить гарантом сохранения некоторого среднего уровня достойного человеческого существования. Весь остальной прирост должен идти от каждого отдельного человека, институтов гражданского общества; только в этом случае личная свобода и инициатива в улучшении качества жизни будут сбалансированно сопряжены с отрицательно-запретительными и положительно-побудительными корнями. Для этого, считает Гессен, нужна сильная правовая традиция, «проявляющая себя не столько даже в законодательстве, сколь-

¹ См.: Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 190–199.

² Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 193.

ко в повседневных мелочах административной и судебной практики»¹. Важно отметить, что С. И. Гессен в процессах реального осуществления права на достойное человеческое существование уделял больше внимания именно общественному сотрудничеству граждан. Роль государства, по его мнению, должна сводиться к приобщению всех групп, на которые разделено общество, к созданию общей воли, мыслимой «не как готовый, а как непрерывно усилиями всех общественных групп создаваемый процесс»². На практике, по мысли Гессена, эта программа действий понята «как признание идеи Права и минимального Блага»³ и должна вести к обузданию капиталистического хозяйства только в части запрета приравнивания человеческого труда к товару.

Б. А. Кистяковским и С. И. Гессеном была разработана теоретическая модель «правового социализма» как ступени развития правового государства. «По существу, русские либералы-интеллектуалы создали открытую теоретическую модель для будущего открытого гражданского общества и правового государства, позволяющих личности реализовать свои потенциальные возможности»⁴. Содержание идеи права на достойное человеческое существование имело не только этическое наполнение, но конкретные аспекты реализации в позитивном праве будущей России.

Подводя итоги изложенному в параграфе, отметим, что исторические обстоятельства сильно помешали актуализации идей замечательных отечественных мыслителей в России, не суждено им было стать и фактором непосредственного влияния на западноевропейскую философско-правовую мысль. Часть их идей российской и западной философско-правовой мысли пришлось «рождать заново», пройдя через жестокие трудности мировых войн и начальных этапов индустриализации (с тяжелой эксплуатацией рабочих, обилием маргиналов и пауперов, жестким репрессивным законодательством и др.). И все же их наследие не только является академическим памятником, оно сохраняет политическую и правовую злободневность.

¹ Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 199.

² Там же. С. 201.

³ Там же.

⁴ Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы Междунар. конф., Москва, 27–29 мая 1998 г. М.: РОССПЭН, 1999. С. 32.

Русские философы рассматривали право на достойное человеческое существование как идеалисты, признающие существование объективных идей в качестве первооснов социального бытия; историческое воплощение права на достойное человеческое существование, с их точки зрения, возможно только потому, что существует эта идея. Однако русские философы (особенно П. И. Новгородцев и С. И. Гессен) прекрасно понимали, что, несмотря на возможное включение идеи права на достойное человеческое существование в законодательство, она в принципе не способна привести к обществу всеобщего благополучия и установлению гармонии между людьми. Несовершенство людей всегда будет воспроизводить несовершенство отношений, и право на достойное человеческое существование в этом смысле никогда не сможет подняться выше уровня реальной, действительной жизни. Однако жизнеспособность и ценность идеи права на достойное человеческое существование могут быть объяснены только нравственной потребностью в ней. Эта потребность продолжает подтверждаться и в XXI в.

Каким же образом данные идеи были реализованы на практике?

Обзор преемственности российских конституционных гарантий права на достойное человеческое существование можно начать, пожалуй, с Конституции Польши 1815 г.,¹ входившей тогда в состав Российской Империи. В ней утверждались основные либеральные свободы (свобода печати, передвижения), отмечалось, что никто не может быть взят под стражу иначе, как с соблюдением форм и в случаях, предусмотренных законом (ст. 19). Отдельно подчеркивалось равенство перед законом (ст. 17. «Закон покровительствует в равной мере всем гражданам без различия их сословия и звания»). Данный документ, подготовленный П. П. Новосильцевым, должен был лечь в основу конституции для всей Российской Империи, но впоследствии Александр I и Николай I отказались от этой идеи, а конституция Польши действовала до восстания 1830 г.

Следующим важным законодательным актом, который, правда, был принят с большим опозданием, стал «Манифест 17 октября» (1905), согласно которому населению давались «незыблемые основы граж-

¹ Конституционная Хартия Царства Польского 1815 г. URL: [http:// www.pereplet.ru/ history/Russia/Imperia/Alexandr_I/kx1815.html](http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_I/kx1815.html).

данской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»¹. Конечно, между декларативным провозглашением и действительной реализацией данных прав была огромная дистанция, требовались десятилетия напряженного труда по законодательному обеспечению данных положений и развитию правовой грамотности населения, но власть официально признала за гражданином право быть личностью и, соответственно, сохранять свое достоинство. В целом «общий анализ конституционных проектов начала XX в. свидетельствует о том, что в них с разной степенью полноты была отражена либеральная модель преобразования страны путем мирного изменения политического строя, развития институтов представительной власти, где в качестве главного средства ограничения государственного произвола выступал институт прав человека»².

У Временного правительства также имелись планы дальнейшего развития конституционных гарантий, но они остались нереализованными.

Конституция РСФСР 1918 г., принятая в разгар Гражданской войны, во многом повторяла положения идей раннего К. Маркса о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, уничтожения эксплуатации человека человеком³, а Конституция СССР 1924 г. основное внимание уделяла разработке структуры управления и организации власти страны. Только в Конституции СССР 1936 г. получили дальнейшее развитие права и свободы личности и социально-экономические гарантии. Более подробно данный документ будет рассмотрен в следующей главе.

Подытоживая сказанное в этой главе, заметим, что идея права на достойное человеческое существование имеет длительную предысторию в контексте этико-религиозной проблемы человеческого достоинства, где достойное человеческое существование обобщенно можно рассматривать как сообразное достоинству человека качественное со-

¹ 17 октября 1905 г. Манифест об усовершенствовании государственного порядка. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/oct1905.htm>.

² Токарева Д. В. Конституционные проекты и концепции в русской либеральной мысли второй половины XIX – первой четверти XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2010. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-330991.html>.

³ См.: Конституция (основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>.

стояние его жизненного пространства. Каждому человеку, согласно большинству доктрин, предоставляется как право выбора, так и ответственность за него («бремя свободы») перед самим собой, обществом, Богом. Государство дает эту возможность своему гражданину посредством минимальных благ как для биологического выживания, так и для духовного самосовершенствования.

Идея права на достойное человеческое существование выкристаллизовывалась в ходе эволюции идеологии прав человека как универсальное право второго поколения, которое ориентировано на социальную защиту граждан. Оно не только составляет социально-экономическую доктрину «свободы от нужды», но и дополняется как правом уважения личного достоинства человека, правом на справедливый суд, на образование, так и правом жить в чистой окружающей среде, правом на защиту прав потребителей и т. д. Это право призвано гарантировать жизнь не только свободную, но и относительно обеспеченную.

Как феномен опережающего мышления можно рассматривать теоретический вклад в развитие идеи права на достойное человеческое существование В. С. Соловьева, Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева, С. И. Гессена. Русскими мыслителями была создана теоретическая модель будущего открытого гражданского общества и правового государства, позволяющая личности реализовать свои возможности, что отчасти отразилось и в позитивном праве современной России. Государство в таком случае исполняет вспомогательную роль, реализуя условия для достойного человеческого существования, обеспечивая каждому человеку минимальный уровень материального благосостояния. Однако сам путь развития идеи права на достойное человеческое существование, очерченный русскими мыслителями, имеет императивно-религиозный характер, неразрывно связанный с продолжением христианской традиции в праве.

Практические же достижения приверженцев идеи права на достойное человеческое существование связаны с европейской историей XX в., о чем повествует следующая глава.

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ПРАВА НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

2.1. Нормативное закрепление права на достойное человеческое существование в современном мире

Научно-технический прогресс наряду с вызывающими эйфорию достижениями предметно продемонстрировал хрупкость и быстротечность существования человечества и приоткрыл завесу будущего. Эпоха системного глобального кризиса заявила о необходимости кардинальной гуманизации общественных отношений. Этому содействовали следующие факторы:

1) размах социалистического движения, победа социалистических революций в России, Китае и других крупных государствах;

2) уроки Первой и Второй мировых войн, когда в Европе едва не победил проект мироустройства Третьего рейха, в основе идеологии которого лежало физическое истребление ряда наций и расчистка «жизненного пространства» для одной нации;

3) успехи национально-освободительного движения, распад колониальных империй, когда концепции «расового превосходства» и «цивилизаторской миссии белого человека» окончательно стали архаизмом и пережитком истории;

4) значительный рост грамотности и образованности населения (что, естественно, ведет к повышению уровня правосознания и правовой культуры);

5) упрощение доступа к информации в результате распространения новых средств связи – радио, телевидения, а затем и Интернета; уплотнение на несколько порядков информационных потоков;

6) развитие движения за эгалитаризм (общество равных возможностей), равноправие женщин и мужчин, против расовой и национальной дискриминации (например, к середине XX в. общество, по сути, отказалось от двух мифов, которые еще господствовали в начале XX в. – расового мифа о превосходстве европеоидной расы над осталь-

ными («миссия белого человека») и гендерного мифа об изначальной неполноценности женщины по сравнению с мужчиной).

Благодаря перечисленным обстоятельствам именно в середине XX в. права человека получили мировое признание, расширив к тому же свой перечень, когда было провозглашено и право на достойное человеческое существование, точнее, оно было «развернуто» в обширный каталог социально-экономических и социально-культурных прав, провозглашенных (в разной мере) во всех конституциях, принятых после Второй мировой войны и кодифицированных в Европейской социальной хартии (1961), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966) и других международных документах. Если в конце XVIII в. все провозглашаемые и законодательно закрепляемые права, относящиеся к категории естественных и неотчуждаемых, концентрировались вокруг идеи свободы, признаваемой высшей ценностью, то в XX в. появились права второго поколения, призванные гарантировать жизнь не только свободную, но и относительно обеспеченную. Права первого поколения воплотили и юридически закрепили ценности либерального общества. Права второго поколения отражают ценности социально ориентированного государства.

История убеждала, что свобода, предоставленная каждому, не обеспечивала всеобщего благополучия. Право свободно мыслить оказывалось бесполезным для неграмотного человека, то же самое можно сказать и о других правах. И тогда к «праву что-то делать» добавилось «право что-то получать», иначе говоря, кроме возможности что-то делать «добавилось “право что-то потреблять”»¹. В социалистических же странах официально преобладал следующий тезис: «Тот, кто голодает, нуждается в пище, а не в правах человека».

Поиски баланса между гарантиями свободы личности с одной стороны и правом государства перераспределять те или иные жизненные блага – с другой оказались весьма сложными. Во всяком случае конституционное закрепление социально-экономических прав шло довольно своеобразным путем. Пионером в этом процессе оказалась Мексика. Политическая Конституция Мексиканских Соединенных Штатов была принята 31 января 1917 г. Шестой раздел этой Консти-

¹ См.: *Мийон-Дельсоль Ш.* Политические идеи XX века. М.: Конкорд, 1995. С. 210.

туции «О труде и социальном обеспечении» не только провозглашал право каждого человека на достойный и общественно полезный труд, но и регламентировал продолжительность рабочего дня (максимум восемь часов), запрещал использовать труд подростков моложе 14 лет, устанавливал шестидневную рабочую неделю, условия труда беременных женщин и т. д. Конституция Мексики провозгласила социальное обеспечение, установив пенсии по инвалидности и старости, различные виды льгот и пособий, минимальные гарантии медицинского обслуживания и т. п.¹ Необходимо подчеркнуть, что, закрепив социально-экономические права, мексиканская Конституция провозгласила и широкий спектр гражданских и политических прав, включая право частной собственности.

Исторический опыт показал, что попытка изменить социально-экономическую ситуацию в стране путем принятия основного закона, не учитывающего фактическое состояние общества, не приводит к успеху. Если бы уровень демократии и благосостояния населения определялся содержанием Конституции, то Мексика давно стала бы лидером социального и экономического прогресса.

Реализовать социальные права в полном объеме значительно труднее, чем права первого поколения, ибо для этого нужна высокоразвитая экономика. Следовательно, объем и степень реализованности социальных прав, в отличие от гражданских и политических прав, во многом зависят от состояния экономики и обеспечиваются постепенно. Реализация социальных прав требует больших материальных затрат, тогда как гражданские или политические права менее обременительны для государственной казны².

Следующими конституциями, включившими широкий перечень не только личных и политических, но и социально-экономических прав, были Веймарская конституция Германии (1919), конституции Румынии (в ред. 1923 г.), Чехословацкой Республики (1920), Республики Польша (1921), Королевства сербов, хорватов и словенцев (1921), Испанской Республики (1931). Таким образом, процесс включения прав

¹ См.: Михайловская И. Концепция прав человека и их значение для посткоммунистической России. URL: <http://www.hrighths.ru/text/b9/Chapter5.htm>.

² См.: Позднер Р. А. Цена обеспечения юридических прав // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. М.: Изд-во Центра конституц. исслед. МОНФ, 1995. № 3. С. 47.

человека в конституции со стадии либерализации и демократизации постепенно перешел на стадию социализации. Это означало, что классический подход к правам человека, связанный с утверждением идеи свободной, автономной и сильной личности, претерпел существенные изменения, права человека расширили свое социальное пространство и заставили государство обратить внимание на социально слабые слои населения. На смену классической картине прав человека пришла неклассическая версия, в которой правами личности были названы наряду с гражданскими и политическими свободами социальные обязательства государства. В новой схеме в части, касающейся социально-экономических прав, индивид оказался вновь зависимым (хотя и на ином уровне) от государства. Однако социальная политика в данных государствах была прервана экономическим кризисом 1929–1933 гг.

Особую роль в юридическом закреплении социально-экономических прав сыграла и Конституция СССР 1936 г., формально сохранившая ряд политических прав (свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций), оговорившая возможность их использования «соответствием интересам трудящихся», тем самым перечеркнувшая сам факт существования такого рода свобод. Либеральные ценности, враждебные советскому и практически не свойственные массовому российскому менталитету, были даже на уровне декларации оставлены за бортом: право, принадлежащее личности, есть не столько свобода личности, сколько ее общественная обязанность. Право как обязанность – вот коренное отличие взгляда «победившего социализма» на субъективные права личности. И потому «буржуазный принцип “все, что не запрещено законом, считается дозволенным”, должен уступить место обратному положению: дозволено лишь то, что по закону разрешено»¹. Так комментировали уже Советскую Конституцию 1924 г.

Во-первых, считалось само собой разумеющимся, что использование гражданских прав есть высокая обязанность советского человека. Во-вторых, гражданские права трактовались как пространство свободы, предоставленное трудящимся для наилучшего отправления

¹ Малицкий А. Советская конституция. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. С. 48–49.

их производственных и общественных обязанностей (как пространство передового опыта, ударничества и подвижничества). В-третьих, предполагалось, что субъективные личные права, как бы они ни трактовались самими их обладателями, дарованы гражданину СССР на условии признания им своего первичного священного долга перед социалистическим строем¹.

Конституция СССР 1936 г. предусматривала право граждан на труд, т. е. право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством (ст. 118), право на отдых (ст. 119), право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности (ст. 120), право на образование (ст. 121).

Конституция СССР 1977 г. расширила перечень провозглашаемых социальных прав, добавив права на охрану здоровья (ст. 42), на жилище (ст. 44), на пользование достижениями культуры (ст. 46), а также гарантировав свободу научного, технического и художественного творчества (ст. 47).

Социально-экономические права в условиях ликвидации частной собственности оказались очень удобной идеологической ширмой, прикрывающей экономическую и политическую монополию государства на устройство жизни своих подданных и, как следствие, на полную ликвидацию «пространства свободы». Несмотря на такое обилие предоставляемых советскими конституциями прав второго поколения многие западные юристы отзываются о них как о «простых клочках бумаги, не предназначенных для практического применения»².

Также главным обвинением в адрес советских конституций является то, что «социально-экономические права без политических и гражданских прав несут в себе идею деспотического государства, ибо экономические, социальные и культурные права сами по себе еще не являются правами. Они становятся правами только в сочетании со свободами»³. Социалистический принцип, когда средства на социаль-

¹ См.: Соловьев Э. Ю. Права человека в политическом опыте России (вклад и уроки XX столетия). URL: http://www.vvsu.ru/infotech/Portal_guest/Philosophy/library/lib3.html.

² Элстер Й. Указ. соч.

³ Хеллер А. Свобода как высшая ценность. URL: <http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter4.htm>.

ное обеспечение малоимущих и нетрудоспособных распределяет исключительно государство, создает несправедливые привилегии для власть имущих, исключая участие частных лиц и общественных организаций. Государство отдает в эту сферу ничтожную часть своего дохода, который оно предпочитает расходовать на свое укрепление¹.

Таким образом, главной мишенью критики в Конституции СССР 1936 г. служит то, что она прикрывала этатизм и патернализм государства, а многие либеральные свободы были фиктивными.

Но при всем этом следует учитывать исторический фон принятия Конституции СССР 1936 г. Наша страна тогда находилась на ранней стадии развития индустриального общества с соответствующими характеристиками: достаточно тяжелыми условиями труда и быта населения, низкой степенью образованности и зачастую правовой безграмотностью большинства людей. В раннеиндустриальных обществах, как правило, большинство населения еще фактически не пользуется разнообразными либеральными свободами; чаще всего они являются привилегией элиты (как это было, скажем, в Англии XIX в. с высочайшими имущественными цензами для реализации избирательного права и политической деятельности).

В СССР экономическая разруха после Первой мировой и Гражданской войн и необходимость модернизационного индустриального рывка, а также исторические традиции сильной государственной власти как главного интегратора общества делали этатизм и патернализм едва ли не системообразующими элементами всей цивилизации. После 1950-х гг., когда ценности рационального мышления и научной картины мира достаточно хорошо усвоились массовым сознанием, политические системы, ориентированные на сакрализацию лидера, стали анахронизмом. Парадокс был в том, что именно в тоталитарных и авторитарных режимах идея права на достойное человеческое существование получила новый ракурс – многие социально-экономические права получили законодательное закрепление (практически одновременно, а то и раньше, чем в западных либерально-демократических обществах), население интенсивно образовывалось и приобщалось к ценностям научно-технической цивилизации. Тем самым создавались условия для появления массового человека нового типа – достаточно об-

¹ См.: Мордачев В. Д. Теория обмена труда... С. 80.

разованного, привыкшего воспринимать социальные гарантии как должное и начинающего требовать для себя свободы творчества и реализации различных либеральных свобод (советский средний класс 1980-х гг.).

И в этом ракурсе Конституция СССР 1936 г. была вполне прогрессивной для своей эпохи и исторических условий.

Несмотря на формальность перечисленных выше конституций, они оказали мощное влияние на активизацию движений за признание экономических и социальных прав народов многих стран. Страх перед «коммунистической угрозой» сыграл роль серьезного стимула для расширения прав трудящихся и повышения уровня их жизни.

Первым из международных документов, отразившим весь комплекс прав первого и второго поколения, была Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 г. Несмотря на «непоследовательность декларации», «отсутствие в ней иерархии прав» и т. д., Всеобщая декларация прав человека «остаётся лучшим из возможных решений проблемы, поскольку права, содержащиеся в ней, действуют как моральные требования, как нравственные нормы, регулирующие поведение и взгляды людей. Всеобщая декларация оставляет место для любых политических решений проблемы, согласующихся с этими моральными требованиями. Каждый строй может быть установлен на основе всех этих прав, и любое правительство может быть подвергнуто критике за то, что оно не соблюдает то или иное право»¹.

Всеобщая декларация надолго задала высокую планку, стандарт прав человека, к которому мир должен стремиться. Не случайно огромное количество правовых документов стран, входящих в ООН, основано на принципах, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека. Ее первый пункт в качестве «общей нормы для всех народов и всех государств» провозглашает: «Люди рождаются свободными и равными в достоинстве и правах. Все они наделены разумом и совестью»². Таким образом, Всеобщая декларация явила естественный закон как аксиому.

Наряду с расширением спектра гражданских и политических прав (запрещение рабства, пыток, право на свободу передвижения, право

¹ Хеллер А. Указ. соч.

² Международные документы по правам человека: сб. СПб.: Спец. лит., 1997. С. 10–11.

на получение и распространение информации и т. п.) Всеобщая декларация прав человека провозглашала также, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства»¹. Ст. 23 провозгласила право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы. Кроме того, в этой же статье указывается, что «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое при необходимости другими средствами социального обеспечения». Всеобщая декларация закрепила также «право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск», «на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам»². Всеобщая декларация закрепила также право на бесплатное начальное и общее образование, общедоступное техническое образование и равную доступность для всех высшего образования «на основе способностей каждого», а также право «свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами»³.

Именно эти пункты в перечне прав человека, вошедшем во Всеобщую декларацию, вызвали особенно резкую критику правоведов, хотя потребность в таком перечне никем не оспаривалась. Западные обществоведы увидели и негативную сторону прав второго поколения: «Независимо от степени и формы юридического закрепления со-

¹ Международные документы по правам человека: сб. СПб.: Спец. лит., 1997. С. 10–11.

² Там же.

³ Там же.

циально-экономических прав, права второго поколения таят в себе немалую угрозу. Предполагая произвольное (без эквивалентного возмещения) изъятие дохода (собственности) у наиболее успешных членов общества, социально-экономические права не только сдерживают их социальную активность и экономическую предприимчивость, одновременно приучая так называемых аутсайдеров к социальному иждивенчеству, но и способствуют сокращению сферы использования личных и политических прав и свобод (хотя, по замыслу, должны обеспечивать их максимальное развитие), ибо объективно усиливают государственное вмешательство в жизнь общества, ставят каждого человека во все большую зависимость от власти. Поэтому пределами реализации прав второго поколения выступают не уровень развития экономики страны, а естественные неотчуждаемые права и свободы. Социально-экономические права должны обеспечиваться в той мере, в какой это требуется для поддержания социального мира и не ведет к чрезмерному ограничению личных и политических прав и свобод»¹.

Некоторые социальные философы (Л. Гордон, М. Крэнстон и др.) предлагали вообще исключить социальные, экономические и культурные права из Всеобщей декларации, поскольку они нарушают «чистоту» прав человека. Стремясь избежать противоречий, многие либералы предлагали исключить все социально-экономические и культурные права из перечня прав человека, ограничив его только лишь политическими и гражданскими. Большинство же участников дискуссии отвергло подобную точку зрения, считая ее крайней. «Ограничение перечня прав человека одними политическими правами вовсе не оправдано с точки зрения логики. А поскольку любой перечень прав человека подразумевает определенную социополитическую систему, то перечень, содержащий одни лишь политические права, без социальных, будет отражать идею либерального капиталистического государства, а перечень, содержащий только социальные права без свобод, – идею деспотического государства с излишне детализированным законодательством»².

Политические и гражданские права можно определить именно как «права», а социально-экономические и культурные – как «требо-

¹ Варламова Н. Конституционный статус социально-экономических прав. Введение // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. 2000. № 1. С. 23.

² Хеллер А. Указ. соч.

вания». Другими словами, права свободы определяются как «право действовать», а социальные – как «право получать»¹. Этот принцип можно сформулировать и по-другому: политические и гражданские права есть право действовать против государства, все остальные – право требовать что-то от государства. Или: политические и гражданские права – это права, реализуемые немедленно, а все остальные – реализуемые постепенно, и т. д.

Закономерно, что в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, где особо выделено, что «государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни»², устанавливается и обязанность подписавших его государств обеспечивать полное осуществление признаваемых в нем прав постепенно и в пределах имеющихся ресурсов.

В то же время в Международном пакте о гражданских и политических правах оговорка о постепенности отсутствует. Различия и сложность механизмов обеспечения прав человека в двух пактах отметил М. В. Баглай: «Прямое действие этих прав объективно оказывается весьма относительным, ибо ни один суд не примет гражданский иск о реализации такого права только на основе его конституционного закрепления. Причина ясна: отсутствует конкретный ответчик, так как данное право не порождает ни для каких лиц каких-либо прямых обязанностей. Получается, что экономические, социальные и культурные права являются не столько юридическими нормами, сколько стандартом, к которому должно стремиться государство в своей политике»³.

Права второго поколения обычно квалифицируются в качестве целевых, программных, обязывающих государство к социально ориентированной деятельности. Это не субъективные права, а объективные обязанности государства, выполнение которых находится в зависимости от состояния экономики страны. Соответственно, провозглашенные международными актами и конституцией социально-эконо-

¹ Хеллер А. Указ. соч.

² См.: Международные документы по правам человека. С. 29.

³ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2000. С. 220.

мические права непосредственно не подлежат судебной защите, а рассматриваются как общие установки на социальную защищенность, которые должны быть конкретизированы в текущем законодательстве исходя из финансовых возможностей государства¹.

Однако на современном этапе уже существует международная судебная практика. Осознание внутренней взаимосвязанности гражданских и политических прав с социальными проявилось в практике Европейского суда по правам человека. Как известно, положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней касаются в основном гражданских и политических прав и свобод. Однако, как отмечают специалисты, развитие судебной практики постепенно шло в направлении более активного применения положений Конвенции в социальной сфере. Это впервые нашло выражение в решении по делу «Эйри против Ирландии»: согласно позиции суда, многие из гражданских и политических прав, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, «производят правовые последствия социального и экономического характера». Суд пришел к однозначному выводу, что «нет непроницаемой границы, которая отделяет область экономических и социальных прав от сферы действия Конвенции»².

Вторым показательным примером попытки судебной защиты социально-экономических прав служит дело, рассмотренное в 1993 г. Верховным судом Гватемалы, куда поступил иск по обвинению главы государства Р. де Леона Карпио о нарушении социальных прав гватемальцев. Это обвинение от имени всего населения республики выдвинул известный адвокат В. М. Кано. В исковом заявлении говорилось, что Президент санкционировал значительное повышение цен на многие товары и услуги, плату за электроэнергию, тем самым нарушив социальные права всех граждан Гватемалы. Адвокат просил лишить Р. де Леона Карпио президентского иммунитета и в случае положительного решения рассмотреть вопрос о лишении его президентских полномочий³.

¹ См.: *Варламова Н.* Конституционный статус социально-экономических прав... С. 22.

² См.: *Лобов М.* Защита социальных прав в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод (практика Европейского суда по правам человека) // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. 2003. № 1. С. 67.

³ См.: Российская газета. 1993. 20 окт.

Почти одновременно с принятием ООН Всеобщей декларации прав человека были приняты региональные международные акты: Американская декларация прав и обязанностей человека (1948) и Европейская конвенция о правах человека (1950). В первом из них помимо традиционных гражданских и политических прав зафиксировано право на сохранение здоровья и благосостояния, право на образование, право на участие в культурной жизни, право на труд и справедливое вознаграждение за работу, право на отдых, на социальное обеспечение. Второй, напротив, ограничивается традиционными гражданскими и политическими правами.

Еще в рамках Лиги Наций в 1919 г. была создана Международная Организация Труда (МОТ), а в 1946 г. она стала первым специализированным учреждением Организации Объединенных Наций. Ее членами сейчас являются более 170 государств. Основной целью МОТ является международно-правовое регулирование труда в целях улучшения его условий. Основная особенность, присущая этой организации, состоит в том, что в ее работе принимают участие не только представители государств-членов, но и на равных с ними представители трудящихся и предпринимателей этих стран. Характерно, что за последние годы наблюдается неуклонная тенденция к росту замечаний от профсоюзов различных стран. Система контроля, разработанная в МОТ, достаточно развита и реализуется в различных формах и разными методами. Это дало основание утверждениям, что она является наиболее эффективной, прогрессивной и может быть принята в качестве «модели для других систем имплементации прав человека»¹.

Конституции развитых европейских стран, принятые после Второй мировой войны, в различной мере и неодинаковой форме закрепляют социально-экономические права. Однако содержание этих прав отнюдь не исчерпывается «коммунистическим наследием». Эти права также восходят к идее свободы от нужды – одной из четырех свобод, провозглашенных в начале 1941 г. Президентом США Фр. Д. Рузвельтом. Но так как реализация социально-экономических прав находится в зависимости от уровня и состояния финансово-экономических возможностей конкретного государства, в настоящее время их гаранти-

¹ Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации. URL: http://www.un.org/russian/document/declarat/ilo_principles.htm.

рованность в объемах, единых для всех стран, проблематична. Вот почему эти права чаще всего получают в законодательстве широкие, нестрогие, рекомендательные (если не расплывчатые) формулировки: право на «справедливые и благоприятные условия труда», «достаточный жизненный уровень», «общее благосостояние», «справедливое распределение мировых запасов продовольствия» и т. д., и т. п.

В текстах конституций многих государств преимущественно используется прием обозначения социально-экономических прав через формулу «директивные принципы социальной и экономической политики государства» (например, конституции Португалии, Испании). США показывают неприменимость равенства социальных прав с гражданскими и политическими правами, там социальные права расцениваются как пожелания и не включены в текст основного закона. В Конституции Швейцарской Конфедерации 1999 г. прямо оговорено, что зафиксированные в ст. 41 Положения о праве на социальную безопасность не могут служить непосредственной основой для претензий на помощь со стороны государства. Конституция Французской Республики отводит социально-экономическим правам место в преамбуле, где они дополняют гражданские и политические, но приобретают форму декларации; кроме того, обязанности социального обеспечения возлагаются не только на государство, но и на такие субъекты, как «нация» и «коллектив». Конституция Итальянской Республики посвящает четыре главы правам и обязанностям граждан. Применительно к социально-экономическим правам итальянская Конституция гарантирует бесплатное лечение для неимущих (ст. 32), бесплатное восьмилетнее образование (ст. 34), право на еженедельный отдых и на ежегодные оплачиваемые отпуска (ст. 36, в этой же статье указывается, что трудящийся не может отказаться от этого права), на материальное обеспечение по старости, болезни и безработице (ст. 38) и т. д. Наиболее «осторожной» в плане конституционного закрепления социально-экономических прав оказалась Германия. Конституция Федеративной Республики Германии, посвящая основным правам первый раздел, состоящий из 21 статьи, в принципе ограничивается гражданскими и политическими правами¹.

¹ См.: Михайловская И. Концепции прав человека и их значение...

В практике экономически развитых государств проводится политика переноса акцента с акций вспомоществования индивиду на формирование условий, которые благоприятствовали и активизировали бы возможности граждан по самообеспечению. Этот вопрос рассматривался группой международных экспертов в 1986 г. на встрече в Голландии по вопросу о природе и степени юридических обязательств, взятых государствами – участниками Пакта об экономических, социальных и культурных правах (Лимбургские принципы), в котором, в частности, отмечается:

«1. Все права и свободы человека, включая социально-экономические права, неразделимы и взаимосвязаны и образуют неотъемлемую часть международного права.

2. Пакт налагает юридические обязательства на государства-участники. Они должны предпринять незамедлительно все необходимые меры, включая законодательные и административные, для осуществления прав, закрепленных в этом международном договоре. Более того, должно быть предусмотрено право каждого на судебную защиту социально-экономических прав.

3. Государства – участники Пакта, независимо от уровня экономического развития, обязаны обеспечить социально-экономические и культурные права для всех, хотя бы в минимальной степени»¹.

Следовательно, государство не может и не должно уклоняться от выполнения социальной функции. Речь идет не о вмешательстве, а о содействии человеку с целью обеспечения достаточного жизненного уровня и непрерывного улучшения условий жизни. Задача государства состоит в том, чтобы создавать эффективные социальные программы и вести целенаправленную работу, которая гарантировала бы реализацию провозглашенных прав и обеспечивала бы необходимую социальную защиту всем нуждающимся². Социальные права вытекают из естественных прав человека и основываются на них, но их реализация зависит от государства. Сама природа

¹ Лимбургские принципы осуществления Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах (1986 г.). URL: <http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=227>.

² См.: Конституционное законодательство России / под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 1999. С. 78–79.

этих прав связывает их осуществление с выполнением государством определенных обязательств в области социальной политики¹.

Социальные права обуславливаются и закрепляются в законодательстве исходя из реальных социально-экономических условий. Государство через законодательство и административную и судебную практику может принимать меры по признанию, обеспечению и защите социальных прав, по социальному ориентированию экономики, созданию систем поддержки трудовой активности людей и их социальной инициативы, развитию инфраструктуры частного бизнеса и социальной инфраструктуры, формированию рынка труда, эффективным и достаточным системам социальной помощи тем, кто в ней нуждается, а также установлению партнерского участия государства, частного сектора и гражданского общества в развитии страны.

Социальные права – это согласованные и признанные мировым сообществом в целом, закрепленные в законодательстве большинства современных государств минимальные правовые нормы-стандарты прав человека в социальной сфере, предусматривающие такие условия жизни, которые позволяют каждому свободно поддерживать и развивать свою человеческую природу². В отличие от большинства прав первого поколения, которые даны человеку по природе и которые государство обязано лишь защищать, большинство социальных прав может быть предоставлено и защищено только обществом и государством. «По существу, они выступают как определенные требования к власти и являются обязанностями государства, прежде всего в том, что касается поддержания самой жизни индивида и его социальной обеспеченности, достоинства и духовного развития личности»³.

Чтобы гарантировать право собственности, отмечает Р. А. Позднер, необходимо создать систему регистрации собственников, установить суровое наказание, чтобы предотвратить хищения и предусмотреть соответствующие средства защиты от изъятий со стороны госу-

¹ Вольман Г. Чем объяснить стабильность политического и экономического развития Федеративной Республики Германии // Государство и право. 1992. № 11. С. 135.

² См.: Иваненко В. А., Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. СПб.: Юрид. центр-пресс, 2003. С. 39.

³ Трошкин Ю. В. Права человека. М.: Упрполиграфиздат Администрации Моск. обл., 1997. С. 42.

дарства. Расходы невелики, а преимущества огромны. Эти права являются краеугольным камнем системы рыночной экономики и демократии. Расходы же на социальные права гораздо больше, а их преимущества часто сомнительны¹.

Однако при более внимательном рассмотрении данного вопроса это различие между социальными и иными правами стирается. Защита любых прав требует материальных затрат, например, избирательное право должно быть реализовано в виде избирательной системы, право частной собственности требует ее охраны органами правопорядка. Затраты на образование и здравоохранение представляют собой инвестиции в продуктивные трудовые ресурсы. Однако эти инвестиции часто дают результаты лишь спустя долгое время. С одной стороны, этот факт может побуждать политических руководителей ориентироваться на рост потребления или же на инвестиции в «бесчеловечный» капитал, которые окупаются более непосредственно. С другой стороны, этот самый факт может послужить мотивом для конституционного оформления социальных прав².

Утверждение равнозначности и неделимости всех прав и свобод является официальной позицией ООН. В Венской декларации и Программе действий, принятой на Всемирной конференции по правам человека, указывается, что «все права универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны... Все государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы»³.

Реализация социальных прав зачастую способствует укреплению прав гражданских и политических. А осуществление гражданских и политических прав, в свою очередь, может быть обеспечено лишь в том случае, если каждому человеку будут предоставлены надлежащие и равные возможности удовлетворения всех жизненных первичных потребностей в труде, питании, жилище, охране здоровья, образовании и культуре. По мнению О. Пферсмманна, «разница между социальными и другими основными правами имеет не качественный, а лишь количественный характер. Строго говоря, все конституционные нормы влекут за собой те или иные аспекты социальных принци-

¹ См.: Позднер Р. А. Цена обеспечения юридических прав. С. 47.

² См.: Элстер Й. Влияние прав человека на экономическое развитие.

³ Международные документы по правам человека. С. 5.

пов или прав, потому что любое такое правило делает обязательным увязывание ресурсов государства с определенными целями, а не с какими-то иными, и любое такое решение оказывает воздействие на общее социальное обеспечение граждан и других лиц, подпадающих под юрисдикцию соответствующей правовой системы. Разница между нормами, четко относящимися к социальным вопросам, и нормами с более классическим содержанием заключается:

- 1) в количестве ресурсов, связанных с этим;
- 2) неопределенности отношений между средствами и целями;
- 3) в том, что социально-экономическая политика эволюционирует не в автаркическом пространстве, а в условиях все более и более глобализированной экономики»¹.

Г. Шварц также отмечает, что экономические и социальные права неразрывно переплетены с гражданскими и политическими правами — отчасти потому, что подлинная представительская демократия предполагает всеобщее участие, так же, как терпимость и компромисс. Нуждающиеся, голодные люди не пойдут голосовать, безработный, обреченный на жалкое существование народ становится безразличным к политике, к пользованию демократическими правами и свободами, которыми его наделяет конституция². Подчеркивая значимость гарантий экономических и социальных прав, Г. Шварц пишет: «Когда граждане страны голодают, не могут найти работу, болеют и никто не приходит к ним на помощь, ограничиваться защитой одних гражданских и политических прав явно недостаточно. Ярким доказательством этому тезису служат лос-анджелесские беспорядки 1992 г. и предшествовавшие им беспорядки в других городах Соединенных Штатов. Думаю, в любой стране мира можно найти достаточно доказательств тому, что существует прямая связь между нищетой, беспорядками и репрессиями»³.

Не решив социальные вопросы, нельзя рассчитывать на активное участие индивида ни в общественном производстве, ни в общественно-политической жизни. Правовое регулирование в области прав человека направлено на установление, признание и защиту всего ком-

¹ Пфферсманн О. Указ. соч. С. 48.

² См.: Schwartz H. Do economic and social rights belong in a Constitution // The American Univ. J. of Intern. Law and Policy. 1995. Vol. 10, № 4. P. 1234.

³ Шварц Г. Экономические и социальные права // Рос. бюл. по правам человека. 1995. Вып. 6. С. 24.

плекса таких прав. Этот комплекс призван обеспечивать всем людям достойную жизнь, т. е. жизнь свободную, безопасную, здоровую, материально обеспеченную и духовно насыщенную.

Социальные права в системе прав человека занимают исключительно важное место. Они, во-первых, призваны гарантировать каждому человеку достойные условия жизни, а во-вторых, определяют обязанность государства обеспечить всем нуждающимся такой минимум социальных возможностей и социальной защищенности, который необходим для поддержания достоинства человека, нормального удовлетворения его материальных и духовных потребностей. Включение социальных прав в конституционное право «направлено на то, чтобы, с одной стороны, законодательная и исполнительная власти в своей деятельности руководствовались этими правами и, с другой стороны, предоставлялась возможность избирателям, негосударственным организациям, иным группам требовать включения социально-экономических прав в соответствующие нормативные акты и более действенного их осуществления. Кроме того, включенные в конституцию социально-экономические права помогают судебной власти в интерпретации существующих в государстве законодательных актов»¹.

Таким образом, социальные права не только не являются «мнимыми» или «второстепенными» по сравнению с гражданскими и политическими правами: они вместе с экономическими правами образуют своеобразный стержень всей системы прав человека. Социальные права представляют собой права, позволяющие гражданину существовать в обществе. И в этом смысле они являются первичными по отношению к иным правам человека.

Наличие тесной взаимосвязи между всеми элементами системы конституционных прав говорит о целостности прав человека, их неделимости на группы, из которых одна может быть важнее другой. По мнению некоторых исследователей, разграничение прав по категориям зачастую искусственно, а в концептуальном плане даже опасно. Права не должны противопоставляться друг другу или трактоваться им в ущерб. Иной подход к данной проблеме вольно или невольно ведет к ущемлению одних прав за счет доминирования других, что сказывается на процессе реализации тех прав, которым отводится особая роль в системе конституционных прав.

¹ *Иваненко В. А., Иваненко В. С.* Указ. соч. С. 41.

Все более утверждается взгляд о взаимной связанности и нераздельности всех видов прав для обеспечения полноты человеческого существования. В этом смысле социально-экономические права совершили настоящий революционный переворот в учении о правах, утвердили новые принципы взаимоотношений личности и государства. Разногласия о природе прав важны, но не с точки зрения их происхождения, а с позиции тех способов и средств, которые должны быть привлечены для достижения целей защиты и сбережения человека.

Придание социально-экономическим правам независимо от источника их происхождения (из закона или естественного права) формы субъективных прав означает, что у государства появились новые юридические обязательства, ограничивающие произвол власти. Эти обязательства ориентируют государственные органы на эффективное размещение ограниченных ресурсов, вынуждая направлять их на действительные нужды людей, а не на приоритеты рынка или криминальные аппетиты бюрократии. А. С. Пигу еще в 1920 г. писал: «Благосостояние народа зависит от двух основных факторов: во-первых, от уровня “национального дивиденда” (национального дохода), а во-вторых, от качества и справедливости распределения “национального дивиденда”»¹. Социальные права требуют от государства относиться к социальным программам более серьезно, а не только как к политическим декларациям.

Появление у государственных властей юридических обязательств перед своими гражданами и перед международным сообществом по созданию благоприятных экономических и социально-организационных условий жизни – значимая веха утверждения свободы и достоинства индивида, который теперь вправе потребовать от государства надлежащего поведения и в этой сфере.

Ситуация с правом на достойное человеческое существование в современной Российской Федерации достаточно двойственная и неоднозначная.

С одной стороны, юридически идея права на достойное человеческое существование развернута в достаточно широкий комплекс социально-экономических и политических прав, закрепленных в Кон-

¹ Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния: в 2 т. М.: Прогресс, 1985. Т. 1. С. 98.

ституции Российской Федерации 1993 г. Провозглашается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2), что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7, ч. 1), в котором «охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» (ст. 7, ч. 1)¹. Отдельно говорится о достоинстве личности: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ст. 21, ч. 1)².

Опросы общественного мнения не регистрируют сколько-нибудь значительной озабоченности граждан соблюдением тех прав, борьба за которые была смыслом жизни советских диссидентов: свободы передвижения (в том числе права выезда за рубеж), свободы слова, свободы совести. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепляет широкий перечень основных прав и свобод человека и гражданина.

Защита данных прав и свобод осуществляется Конституционным судом РФ в порядке так называемого абстрактного нормоконтроля – при проверке конституционности законов и некоторых других нормативных актов, регулирующих права граждан. Обеспечивая защиту от неконституционных законов в сфере труда и социального обеспечения, Конституционный суд опирается на ряд принципов: положение ст. 1 о том, что Российская Федерация является правовым государством, что предполагает обеспечение господства права и правовых законов, равной для всех свободы, формального (правового) равенства, гарантированность государством прав и свобод человека и гражданина; положение ст. 2 о высшей ценности человека, его прав и свобод и обязанности государства признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы; положения ст. 7, устанавливающие, что Российская Федерация – социальное государство,

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Конституционными Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Рос. газ. 2009. 21 янв.

² Там же.

политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и закрепляющие основные направления деятельности государства в социальной сфере, по социальной защите граждан, нуждающихся в поддержке общества и государства, и ряд других положений и правовых принципов.

Но вышеперечисленные права имеют особый характер. Их отличие – в степени гарантированности и специфическом механизме правовой защиты. Прямое действие экономических и социальных прав зачастую объективно оказывается весьма относительным, поскольку для реализации гражданином таких прав недостаточно только одного их конституционного закрепления. Может ли, например, суд общей юрисдикции удовлетворить требование гражданина о назначении ему пособия в связи с болезнью, основываясь исключительно на положении ч. 1 ст. 39 Конституции Российской Федерации о праве каждого на социальное обеспечение в случае болезни? Очевидно, нет. Условия возникновения у определенного лица права на получение такого пособия, его размер, порядок предоставления и т. п., т. е. конкретное содержание субъективного права, определяются законодателем. Следовательно, возможности защиты такого рода прав в значительной мере зависят от того, как регулируется (конкретизируется) содержание этих прав в отраслевом законодательстве.

Кроме того, осуществление гражданами многих экономических и социальных прав невозможно без соответствующих финансовых затрат со стороны государства. Поэтому определение законодателем конкретного содержания этих прав, его наполнение зависит от материальной возможности государства обеспечить их осуществление в полном объеме, от наличия у государства необходимых финансовых ресурсов. В Российской Федерации существуют серьезные препятствия для реализации гражданами права на социальную поддержку со стороны государства: ослаблена социальная роль государства, продолжается финансирование социальной сферы по остаточному принципу, принимаются законы, которые недостаточно финансируются и действуют не в полном объеме.

Вместо создания «условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 Конституции РФ), основные усилия нашего государства сосредоточены сегодня на поддержании нынешнего уровня жизни. По существу, государство снимает с себя от-

ветственность за реализацию социальной политики. Более того, под сомнение ставится конституционное положение о том, что Российская Федерация – социальное государство¹.

Как отмечает исследователь С. Рогов, в России доля традиционных функций государства (общее административное управление, поддержание общественного порядка и национальная оборона) в расходах по нынешним меркам высока – 36,7 %. Это почти в 4 раза выше, чем в развитых странах, и в 1,5 – чем в развивающихся. На социальные функции приходится всего лишь 21,3 % федерального бюджета. Это очень низкий показатель, значительно уступающий не только развитым, но и развивающимся государствам. В России государство расходует на исполнение своих традиционных функций примерно 6 % ВВП, что на 25 % превышает общемировой показатель, зато в 6 раз меньше (около 3,5 % ВВП) тратит на социальные функции. Соотношение расходов на традиционные и расходов на современные функции составляет 1,7 : 1. Подобная структура бюджета характерна для государства XIX в., а не XXI в.² Это данные за 2004–2005 гг., но и сегодня положение вещей изменилось лишь незначительно.

Несмотря на все заявления властей не стал устойчивым большинством населения и опорой стабильности так называемый средний класс, численность которого в России составляет, по разным подсчетам, от 15 до 30 % населения. К примеру, средняя заработная плата во многих индустриальных городах России составляет 15–20 тыс. р. в месяц, или 500–700 долл. По этому показателю большинство населения урбанизированной страны с отопительным сезоном 9 месяцев в году и североευропейским (самым высоким в мире) уровнем цен почти на все товары и услуги попадает в разряд бедных. В стране воспроизводятся социальные расколы, характерные для обществ XIX в.: верхушка правящей элиты и бизнеса живет по стандартам потребления развитых стран (а часто и превосходит их), а массы населения часто лишены даже формально гарантированных в Конституции Российской Федерации прав.

Все это создает опасный рост социального напряжения, который большей частью пока имеет «тлеющий» характер (демонстрации и все-

¹ См.: *Савин М. С.* Центр социологии прав человека. URL: <http://www.ispr.ru/ZNAMDAT/10LET/STATI10/stati15.html>.

² См.: *Рогов С.* Функции современного государства: вызовы для России // Свобод. мысль. 2005. № 9. С. 52.

возможные марши протеста, достаточно мирные, хотя часто и несанкционированные; отчаянная ругань в адрес властных структур во всевозможных интернет-блогах и т. д.). Но, как показывает опыт уже XXI в., из действий «тлеющего» характера может произойти взрыв – как это было во Франции, Египте и других государствах (да и российский пример – стихийные бунты на Манежной площади в 2002 и 2011 гг.). Как выразился известный футуролог И. В. Бестужев-Лада, «что толку, если вам удалось отремонтировать свой старый велосипед, когда вы видите, что богатый сосед пересаживается из “Фиата” в роскошный “Роллс-Ройс”? Да вы его в порошок сотрете при первой возможности!»¹. Как в такой ситуации осознавать себя достойным гражданином своей страны – вопрос философский.

Как результат продолжается давно переросшая естественный уровень дифференциация доходов населения, сохраняется высокий процент людей, нуждающихся в социальной помощи и поддержке; нередко для реализации своих прав на льготы людям приходится обращаться в суд; существует опасность того, что малообеспеченность и бедность для большей части населения станут хроническими; снижаются авторитет государства и степень доверия граждан к институтам власти². Например, в исследовании аналитиков Левада-Центра «Постсоветский человек и гражданское общество» отмечается, что в гипотетической ситуации судебного разбирательства между обычным гражданином и представителем власти лишь 13 % опрошенных считают, что «простой человек» может рассчитывать на справедливость суда и соответствие его действий закону³. Интересны данные опроса 2008 г. относительно социальной ориентации российских реформ, когда респондентам предлагалось ответить на вопрос «Если говорить в целом, как вы считаете: то, что происходит сейчас в стране, идет на пользу небольшой группе людей, озабоченных только своими интересами, или на пользу большинству населения?» (табл. 1): чем богаче и моложе респонденты, тем больше они доверяют реформам

¹ Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование: курс лекций. М.: Пед. о-во России, 2002. С. 35.

² См.: Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области за 2007 г. Екатеринбург, 2008. URL: http://ombudsman.midural.ru/biblioteka/ezhegodnye_doklady_upolnomochennogo/.

³ См.: Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Изд-во Моск. шк. полит. исслед., 2008. С. 40.

власти и считают, что политика направлена на пользу большинства населения¹. Но свыше 50 % населения не доверяет реформам власти. Представляют интерес также данные опроса (2008) о базовых ценностях демократического общества, когда респондентам предлагалось продолжить фразу «Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше...» (табл. 2)².

Таблица 1

Вариант ответа	Всего	Возраст, лет				Потребительский статус			
		18–24	25–39	40–54	55 и старше	Не хватает на продукты	Хватает только на продукты	Хватает на продукты и одежду	Можем приобретать товары длительного пользования
На пользу большинству населения	28	35	32	27	23	14	24	30	41
На пользу небольшой группе людей, озабоченных только своими интересами	56	43	50	60	63	65	60	56	38
Затрудняюсь ответить	16	22	18	13	14	21	16	14	21

Примечание. Данные приведены в процентах от числа опрошенных в соответствующей группе.

Таблица 2

Вариант ответа	Определенно больше / скорее больше	Скорее меньше / определенно меньше	Соотношение больше / меньше	Затруднились ответить
Свободы	65	21	3,1	14
Справедливости	26	64	0,4	10
Солидарности между людьми	22	68	0,3	10
Взаимного доверия	15	74	0,2	11
Гражданской активности	26	59	0,44	15

Примечание. Данные приведены в процентах от числа опрошенных по строке.

¹ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Указ. соч. С. 35.

² Там же. С. 45.

Увы, справедливости, солидарности и доверия в глазах россиян стало меньше, а ведь данные показатели являются важными интегративными составляющими понятия «достойное человеческое существование». Как достаточно категорично отмечают авторы книги «Постсоветский человек и гражданское общество», роль электоральной демократии в кризисном, но не модернизированном обществе заключается в санкционировании авторитарной системы власти, утратившей прежние источники своей легитимации в экспансионистской идеологии.

Можно согласиться с авторами данной работы в том, что базовые характеристики постсоветского человека не связаны с ценностями, которые задавали бы и поддерживали ориентацию общества на развитие и подъем, так как доминируют исключительно ценности выживания, пассивной или чисто реактивной адаптации к социальным изменениям. Власть в сознании российского населения обладает свойствами самодостаточности, т. е. независимости от общества. Население – это ее ресурс, ее собственность, и оно пассивно соглашается с этой идеологией и практикой власти¹.

Данный вывод представляется вполне обоснованным. Например, по такому показателю, как Индекс восприятия коррупции (его выводит организация Transparency International), Россия в 2010 г., получив 2,1 балла, спустилась на 154-е место (из 178). В 2009 г. она занимала 146-ю позицию и имела 2,2 балла. Ныне по данному показателю Россия соседствует с Камбоджей, Центрально-Африканской Республикой, Гвинеей-Бисау, Кенией, Папуа – Новой Гвинеей и Таджикистаном². В итоге получается воспроизводство одного из самых негативных моментов политики и идеологии позднего СССР – кардинального рассогласования между реальностью и идеалом. Провозглашен идеал гражданина, знающего закон и ориентированного на законопослушное поведение, уважение своих и чужих прав; в реальности же граждане считают, что в обществе, по большому счету, доминирует право сильного, а власть неэффективна и коррумпирована.

Созданная в ходе реформ государственная система гарантий соблюдения прав человека пока малоэффективна, а зачастую и просто беспомощна. В России по-прежнему и незаметно для самих себя все

¹ См.: Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Указ. соч. С. 43.

² См.: Центр стратегических оценок и прогнозов. Россия в зеркале международных рейтингов: год 2011: аналит. докл. М., 2011. С. 12. URL: <http://www.csef.ru/pdf/1583.pdf>.

не уважают права всех, а человеческое достоинство и свобода, несмотря на очевидную и формально признаваемую моральную ценность, остаются на периферии «российской ментальности». Права человека в России часто даже не нарушают, их просто не замечают.

Гуманитарная сущность права на социальное обеспечение и скудость бюджетов требуют концентрации государственных средств на помощь тем, кто стоит на грани физического выживания, и не в аллегорическом смысле, а буквально. Часть льгот, социальных выплат и услуг предоставляется не по гуманитарным мотивам (нетрудоспособность, нахождение в трудной жизненной ситуации), а по политическим или близким к ним (за заслуги перед государством (Закон «О ветеранах»), в связи с ведомственной принадлежностью и т. д.). Большое число льгот приводит к формированию иждивенческого отношения к помощи государства. Своей, в значительной степени уравнилельной, социальной политикой государство поощряет у части наших сограждан безответственность в отношении собственной судьбы и судьбы своих близких. Такая политика противоречит гуманитарному смыслу социальных прав, призванных поддерживать в гражданах человеческое достоинство и гарантировать свободу личности. В итоге чрезмерно широкая и уравнилельная социальная политика приводит к тому, что самым незащищенным и малообеспеченным (это прежде всего беспризорники, сельские пенсионеры, одинокие старики и инвалиды) достаются лишь крохи от государственного социального пирога.

Защита прав человека – настолько трудное, разнообразное и затратное дело, что государство выделяет приоритеты. Если говорить о категориях граждан, в наибольшей степени страдающих от нарушений прав человека и более всего нуждающихся в защите как государства, так и правозащитных организаций, то, безусловно, речь должна идти о детях. Последствия нарушения прав человека в отношении детей наиболее трагичны, так как наиболее судьбоносны, хотя дети могут и не воспринимать эти нарушения так остро, как взрослые. Ребенок, в силу своего возраста, не может правильно оценить ситуацию, именно поэтому он и наиболее незащищен.

Все попытки рассмотреть ближайшее будущее российского государства как действительно «социального» пока видятся малореальными. С точки зрения юридических формальностей в российском законодательстве право на достойное человеческое существование прописано, но, к сожалению, реализация данного права возможна (с боль-

шими вопросами к вероятности) только в отдельно взятом регионе, скорее как исключение, подтверждающее правило, которое будет не в пользу человека и его достойного существования.

Подводя итог изложенному в параграфе, нужно отметить, что в середине XX в. широко принятой идейной основой международного порядка и социального консенсуса выступили права человека, причем право на достойное человеческое существование получило среди них важнейшее место. Если в конце XVIII в. все провозглашаемые и законодательно закрепляемые права, относящиеся к категории естественных и неотчуждаемых, концентрировались вокруг идеи свободы, признаваемой высшей ценностью, то в XX в. она была определенно дополнена идеей достойного существования.

Права человека второго поколения отразили ценности социально ориентированного государства, что было вызвано признанием элитами важности сохранения как международного, так и межклассового мира. Они были развернуты в обширный каталог социально-экономических и социально-культурных прав, провозглашенных (в разной мере) во всех современных конституциях. Это вызвано рядом тенденций общественного развития XX в.: унификацией и технологическим оформлением методов борьбы ущемленной в правах части населения за свои гражданские права, дальнейшей конкретизацией системы ценностей гуманизма в направлении принципов толерантности и гуманистического релятивизма, общим повышением уровня жизни и вовлечением в функционирование общества потребления части населения, находившейся долгое время в условиях жесткой сегрегации и т. д.

В России, тем более в странах развитой демократии, идея права на достойное человеческое существование перешла из сферы лишь теоретических рассуждений философов и правоведов в юридическую плоскость, найдя нормативное закрепление во многих международных документах, конституциях и иных важнейших нормативных правовых актах большинства стран.

Продолжая начатую в гл. 1 (см. с. 36, 37) периодизацию процесса формирования и дальнейшей судьбы идеи права на достойное человеческое существование, можно выделить следующие за уже названными этапы:

V. Социализация (распространение на всех людей без исключения) содержания идеи и закрепление права на достойное человеческое существование в отдельных нормативных правовых актах (с начала XX в.).

VI. Интернационализация (с середины XX столетия) – закрепление права на достойное человеческое существование в 36 конституциях мира и общепринятых международных документах.

VII. Глобализация прав человека (с середины 1970-х гг.), расширение содержания права на достойное человеческое существование и в то же время намечающийся рост общественного разочарования в его действительности.

Необходимо при этом заметить, что каждый последующий период открывал новую страницу жизни прав человека, но не закрывал противоречий, возникающих с их реализацией в жизни общества. Поэтому, несмотря на высокую оценку социально-экономических прав учеными и закрепление их в международном праве и законодательствах большинства демократических стран, проблемным остается тот бесспорный факт, что право на достойное человеческое существование имеет нестрогие, рекомендательные (если не расплывчатые) формулировки (право на «справедливые и благоприятные условия труда», «достаточный жизненный уровень», «общее благосостояние», «справедливое распределение мировых запасов продовольствия» и т. п.). Эта проблема не столько пребывает в области юридической техники, снимающей в перспективе затруднения толкования, сколько имеет под собой серьезные социальные причины и требует всестороннего, в том числе дальнейшего социально-философского, анализа. Этот анализ не должен пройти и мимо трудностей реализации идеи права на достойное человеческое существование, которые также обусловлены не только и не столько несовершенством юридических формулировок. Так, даже тщательно продуманные юридические механизмы МОТ не гарантируют защиту декларируемых государствами-участниками прав трудящихся.

Современные социологические исследования отчетливо свидетельствуют об очень значительном разрыве по уровню благосостояния и жизненным возможностям. Президент США Дж. Ф. Кеннеди бросил в свое время ставшую крылатой фразу: «Прилив поднимает все лодки». Но в сфере реализации права на достойное человеческое существование даже приливная волна широкого экономического процветания подняла некоторые лодки быстрее остальных, тогда как другие сильно, даже безнадежно, отстали, иные же и вовсе стремительно идут ко дну.

Сегодня создается обоснованное впечатление, что в идее права на достойное человеческое существование оказалось слишком много «мечтательного» и слишком мало практически реализуемого. Это впечатление, обнаруживаемое у многих мыслителей и ранее, сегодня требует не только пристального внимания, но и социально-философского анализа, поскольку трудности юридического бытования данной идеи вскрывают их внеправовые причины, отнюдь не только экономические – последние лишь их обостряют в период кризиса, но даже относительное благоденствие мировой экономики не обеспечило убедительной по масштабам и глубине реализации права на достойное человеческое существование. Последнее было и остается прежде всего идеей, развернутой не столько в правовую систему, предполагающую не только декларации, не только нормы, но и четкие правовые механизмы их реализации, сколько в политико-правовую, фундированную определенной антропологией идеологию. С этой точки зрения и необходим ее дальнейший анализ.

2.2. Право на достойное человеческое существование в зеркале рейтингов и интегральных показателей

Во многом по причине декларативного характера права на достойное человеческое существование в современной общественно-политической риторике и социально-экономической литературе достойная жизнь и свободное развитие человека часто пытаются конкретизировать при помощи понятий качества и уровня жизни, чьи значения тесно переплетаются, но не совпадают. Нередко используются близкие термины: «уклад жизни», «стандарт жизни», «стиль жизни», «образ жизни», «уровень благосостояния» и т. п. Все они привязаны прежде всего к количеству и качеству товаров и услуг, потребляемых в стране, мере удовлетворения основных жизненных потребностей. Таким образом, право на достойное человеческое существование сводится к измеряемому уровню материального благосостояния, обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования.

Философия качества жизни в конце XX в. выходит на первый план в государственной политике и социальной работе наиболее развитых стран мира, например Канады, Великобритании, Швеции. Считается, что понятие качества жизни позволит осуществлять инте-

гральную оценку эффективности управления¹. Предложил термин «качество жизни» (*quality of life*) в начале 1950-х гг. американский журналист Э. Северейд, в 1952 г. его ввел в свои программные речи кандидат в президенты США Э. Стивенсон, а в 1960-е гг. термин впервые был введен в научный оборот Дж. Гэлбрейтом в связи с попытками моделирования траекторий промышленного развития.

Часто, вопреки восходящему к Г. Гегелю словоупотреблению, качество жизни (англ. *quality of life*, сокр. QOL; нем. *Lebensqualitat*, сокр. LQ) рассматривают как количественную характеристику уровня жизни, как «потребительскую корзину», как категорию, с помощью которой характеризуют существенные обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека². Концепция качества жизни – современное продолжение интеллектуальных поисков, начатых еще П. Тейяром де Шарденом и В. И. Вернадским, которые ввели в научный обиход понятие ноосферы как сферы разумно организованного взаимодействия общества и природы, где качество жизни – характеристика системы не столько «человек – природа», сколько «человек – социум»: биосфера превращается в ноосферу при целенаправленной деятельности человечества путем реализации мер по рациональному природопользованию.

Реализация политики государств по качеству жизни возможна, с точки зрения многих ученых, только в сверхиндустриальном, постэкономическом обществе «с высокоэнергетическим и мощностным обеспечением, в котором базовые черты индустриальной Революции специальным образом усилены и продолжены двумя долгосрочными стратегиями: все более автоматизируемыми фабриками и заводами и модернизацией служебных индустрий. В технологиях, капитале, трудовой квалификации и управлении будут достигаться новые уровни усложнения и развития систем деятельности. Получат широкое распространение комплексные системы компьютеризации и связи, применение интеллектуальных систем и иных технологических завоеваний. Будет осуществляться быстрый рост традиционного бизнеса услуг и услуг на основе персональных бизнесов – финансовых, медицинских, ком-

¹ См.: Голанский М. М. Взлет и падение глобальной экономики: что ждет отстающие страны // Учен. зап. / РАН. М.: Изд-во Ин-та Африки, 1999. Вып. 6. С. 131.

² См.: Крупнов Ю. Качество жизни. URL: http://www.kroupnov.ru/5/178_1.shtml.

муникационных и т. д. Все это находится в разительном контрасте с тем акцентом на досуг и удовольствие, который составляет понятия «постиндустриального общества»¹. Как видим, проблематичное высокое качество жизни ждет человечество в не менее проблематичную сверхиндустриальную, постэкономическую эру.

В понимании качества жизни тоже нет единогласия, несмотря на многие одинаковые признаваемые его критерии, которые чаще всего сводятся только к материальным благам, «потребительской корзине» и совершенно не коррелируют с понятием достойной жизни как соразмерной достоинству человека. Обычно его определения включают и субъективные переменные, характеризующие социальное самочувствие личности, удовлетворенность гражданскими свободами, правами человека, безопасностью существования и т. д. Например, Дж. ван Гиг понимает качество жизни населения предельно широко, рассматривая его как состояние благополучия. Показательно, что он эту категорию самым тесным образом связывает с целями, определяющими государственную политику, направленными на удовлетворение социальных, экономических и иных потребностей, повышение общего благосостояния населения, поддержание таких условий, в которых человек и природа могли бы вести гармоничное сосуществование².

А. И. Субетто, не смущаясь логическим кругом, определяет качество жизни как систему качеств духовных, материальных, социокультурных, экологических и демографических компонентов жизни³.

Многие исследователи предлагают более широкую трактовку оценки условий жизни населения, включая в рассмотрение такие факторы, как свобода выбора, основные права и свободы, политическая и социальная стабильность и безопасность⁴.

М. Джилберт и И. Крэвис в качестве критериев качества жизни определяли длину рабочего дня (недели) и продолжительность отпуска; возможность легко, а то еще и приятно добраться до места работы;

¹ Крупнов Ю. Указ. соч.

² См.: Ван Гиг Дж. Прикладная общая теория систем: в 2 кн. М.: Мир, 1981. Кн. 1. С. 314.

³ См.: Субетто А. И. Управление качеством жизни и выживаемость человека // Ст и К. 1994. № 1. С. 26.

⁴ См.: Dasgupta P., Weale M. On measuring the quality of life // World development. Oxford, 1992. Vol. 20, № 1.

экологию в широком смысле; защиту от преступности; климат, красоту города и его культурно-развлекательные возможности¹. В данной трактовке духовное развитие человека фактически не учитывается.

В то же время И. В. Бестужев-Лада считает, что категория «образ жизни» интегрирует такие понятия, как уровень жизни, качество жизни, стиль жизни, уклад жизни². Он определяет образ жизни как способ жизнедеятельности, взятой в единстве с ее условиями. Примерно такую же позицию занимает и Ю. И. Савенко, который полагает, что понятие образа жизни кроме качества жизни включает такие компоненты, как условия жизни, условия жизнедеятельности, а также уровень жизни и социальное поведение³. Другими словами, по мнению указанных исследователей, категория образа жизни имеет более обобщенный характер по отношению к понятиям качества и уровня жизни.

Рассматривая же соотношение качества и уровня жизни, можно заметить следующую закономерность: чем выше уровень жизни, тем выше жизненный ритм, тем ниже качество жизни, и наоборот.

Характерно, что ситуация со стремлением внести определенность в трактовки качества и уровня жизни не только не проясняется, а наоборот, становится все более запутанной, ибо в сферу рассмотрения включаются все более острые проблемы и малоисследованные социальные последствия, которыми так богата быстротечная и изменчивая жизнь современного общества. Так, когда в бытность СССР были случаи переселения представителей некоторых народов Севера из чумов в комфортабельные квартиры, уровень их жизни повысился, но резко повысился и уровень смертности, и, как сформулировал один из социологов, «они стали вымирать от тоски»⁴. В бывшей ГДР после присоединения к ФРГ материальные условия улучшились в три раза, однако уровень самоубийств, преступности и смертности резко вырос⁵.

¹ См.: *Бирман И.* Уровень жизни: проблемы измерения // Экон. наука со- врем. России. 2000. № 2. С. 39.

² См.: *Бестужев-Лада И. В.* Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни. М.: Изд-во Ин-та социол. исслед. АН СССР, 1979. С. 62.

³ См.: Качество жизни. URL: <http://ref.ewreka.ru/r38011>.

⁴ *Крупнов Ю.* Указ. соч.

⁵ См.: *Гундаров И. А.* Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Беловодье, 2001. С. 9.

Ощущение счастья, удовлетворенность и самочувствие неизоморфны, хотя и могут перекрываться. Люди существуют как члены семей, организаций и локальных сообществ, поэтому многие исследователи рассматривают оценки качества жизни в разнообразных контекстах (локальных сообществ, этнических групп, региональных групп, наций и т. д.). «Если мы попытаемся объяснить мироощущение людей на основе объективных обстоятельств, мы оставим непонятой большую часть того, что нам необходимо объяснить»¹. Более того, общая оценка людьми своего существования является суммой оценок частных сфер: семейная жизнь, дружеские отношения, уровень жизни (в частности, дом и машина), город или другое место жительства, нация, домовладение (имеющее физический и физиологический смыслы), образование, здоровье и т. д.

В общем случае статусные индикаторы, имеющие отношение к качеству жизни, следующие:

1. *Доход* положительно связан с субъективными и объективными за мерами качества жизни². Правда, доход объясняет только часть изменений в субъективном компоненте качества жизни. С другой стороны, степень удовлетворенности доходом и стандартами жизни сильно коррелирует с субъективным компонентом качества жизни.

2. *Занятость*. В целом она дает небольшой вклад и сильно дифференцируется в субъективных оценках.

3. *Образование*, но оно не связано с качеством жизни напрямую.

4. *Возраст*. Молодые люди меньше удовлетворены жизнью, чем люди в возрасте, вне зависимости от места проживания. Уровни удовлетворенности всеми аспектами жизни, кроме здоровья, растут вместе с возрастом³. Оценки качества жизни пожилыми людьми зависят прежде всего от состояния жилья и от здоровья.

5. *Брачный статус* связан с общей оценкой счастья. Находящиеся в браке индивиды относятся к наиболее удовлетворенным жизнью группам населения, разведенные – к наименее довольным. При этом жен-

¹ Campbell A. The Sense of Well-being in America: Recent patterns and trends. N. Y., 1981. P. 13–14.

² См.: Ackerman N., Paolucci B. Objective and Subjective Income Adequacy // Social Indicators Research. 1983. Vol. 12. P. 25–18.

³ См.: Herzog A. R., Rodgers W. L., Woodworth J. Subjective Well-being among Different Age Groups. Ann Arbor, 1982.

щины в меньшей степени удовлетворены в браке, чем мужчины. И уровень образования понижает степень удовлетворенности брачной жизнью.

6. *Место проживания (город – село)*. Здесь существенна отдаленность от инфраструктур.

7. *Внешность*. Люди, оцениваемые как привлекательные, оценивают свою жизнь и самочувствие выше, но менее довольны жизнью.

Основные подходы к исследованию качества жизни состоят в следующем:

1. *Теории идеалов*. Согласно им, качество жизни включает реализацию определенных идеалов. Скажем, идеалом может быть самореализация личности в духе А. Маслоу. Модель качества жизни при этом подходе определяется из иерархической теории потребностей. В соответствии с этой моделью в развитых обществах имеются люди, в основном занятые удовлетворением потребностей низшего порядка (биологических и относящихся к безопасности). Качество жизни определяется в терминах уровня иерархий потребностей большинства членов данного общества. Чем выше потребности большинства его членов, тем выше качество его жизни. Общественные институты предназначены для удовлетворения человеческих потребностей и, соответственно, относятся к качеству жизни общества. Самореализация, согласно А. Маслоу, является состоянием наиболее полного раскрытия индивидом своего личностного потенциала. Это состояние может быть достигнуто только после удовлетворения потребностей низшего порядка – биологических потребностей и потребностей в обеспечении безопасности.

2. *Персоналистически-утилитаристские теории*. Концентрируются на ощущениях счастья, удовольствиях и исполнении желаний. Многие этот подход называют «велферизмом» или даже гедонизмом. Он часто критикуется исследователями из «третьего мира», не без основания ссылающимися на собственный опыт, когда люди часто умудряются приспособляться к нечеловеческим условиям¹.

3. *Теории изобилия*. Концентрируются на произведенных товарах, реальных доходах и др. Так, многие экономисты стремятся оценить качество жизни в терминах уровня жизни. Большие усилия проделаны для разработки методов оценки получаемого дохода. Но по-

¹ См.: *Amartya S. Capability and Well-being // The Quality of Life / M. C. Nussbaum, A. Sen 9 (eds.). N. Y., 1993. P. 30–35.*

добный подход справедливо подвергается критике как неспособный объяснить изменения в стилях жизни. Скажем, хиппи могут считаться счастливыми, жизнерадостными людьми, не испытывающими желания обзаводиться собственностью. Они могут быть гораздо счастливее людей, обремененных трудовой этикой и накопивших большие богатства.

4. *Теория базовых потребностей.* Согласно Э. Аллардту, качество жизни достигается за счет удовлетворения трех систем базовых потребностей: «иметь», «любить» и «быть»¹. «Потребительские» потребности определяются как относящиеся к материальным условиям, необходимым для выживания и избегания нищеты. Сюда входят экономические ресурсы (минимальный доход на душу населения), условия проживания, занятость, условия труда, здоровье, образование. «Любовь» относится к потребностям общаться с другими людьми и образовывать социальные идентичности. Сюда относятся контакты в локальном сообществе, дружеские отношения, социализация в группах и организациях и отношения с коллегами. Потребности в «бытии» – т. е. интеграции в обществе и гармонии с природой, политической активности, досуге и т. д.

Неоднозначны также и подходы к понятию социальной неоднородности. Ранее только бедные рассматривались как «опасный класс», за которым надо присматривать, чтобы он не мешал «остальному обществу». Сегодня все более активно используется термин «социальная эксклюзия», который постепенно сложился в ходе исследований маргинализации и депривации. «Мы переживаем переход от вертикального общества, которое принято называть классовым, к горизонтальному, где наиболее важно понимать не то, внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии»².

Изменение в понятиях произошло не только на академическом, но и на политическом уровне. Начиная с конца 1980-х гг. изменение было официально инициировано Комиссией ЕС и санкционировано Европейским Парламентом, что сразу нашло отражение в целом ряде специализированных программ по борьбе с социальной эксклюзией в Европе. По выражению координатора одной из них Г. Рума, «инди-

¹ См.: *Allardt E. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research // The Quality of Life / M. C. Nussbaum and A. Sen (eds.). N. Y., 1993. P. 94–99.*

² *Touraine A. Face a l'exclusion // Esprit. 1991. № 141. P. 12.*

видуумы страдают от социальной эксклюзии, когда находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных, финансовых ресурсов и т. д.; их шансы получить доступ к основным социальным институтам, распределяющим эти жизненные шансы, существенно ниже, чем у остального населения; подобные ограничения длятся во времени»¹.

Дж. Фридманн предложил «Декалог гражданских прав», которые должны обеспечиваться обществом: профессиональная помощь при рождении; безопасное и здоровое жизненное пространство; адекватное питание; доступная медицинская помощь; качественное практическое образование; политическое участие; экономически продуктивная жизнь; защита от безработицы; достойная старость и приличные похороны². Но с начала 1990-х гг. политическое сообщество в рамках ЕС считает концепцию социальной эксклюзии более адекватной для борьбы с социальной несправедливостью, чем различение бедности и богатства.

Несмотря на достаточно широкий спектр частных показателей уровня жизни населения, вопрос об интегральном показателе уровня жизни остается открытым. Отсутствие общепризнанного интегрального показателя не позволяет дать обобщенную оценку состояния страны (региона) с точки зрения уровня жизни населения, что, таким образом, делает невозможным комплексное исследование социально-экономического развития страны (региона). Представление о том, что производство все большего количества товаров и услуг является наилучшим путем повышения уровня жизни и решения других социально-экономических задач, является односторонним: уровень жизни может быть относительно низким при высоких показателях экономического роста.

Частичным показателем качества жизни, получившим к настоящему времени распространение и признание, является индекс человеческого развития (ИЧР, англ. *human development indicator* – HDI) или, в другом переводе, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – расчетный статистический показатель, в котором учитываются не только объемы потребления материальных благ, но и возможности для развития человека, обеспечиваемые системами здравоохра-

¹ Observatory on National Policies to Combat Social Exclusion. 1989. 29 Sept.

² См.: *Friedmann J. Rethinking poverty: Empowerment and Citizen Right // Intern. Social Science J. 1996. № 148.*

нения и образования¹, применяемый ООН с 1990 г. в докладах о развитии человека: ИРЧП – многофакторный индекс, включающий в себя оценку по основным показателям, таким как средняя продолжительность жизни, состояние здоровья, уровень образованности и благосостояния, уровень доходов. Комиссия развития ООН в ежегодных докладах о развитии человека рассчитывает его для всех стран мира.

Однако каждый из предложенных показателей применительно к различным ситуациям страдает неполнотой, субъективностью и не может претендовать на универсальность. В данной концепции идеологи ООН делают попытку рассмотреть качественное состояние жизненного пространства людей через оценку их возможностей вести жизнь, которую они сами для себя считают достойной (как политический инструмент для придания законности крайне двусмысленным действиям части господствующих сил на национальном и глобальном уровне). ИРЧП не является всеобъемлющим мерилем развития человека или страны. В частности, в него не входят такие важные индикаторы, как соблюдение прав человека, демократических свобод и социального равенства. Он является «увеличительным стеклом», позволяющим увидеть прогресс развития человека и многообразную взаимосвязь между доходом и благосостоянием. Что касается методов оценки качества жизни населения, то, исходя из сложности исследуемого объекта, большого числа анализируемых показателей, их типовой неоднородности, можно утверждать, что здесь необходим не один метод, а целый комплекс методов исследования: статистических, социологических, экономико-математических, причем каждая из трех основных структурных составляющих качества жизни населения нуждается в своем наборе методов.

Принципы построения ИРЧП по концепции ООН:

- 1) Развитие человеческого потенциала – процесс расширения выбора, идущий от достигнутого благополучия.
- 2) Благосостояние людей оценивается по их возможности вести жизнь, которую они считают для себя достойной.
- 3) Человеческое развитие зависит от трех главных потребностей:
 - прожить полную и здоровую жизнь;
 - удовлетворить потребности в знаниях;
 - иметь доступ к ресурсам.

¹ См.: Макаревич Л. М. 200 правил бизнеса. М.: Дело и Сервис, 2003. С. 10.

4) Доход есть средство, предоставляющее человеку свободу выбора.

5) Для обеспечения достойной жизни не нужен бесконечно высокий доход.

Международная статистика уровня (качества) жизни ООН, разработанная двадцать лет назад, включает 12 основных групп показателей¹:

1. Рождаемость, смертность и другие демографические характеристики населения.

2. Санитарно-гигиенические условия жизни.

3. Потребление продовольственных товаров.

4. Жилищные условия

5. Образование и культура.

6. Условия труда и занятость.

7. Доходы и расходы населения.

8. Стоимость жизни и потребительские цены.

9. Транспортные средства.

10. Организация отдыха.

11. Социальное обеспечение.

12. Свобода человека.

В России в 1992 г. в Центре экономической конъюнктуры и прогнозирования при Министерстве экономики РФ была разработана система оценки уровня жизни, состоящая из семи разделов, которые включают 39 показателей². Наиболее важны 12 из них, входящие в подраздел «Уровень жизни» раздела «Социальная сфера, жизненный уровень населения» (введены Госкомстатом России с 1993 г.)³:

1. Средняя оплата труда работников.

2. Покупательная способность населения со средними заработной платой и пенсией.

3. Минимальный потребительский бюджет по основным социально-демографическим группам населения.

¹ Справочник по социальным показателям: методол. исслед. Сер. F / ООН. Нью-Йорк, 1989. № 49. С. 10.

² Там же. С. 11–15.

³ Курс социально-экономической статистики / под ред. М. Г. Назарова. М.: Финстатинформ, 2000. С. 8.

4. Прожиточный минимум по основным социально-демографическим группам населения.

5. Численность и доля населения, имеющего среднедушевые доходы ниже минимального потребительского бюджета и прожиточного (физиологического) минимума.

6. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах с различным уровнем среднедушевого дохода.

7. Денежные доходы и расходы определенных социально-демографических групп населения.

8. Показатели дифференциации населения.

9. Соотношение среднедушевых доходов населения (10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения).

10. Индекс концентрации доходов населения (коэффициент Джини).

11. Структура потребительских расходов социально-демографических групп населения.

12. Распределение населения по размеру среднедушевого дохода.

Индекс качества жизни, разработанный компанией Economist Intelligence Unit, включает в себя такие показатели, как здоровье, семейная жизнь (уровень разводов), общественная жизнь, материальное благополучие (ВВП на душу населения и паритет покупательной способности), политическая стабильность и безопасность, климат и география, гарантия свободы, политическая свобода, гендерное равенство. Данный индекс был рассчитан в 2005 г., и Россия заняла по нему 105-е место (из 111).

Внутри России данный индекс рассчитывается исходя из таких показателей, как размер индивидуальных доходов населения, миграционная привлекательность региона, выживаемость детей в возрасте до года, уровень безопасности жизни, развитость рынков услуг, доступность рабочих мест.

Рассмотрим динамику развития данного индекса на примере субъектов Российской Федерации, в том числе относящихся к Уральскому региону (табл. 3)¹.

Данная таблица, казалось бы, показывает устойчивую динамику роста качества жизни, но по некоторым показателям возникают во-

¹ Индекс качества жизни в регионах России. URL: http://inreginfo.ru/rating/first_half.php.

просы. Например, размер индивидуальных доходов населения: как рост зарплаты сочетается с ростом инфляции и цен? Или доступность услуг: например, получить высшее образование или медицинскую помощь (на государственной или коммерческой основе) можно почти в любом городе, но вот их качество...

Таблица 3

Субъект Федерации	Качество жизни в 1-м полугодии						Рейтинг качества жизни в 1-м полугодии					
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Санкт-Петербург	65,90	67,32	69,12	68,52	72,70	73,32	2	2	2	2	2	1
Москва	77,10	77,24	78,62	77,92	78,34	73,24	1	1	1	1	1	2
Тюменская область	58,04	61,32	65,32	65,05	66,11	65,08	5	4	4	3	3	7
Свердловская область	52,63	55,99	59,45	59,69	60,48	61,40	25	21	11	12	15	13
Республика Башкортостан	53,27	56,19	58,95	60,66	60,71	58,64	22	19	16	11	14	26
Челябинская область	52,66	54,37	57,43	56,98	56,85	55,82	24	28	23	24	35	44
Оренбургская область	47,79	51,10	52,74	55,03	56,05	55,40	56	54	59	38	41	50
Пермский край	44,44	46,75	49,78	51,30	52,68	54,35	71	71	68	67	68	64
Удмуртская Республика	43,50	46,11	49,26	51,47	53,56	54,11	73	73	70	66	64	66
Курганская область	41,44	43,32	47,44	49,79	50,56	46,75	77	77	77	71	74	79

Индекс развития человеческого потенциала – также интегральный показатель, который рассчитывается из показателей дохода, образования и долголетия. Россия в 2011 г. находилась на 66-м месте из 169¹. В 1990 г. СССР входил в группу развитых стран, занимая 23-е место. Любопытно, что выше всех из соцстран находилась ГДР – 19-е место, а США были на 17-м месте. С тех пор позиции России относительно других стран (относительный показатель) только ухудшались: 56-е место в 2000 г. и 65-е мес-

¹ См.: Индекс развития человеческого потенциала. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

то в 2010 г. А вот абсолютный показатель увеличивался: начиная с 2005 г., он превышает уровень 1990 г. Применительно к субъектам РФ, относящимся к Уральскому региону, можно привести следующие данные, указывающие на динамику его абсолютного роста (табл. 4)¹.

Таблица 4

Субъект РФ	Показатель							
	Душевой ВРП*, ППС**, долл. США	Индекс дохода	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Доля учащихся 6–23 лет, %	Индекс образования	ИРЧП	Место по РФ
Москва	17279	0,860	67,8	0,714	106,8	1,019	0,864	1-е
Тюменская область	25178	0,923	66,6	0,694	72,0	0,903	0,840	2-е
Республика Башкортостан	7664	0,724	66,8	0,696	76,8	0,919	0,780	4-е
Оренбургская область	6953	0,708	65,1	0,668	75,3	0,914	0,763	13-е
Удмуртская Республика	6010	0,684	66,0	0,683	74,9	0,913	0,760	15-е
Пермская область	7566	0,722	63,7	0,646	72,5	0,905	0,758	17-е
Челябинская область	6331	0,692	64,8	0,663	75,0	0,913	0,756	20-е
Свердловская область	5675	0,674	63,9	0,649	73,4	0,908	0,744	35-е
Курганская область	3359	0,587	64,8	0,664	69,8	0,896	0,715	70-е
<i>В целом по Российской Федерации</i>	<i>6747</i>	<i>0,703</i>	<i>65,3</i>	<i>0,671</i>	<i>75,0</i>	<i>0,913</i>	<i>0,763</i>	–

* ВРП – валовый региональный продукт;

** ППС – паритет покупательной способности.

¹ Индекс развития человеческого потенциала субъектов Российской Федерации в 2000 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/181582.html>.

Через 10 лет, в 2010 г., показатели выглядели следующим образом (табл. 5)¹.

Таблица 5

Регион	Показатель							
	Душевой ВРП, ППС, долл. США	Индекс дохода	Ожидаемая продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долголетия	Доля учащихся 7–24 лет, %	Индекс образования	ИРЧП	Место по РФ
Москва	37 987	0,991	72,84	0,797	100,0	0,999	0,929	1-е
Тюменская об- ласть	49 433	1,000	68,89	0,732	72,5	0,903	0,878	2-е
Свердловская область	14 446	0,830	67,75	0,713	74,2	0,909	0,817	9-е
Челябинская область	14 011	0,825	67,23	0,704	77,5	0,919	0,816	13-е
Республика Башкортостан	14 473	0,830	68,00	0,717	72,0	0,899	0,815	14-е
Оренбургская область	15 922	0,846	66,76	0,696	71,5	0,898	0,813	18-е
Удмуртская Республика	12 591	0,807	67,19	0,703	73,4	0,905	0,805	25-е
Пермский край	14 509	0,831	65,73	0,679	71,0	0,896	0,802	26-е
Курганская об- ласть	8 416	0,740	66,67	0,695	71,5	0,894	0,776	59-е
<i>В целом по Российской Федерации</i>	<i>16 092</i>	<i>0,848</i>	<i>67,88</i>	<i>0,715</i>	<i>75,0</i>	<i>0,913</i>	<i>0,825</i>	–

Исходя из приведенных выше данных, можно сделать вывод: абсолютные показатели ИРЧП растут, но более медленными темпами, чем в большинстве стран, и отставание России прогрессирует. К сожалению, на практике пока мы наблюдаем реализацию прогноза, данного экспер-

¹ Индекс развития человеческого потенциала субъектов Российской Федерации в 2010 г. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2010/10/29/2715e>.

тами спецслужб США в 2002 г.: «Скорее всего, Россия останется внутренне слабой... Помимо разрушающейся инфраструктуры, тяжелый урон наносит населению длительное пренебрежение вопросами окружающей среды... Население России не только сокращается, но и становится все менее и менее здоровым, а значит, теряет способность служить движущей силой экономического возрождения»¹.

Следует также отметить следующие особенности Уральского региона (который представляет собой образец для моделирования общероссийских проблем): значительная социальная поляризация общества; сильный разрыв в уровне жизни между различными субъектами РФ (в Тюменской области ВРП, ППС в 2010 г. – 49 433 долл. США, в Курганской области – 8 416 долл. США); кризис самосознания россиян, выражающийся в том, что, по мнению большинства населения, бедных сейчас стало больше, чем было в СССР; восприятие линии общественного развития не как прогресса, а как движения на месте или регресса.

На Урале и в Свердловской области это осложняется тем, что значительная часть процветающих во времена СССР индустриальных предприятий, в том числе и градообразующих, сейчас резко снизила количество выпускаемой продукции и число рабочих мест. Концентрация промышленного производства на Урале выше общероссийского показателя (в Свердловской области – в 4 раза), и падение доли индустриального сектора в экономике, связанное как с экономическими кризисами, так и с переходом к «постиндустриальной» экономике, приводит к достаточно болезненным структурным кризисам.

Высокие цены на услуги ЖКХ, напряженная экологическая обстановка и суровый климат, повышенная энергозатратность всей экономики, непростое демографическое положение (сокращение количества трудоспособного и рост нетрудоспособного населения), агрессивная информационная среда, отчуждение власти от общества (немногие имеющиеся институты гражданского общества часто представляют собой фикцию) дополняют картину. Все это создает своеобразную концентрацию проблем, с которыми Российская Федерация столкнется в ближайшем будущем.

¹ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 г.: материалы Нац. разведыват. Совета США. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 91.

Анализ критериев качества жизни, действующих в России и за рубежом, показывает, что качество жизни характеризуется и дополняется также показателями, которые определяют не только уровень, но и условия жизни:

1. Макроэкономические показатели: объем ВВП на душу населения, фактическое потребление домашних хозяйств, уровень реальной заработной платы и доходов населения, индекс потребительских цен, уровень безработицы и бедности и др.

2. Жилье, социальная инфраструктура: обеспеченность населения жильем, стоимость жилья и услуг ЖКХ, доступность детских садов, школ, больниц и т. д.

3. Состояние здоровья населения: рождаемость и смертность, средняя продолжительность жизни, заболеваемость и т. д.

4. Состояние окружающей среды: экологическая обстановка и уровень загрязнения, особенности природно-климатических условий, частота и специфика стихийных бедствий и др.

5. Социальная безопасность: физическая и имущественная безопасность; уровень преступности, наркомании, алкоголизма и других деструктивных социальных факторов; социальное обеспечение и социальная защита; степень различия в доходах граждан (обычно подсчитывают соотношение 10 % самых богатых к 10 % самых бедных – децильный коэффициент; оптимальным считается соотношение от 5 до 8) и т. д.

Государственная работа по определению и реализации заданного качества жизни ведется через законодательное введение стандартов (индексов) качества жизни, которые обычно включают три блока комплексных индикаторов. Первый блок индикаторов качества жизни характеризует здоровье населения и демографическое благополучие, которые оцениваются по уровням рождаемости, продолжительности жизни, естественного воспроизводства. Второй блок отражает удовлетворенность населения индивидуальными условиями жизни (достаток, жилище, питание, работа и др.), а также социальную удовлетворенность положением дел в государстве (справедливость власти, доступность образования и здравоохранения, безопасность существования, экологическое благополучие). Для их оценки используются социологические опросы представительных выборок из населения. Объективным индикатором крайней неудовлетворенности служит уровень самоубийств. Третий блок индикаторов позволяет оценить ду-

ховное состояние общества по характеру, спектру и числу творческих инициатив, инновационных проектов, а также по частоте нарушений общечеловеческих нравственных заповедей «не убий», «не укради», «почитай отца и мать своих», «не сотвори себе кумира» и др. Для измерения используются данные официальной статистики о социальных аномалиях (к ним относятся убийства, грабежи, тяжкие телесные повреждения, брошенные пожилые родители и дети, алкогольные психозы).

Включаемые в блоки индикаторы отвечают следующим требованиям:

- отражают наиболее важные социальные параметры, имеющие интегральное значение для общества и отражающие его собственное ощущение себя благополучным или неблагополучным;
- однозначно воспринимаются любым гражданином на всей территории государства;
- обладают достаточной чувствительностью и способностью быстро реагировать на факторы, изменяющие условия жизнедеятельности;
- имеют доступные для стандартного измерения количественные характеристики, обеспечивающие возможность сравнительной оценки и слежения за динамикой.

В современной идеологизации идеи права на достойное человеческое существование есть также еще ряд аспектов как нравственно-психологического, так и социально-экономического характера.

Во-первых, существует еще одно направление оценки жизненного пространства, которое дискутируется во всем мире все с большей активностью. Это тема достойной смерти, т. е. эвтаназии. На современном этапе право на достойную смерть реализовано и узаконено инструкцией от 14 апреля 1994 г., принятой Голландским парламентом. Его примеру последовали некоторые другие законодательные органы различных стран: Соединенных Штатов Америки (в частности, штата Орегон в 1994 г.), Северной провинции Австралии (25 мая 1995 г.).

Нидерланды – страна, претендующая на звание страны благоденствия, где уровень жизни считается очень высоким и право на достойное человеческое существование реально воплощено в жизнь. Однако в Голландии, согласно официальному докладу нидерландского правительства, имели место 1000 случаев недобровольной эвтаназии по сравнению с 2700 добровольной¹. Хотя и считается, что больные

¹ См.: Яровинский М. Я. Хорошая смерть // Мед. помощь. 1996. № 9. С. 35.

в Голландии сами принимают решения, их к этому иногда подталкивают врачи. «Если медики считают, что состояние пациента оставляет желать лучшего, – говорит К. П. Хаснот, терапевт из Барна, – они задаются вопросом: а стоит ли усугублять страдания?» В 1995 г. в Голландии 3600 человек умерли в результате самоубийства с помощью врача. Однако эта цифра включает только те случаи, когда пациент сам попросил о смерти. По данным исследования, жизнью 900 больных распорядились без их ведома, и около 1900 летальных исходов произошло, когда врачи увеличивали дозы обезболивающих препаратов с явным намерением ускорить наступление смерти. «В связи с тем, что эвтаназия легализована, прокуроры зачастую не хотят предъявлять обвинение», – говорит голландский криминалист К. Рютенфранс. С 1981 г. перед судом предстали только 20 врачей. Девять были осуждены, из них только шестеро получили условные сроки, а трое вообще не понесли никакого наказания»¹.

Одним из аргументов нецелесообразности оказания помощи в отсрочке смерти является утверждение, что цена медицинских услуг в последнюю неделю жизни больного весьма высока: 80 % больных умирает в больнице, и на их обслуживание в последний год жизни уходит 22 % медицинского бюджета². При этом не исключено, что медицинские работники преследуют чисто научные цели: добыть больше данных о процессе умирания, о воздействии лекарств и т. д. Экономические неурядицы не позволяют финансировать нормальное, на уровне мировых стандартов, оснащение лечебных учреждений для граждан с небольшими доходами. Таким образом, напрашивается вывод, что государству выгоднее умертвить гражданина, чем создать ему хорошие условия во время тяжелой болезни. Это уход от ответственности государства в реализации права на достойное человеческое существование. Может, поэтому комитет по социальной политике РФ поднял вопрос о введении закона об эвтаназии в России.

Опыт Голландии в решении социальных проблем показателен. Если наивысшим идеалом является благосостояние, если единственный смысл жизни – хорошее здоровье, красота, сила, легкое будущее, тогда, действительно, жизнь полна трудностей, а без надежды на вы-

¹ См.: Эвтаназия. URL: http://www.umma.ru/fetva/lethal_injection/printable/.

² См.: *Crispel K. R., Comez C. F.* Propercure for the Dying: A critical public issues // *J. med. Ethics.* 1987. Vol. 13, № 2. P. 74–80.

здоровление оказывается «пустой» и не стоит того, чтобы ее прожить до конца. Значит, «правильной» жизнью живет лишь тот, кто молод, здоров, красив, счастлив, умен и нужен обществу. Потому существует и жизнь, «не имеющая никакой ценности», и логичным становится уничтожение инвалидов, тяжело и неизлечимо больных. Такой была точка зрения Платона, нацистов, и такова политика руководителей тоталитарных режимов, где государство имеет право принимать решение о ликвидации «ненужных ртов»¹.

В истории уже был отрицательный опыт эвтаназии. Достойная смерть рассматривалась как привилегия для неизлечимо больных арийцев, желающих без страданий уйти из жизни. Но в октябре 1939 г. А. Гитлер подписал секретный указ, согласно которому эвтаназии следовало подвергнуть все формы жизни, которые недостойны жизни: деформированных младенцев, сумасшедших, сенильных стариков, неизлечимых сифилитиков и т. д. Специальная врачебная «тройка» решала вопрос в каждом конкретном случае. Государство создало шесть эвтаназийных центров, где в течение двух лет было уничтожено, по одним источникам, 100 000 человек, по другим – 275 000. Применялись инъекции и прекращение кормления, а также новое, многообещающее изобретение – бани, где вместо воды из душа шел отравляющий газ. Родственникам умерщвленных сообщали, что смерть произошла в результате естественных причин. В 1941 г. епископ Клеменс фон Гален произнес в Мюнстере знаменитую проповедь, в которой назвал нацистскую эвтаназийную программу «чистейшим убийством» и призвал католиков «освободиться от нацистского влияния, дабы не оскверниться их образом мыслей и безбожным поведением». Фюрер не тронул мужественного епископа и программу закрыл – в это время уже существовал проект лагерей смерти, поэтому потребность в «эвтаназийных центрах» все равно отпала². Нюрнбергский военный трибунал осудил активную эвтаназию как преступление против человечества.

Сторонники эвтаназии заявляют, что если жизнь не будет истинно человеческой (жизнью в общении), то лучше умереть по-чело-

¹ См.: *Судр Ж.* Эвтаназия. URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/religion/catholic/aborto2.htm.

² *Чхартишвили Г. Ш.* Писатель и самоубийство. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 19.

вечески (т. е. достойно, при помощи эвтаназии). Таким способом оправдывается активная эвтаназия. Но что мы понимаем под выражением «нечеловеческая жизнь»? Здесь в общих чертах подразумевается «чисто растительное существование», но и это понятие очень широко и обычно игнорирует возможности выхода из этого состояния. Эвтаназия в любом случае – убийство, что является внутренним противоречием для законодателя, чьим основным принципом является защита жизни. Акцент все-таки ставится на жизнь: это жизнь нужно защищать, а не смерть. Если кто-то может считать просьбу помочь покончить с жизнью морально оправданной (крик о помощи того, кто молит положить конец его страданиям), то легальным это может признать лишь закон, отрицающий сам себя. Нельзя определить отдельные исключения из правила об охране жизни, если разрушается само основание этого правила. Право на достойную смерть включает также право на лечение при помощи гуманных методов: они должны быть направлены на то, чтобы облегчить страдания и уныние, помочь умереть спокойно, без ненужной и бесконечной борьбы. Отсюда вытекает, что право на достойную смерть – это часть права на достойное человеческое существование как поддержка умирающего больного и помощь ему, сопровождение его в эти последние моменты жизни, а не умерщвление, и эта социальная функция возлагается на государство.

Во-вторых, огромную роль в динамике качества жизни играет право на образование и качество последнего, а также, соответственно, полученная квалификация специалиста и доступ к высоким технологиям. Так, по концепции Т. Фридмана, мировая экономика вступила в третью стадию глобализации¹. Уникальность современной ситуации состоит в том, что индивидуумы и небольшие группы людей впервые за всю историю человечества получили возможность сотрудничать и конкурировать на мировом рынке в качестве полноценных и полноправных производителей и потребителей товаров и услуг. Сначала глобализация была уделом государств, позже – корпораций, а в наше время в нее все активней включаются отдельные люди и мини-коллективы. Эти партнеры-конкуренты могут вступать в экономическое соревнование во всех странах и на всех континентах, создавая новые

¹ См.: *Friedman T. L. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. Washington ProFile, 2005. P. 45–46.*

корпорации или модифицируя работу уже существующих. Их шансы на успех определяются не гражданством и местом жительства, а образованием, способностями, упорством, изобретательностью и доступом к мировой коммуникационной системе. «С тех пор, как информационная революция сделала знания доступными любому абоненту Интернета, изменились не только правила игры на поле всемирной экономики, но другой стала сама наша планета. Земля опять оказалась плоской, ибо все теперь в равном положении»¹.

Б. Гейтс так рассматривает данную ситуацию: «Есть три фактора, которые определяют твою конкурентоспособность – это твои знания, это доступ к технологиям, которая связывает тебя с теми, кто обладает похожими знаниями или иными знаниями, и третье – это среда, которая мотивирует тебя на развитие»².

Как высокие технологии приведут к равенству возможностей и приведут ли? Кто будет востребован, узкий специалист-практик или широко образованный теоретик? На эти вопросы пока нет ответа. Но главным богатством любой страны в XXI в. остается интеллектуальный потенциал: 70 % ВВП в развитых странах создается за счет интеллектуальных ресурсов, в России же – 5–10 %³. Происходит интеллектуализация производительных сил, творчество становится главной функцией управления. Появляется креативный инновационный менеджмент как форма управления фирмами, ориентированная на раскрытие творчества, создание инновационного потенциала, разработку стратегий «поведение на рынке» с целевыми установками на «технологические прорывы». Моритани Масанори определяет три фактора успехов японских фирм – исследования, инновации и инвестиции: три «и», в которых выражается содержание интеллектуально-инновационной революции.

В крупных экономических структурах – корпорациях, компаниях – появляются внутренние системы образования. Постоянное повышение квалификации персонала компаний становится образом их жизни. Например, работники IBM в среднем затрачивают на образование 5 % рабочего времени, специалисты этой же фирмы по сбыту

¹ Friedman T. L. Op. cit.

² Времена. URL: http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=96078&p_news_razdel_id=102&p_pagenum=14.

³ Там же.

на местах – один месяц в год. Внутренняя система образования обошлась IBM в 600 млн долл. в год. На современной стадии глобализации все более обостряется такой вид конкуренции между государствами мира, как конкуренция по качеству интеллектуальных ресурсов и качеству систем образования.

Представленный общий обзор показывает пестроту подходов и методик измерения качества жизни и сомнительность возможности удовлетворительных синтетических программ, способных представить общую теоретическую и эмпирическую картины на основе этого понятия. Заметим, что почти во всех концепциях качества жизни наблюдается отсутствие критериев, связанных с достоинством человека.

В то же время способы индикации качества жизни совершенствуются, они необходимы, имеют важное инструментальное значение в управлении. Знаменательно включение в показатели субъективных оценок, связанных с представлениями людей о достойной жизни, а также признание значительного веса среди показателей образования и творчества, раскрывающих специфически человеческий потенциал. Но вряд ли инструментальному значению концепции качества жизни нужно приписывать еще и мировоззренческое: индикаторы качества жизни предполагают мировоззрение как методологию, а не задают его.

Подводя итоги параграфа, качество жизни можно трактовать как интегральную категорию, характеризующую уровень и степень благосостояния, свободы, социального и духовного развития человека, а также его физическое здоровье. В числе его составляющих можно выделить следующие основные компоненты (выделение это в значительной мере условное, ибо между ними прослеживаются определенные взаимосвязи): уровень здоровья и продолжительность жизни населения, уровень жизни населения, образ жизни населения¹.

Качество жизни, бесспорно, связано с правом на достойную жизнь. Из юридической плоскости оно переводит рассматриваемую идею этого права в плоскость преимущественно экономической статистики. В замене проблематики права на достойное человеческое существование проблематикой качества жизни отражается стремление к деидеологизации права на достойную жизнь, на достойное человеческое существование.

¹ См.: Когут А. Е., Рохчин В. Е. Региональный мониторинг: качество жизни населения. СПб.: ИСПЭ, 1994. С. 13.

Такое направление мысли выглядит вполне респектабельным как на фоне широко известного разоблачительного значения деидеологизации основ тоталитарных режимов XX в., так и на фоне сформировавшейся в XIX–XX вв. академической традиции демифологизации, прежде всего религиозных основ европейской культуры. Однако политически слабым интенциям интеллектуалов к деидеологизации противостоят более мощные процессы, описанию которых посвящен следующий параграф.

2.3. Идеологизация права на достойное человеческое существование в современном мире

Со времен появления легендарной статьи Ф. Фукуямы «Конец истории?» (1989) в общественно-политической мысли все большую силу набирает критика основополагающих идей западной либеральной демократии, все громче высказываются сомнения относительно ее оценки как единственной прогрессивной модели общественного развития. Популярность к концу XX в. приобрела мультикультуралистская точка зрения, признающая равноценность нескольких основных моделей развития цивилизации (различных у разных авторов), каждая из которых задает свой тип общества, государства, гражданского сознания, представлений о человеческом достоинстве. «Для примера различий точек зрения скажем, что в Азии, говоря о конституционной демократии, предпочитают подчеркивать приоритет социального порядка над индивидуальными правами»¹.

Ответом на рост мультикультуралистских настроений стала активизация антимльтикультурализма. В последние годы на самом высоком государственном уровне ряда стран Европы заговорили о кризисе мультикультурализма. На наш взгляд, речь идет скорее о поиске баланса и обеспечения сохранения историко-культурной и этнической специфики европейских народов.

На политическую историю XX столетия, несмотря на значительное множество философских концепций и сто пятьдесят лет существования принципов свободы и равенства, зафиксированных в правовых документах, особо повлияли два философских направления XIX в.: во-первых, марксизм, во-вторых, ряд учений ницшеанского толка, ревизовавших

¹ *Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. 106. Spring 1997. P. 16.*

ценности традиционного гуманизма. Оба эти направления мысли, базирующиеся на мировоззрениях, во многом противоположных друг другу, представляли весьма сходный философский инструментарий для создания авторитарных политических режимов, ограничивающих свободу личности (в либеральном понимании) и в то же время предоставлявших социальные гарантии гражданам своих государств. Эти режимы попытались создать духовную основу незападной, альтернативной цивилизационной и политической модели государства. Ими были достигнуты бесспорные успехи во внешней, формальной модернизации общества (индустриализация, урбанизация, массовое образование и др.).

В Третьем рейхе господствовал «расовый миф» о превосходстве титульной нации, или «арийской расы», над «недочеловеками». Восстановление статуса великой державы после поражения в Первой мировой войне быстро переросло в тотальную экспансионистскую войну за господство над всей Евразией, а идеология патриотизма и возрождения национальной гордости после унижительного Версальского мира достаточно быстро перешла в идеологию крайнего национализма и имперской колониальной экспансии. Все это происходило, когда миф эпохи колониальных захватов о расовом превосходстве и «цивилизаторской миссии белого человека» стал уже историческим анахронизмом, да и экспансия происходила против народов Европы и СССР. Эти нации с XVII в. – Смутного времени и Вестфальского мира – осознали свою историческую идентичность, а в СССР, жителей которого идеологи Гитлера записали в «недочеловеки», возникло общество, способное конкурировать в индустриальной и имперской гонке с Западом.

Стремление исключить повторение жестокостей Второй мировой войны, исчерпание мифа «превосходства арийской расы» и физическое уничтожение миллионов людей, принадлежащих к провозглашенным Гитлером «неполноценными» народам во многом содействовали послевоенному декларативному закреплению гуманистических ценностей (например, в Декларации ООН о правах человека), а также появлению международных и национальных институтов, призванных следить за их соблюдением.

Ужас массовых кровопролитий XX в. возродил к жизни почти забытую в первой его половине идею естественного закона и естественных прав. Моральный императив суда над германскими нацистами с их проектами физического уничтожения целых наций и их осуж-

дение привели в Европе к повсеместному возрождению доктрины естественного права. К ней вернулись философы самых разных направлений, от марксиста Э. Блоха до либерала Г. Райля¹. Среди этих мыслителей были и те, кто главный акцент ставил на праве на достойное человеческое существование.

В марксизме же изначально провозглашался интернационализм и единство всех трудящихся вне зависимости от национальной принадлежности. Но, наряду с этим, были заложены основания для крайней социальной нетерпимости к так называемым эксплуататорским классам, которая с чудовищным размахом проявила себя в эпоху массового террора в России.

Тоталитаризм был важным, но исторически преходящим этапом развития индустриальной цивилизации в большинстве государств. Проблема перехода от тоталитарной политической модели к демократической (или псевдодемократической, как в России и странах СНГ) в литературе чаще всего обсуждается в связи с так называемыми процессами денацификации (Германия после 1945 г.) и десоветизации (страны СНГ в начале 1990-х гг.). Данные процессы показали остроту еще одной важной проблемы XX в. – сохранения национального достоинства и позитивной национальной идентичности как важных элементов идеи достойного человеческого существования. Например, побежденной Германии в 1919 г. навязали историческую ответственность за развязывание Первой мировой войны, к которой, в общем-то, готовилась вся Европа. На унижение национального достоинства немцы ответили бунтом «арийского духа» и ударами танковых клиньев.

В 1990-е миф «ответственности за преступления коммунизма перед человечеством» был навязан с высоких трибун (сам Президент Б. Н. Ельцин часто говорил об этом) населению Российской Федерации. Население же ответило разгулом преступности и бандитизма, небывалым распространением алкоголизма и наркомании, крахом традиционной морали и массовым вымиранием – сокращением почти по 1 млн человек в год.

Представления о национальном достоинстве, самоуважении, исторической успешности или неуспешности своего государства и народа являются важным элементом в осознании чувства собственного достоинства отдельной личностью.

¹ См.: Хеллер А. Указ. соч.

Тоталитарные режимы XX в. опирались не только на философские построения интеллектуалов, они реанимировали старые мифологемы, противопоставляющие «своих» (по классу, по крови) и «чужих», консолидируя массы «своих» против «чужих» вокруг «непогрешимого» и «всемогущего» «вождя», как бы объединяя в своем настоящем («действительном», «подлинном») прошлое («изначальное») и будущее («конечное», «свершающееся», «совершенное»). Но, естественно, свои мифологемы, хотя и гораздо более мягкие по отношению к «чужим» и менее пафосные по отношению к «своим», есть и у либерально-демократических режимов, например, мессианская идея цивилизационного и культурного превосходства, лежащая в основе идеологии Запада и в особенности США и подталкивающая нести ценности «либеральной демократии» (естественно, там, где это выгодно американскому капиталу) в остальные регионы планеты. Идеологически все предельно просто – силы противника рисуются как реакционные, тоталитарные, враждебные прогрессу. От них страдает население страны – жертвы демократической экспансии, и долг армии агрессора – освободить его от неуютной местному страдающему народу политической элиты. Доходило до того, что перед вторжениями на Гаити публике показывали фильмы-ужасы о гаитянских колдунах – вуду, а перед вторжением в Ирак сжигали чучела Хусейна.

Сегодня продолжает обращать на себя внимание высказанное столетие назад суждение о силе мифологического мышления: «Едва ли не самой важной и вместе с тем самой тревожной особенностью современной политической жизни является возникновение новой силы – силы мифологического мышления»¹, а оно, в свою очередь, «отличается синкретизмом, восприятием картин, рожденных творческим воображением человека в качестве “неопровержимых фактов бытия”»². А. Ф. Лосев, конечно, понимал, что мифологическое мышление имело эту силу всегда, но он немало рисковал, говоря об этом даже вскользь, и таки попал в лагерь.

Идеи классового, национального превосходства обнаружили фантазийно-мифологическую составляющую. Некоторые политические аналитики решили, что именно такое саморазоблачение лишило их силы. Но и идея права на достойное человеческое существование оказыва-

¹ *Кассирер Э.* Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С. 153.

² *Лосев А. Ф.* Философия имени. М.: Мысль, 1927. С. 170.

ется несвободной от названной составляющей. Потому она и реализуется не столько практически, сколько в текстах правовых и политических документов, «на бумаге», которая, как известно, все стерпит. Эта идея являет собой инерционно сохраняющуюся древнюю мифологию, которая активно участвует в формировании и современного мировоззрения.

Стремление к достойной жизни уходит в глубины подсознания человека, задающие поведение архетипы и гомологические ряды культуры, определяющие остов эволюции общества. Архаические пласты присутствуют в сознании любого человека, любой общности и являются по большому числу примет практически идентичными у разных народов мира. «Подобные сознательные или бессознательные мировоззренческие установки существуют у каждого человека, определяются непосредственными условиями его наличного существования и полагают целостную системную аксиологическую ориентацию его отношения-к-миру»¹.

Эти установки во многом задаются архаичными мифологемами, иногда актуализируемыми именно сопротивлением их воплощению со стороны социальной реальности: «Мы, люди с высокими требованиями нашей культуры и находящиеся под давлением наших внутренних вытеснений, находим действительность вообще неудовлетворительной и потому ведем жизнь в мире фантазий, в котором мы стараемся сгладить недостатки реального мира, воображая себе исполнение наших желаний»². В другой работе З. Фрейд говорит: «Мы ведем себя подобно параноику, желая своими мечтаниями исправить ту или иную невыносимую сторону мира, привнося свои иллюзии в реальность. На особую значимость претендует тот случай, когда множество людей совместными усилиями пытаются обеспечить себе счастье и защиту от страданий путем иллюзорного преобразования действительности»³. Так, разочаровавшись в тоталитарных вариантах делания «сказки былью», массовое сознание обратилось к либеральным формам манифестации своих восходящих к архаике мечтаний.

¹ Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Обществознание как наука и как искусство // *Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации*: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. С. 104.

² Фрейд З. О психоанализе // *Сочинения*. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2007. С. 365.

³ Фрейд З. Недовольство культурой // *Либи́до*. М.: Республика, 1996. § II.

Мечтания же, живущие в фольклоре, нравоучительных притчах и афоризмах, совершенно индифферентны к своей внутренней противоречивости. В них за тысячелетия употребления припасены абсолютно противоположные сентенции на всякий случай жизни. Неудивительно, что идея права на достойное человеческое существование продолжает развиваться в различных вариантах. Так, в конце 1950-х гг. Р. Масгрейвом была выдвинута теория достойных благ (социально значимые блага, обладающие особыми достоинствами). Для доступа к общественным благам вмешательство государства необходимо из-за неспособности рынка самостоятельно его обеспечить. Достойные блага удовлетворяют потребности, которые общество считает нужным поддерживать и которые у индивидов могут не быть сформированы должным образом, в основном из-за неполной информированности и необразованности. Как следствие, индивиды выбирают меньший объем потребления этих благ, чем следовало бы. В качестве примеров можно привести бесплатное образование, школьные обеды и завтраки, посещение театров и концертных залов, субсидируемое жилье для малообеспеченных семей. Противоположный случай – недостойные блага, потребление которых общество считает нужным ограничивать. К ним относятся алкогольные напитки, табачные изделия, наркотики и т. п.

С другим толкованием естественно-правовой традиции, альтернативой утилитаризму, в 1971 г. выступил Дж. Ролз. Свой подход он сформулировал так: «Справедливость как честность». Используя эгалитаристские принципы, он формулирует концепцию распределяющей справедливости, постулатами которой становятся тезисы, «не подвергаемые сомнению»: каждый человек в равной степени обладает основными правами и свободами, а равенство есть обладание свободой и равное распределение благ.

Индивид в обществе может свободно пользоваться произведенными им благами лишь при условии, что будет одновременно отдавать компенсацию менее успешным членам данного общества. «Социальное и экономическое неравенство» в богатстве и власти можно признать справедливым, «если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека и, в частности, для менее преуспевающих членов общества»¹.

¹ *Игнатов О.* Анархия, государство и утопия. URL: http://www.russ.ru/kniga_nedeli/anarhiya_gosudarstvo_i_utopiya.

Благосостояние всего общества зависит от принятой в нем схемы сотрудничества. Перераспределение благ должно быть таким, чтобы наименее имущие индивиды хотели принимать участие в общественном сотрудничестве. Такое общество будет справедливым и жизнеспособным. В справедливом обществе получение немногими индивидами больших преимуществ оправдано лишь в том случае, если менее удачливые индивиды также смогут улучшать свое положение. Дж. Ролз представил обоснование государства всеобщего благосостояния, которое занимается широким перераспределением доходов с помощью прогрессивного налогообложения и масштабных бюрократических институтов. Если справедливость достигается за счет перераспределения, а единственным незаинтересованным арбитром, который может осуществлять перераспределение, оказывается государство, то, следовательно, оправдано существование государства с широкими функциями и полномочиями. Государство компенсирует расходы наименее имущим индивидам, перераспределяя богатства для обеспечения надлежащей общественной справедливости.

«Теория справедливости» отражала доминирование леволиберальных интеллектуалов в западной академической среде в 70-е гг. XX в., представив философское обоснование их политического кредо. Она возвела, как казалось, твердый философский фундамент под убеждение, что свобода и социальная справедливость полностью совместимы, что эгалитарное общество, основанное на перераспределительном налогообложении, этически и рационально оправданно, что достижение справедливости с необходимостью требует перераспределения богатства в направлении равенства.

С убедительной критикой «теории справедливости» Дж. Ролза выступал американский философ Р. Нозик, доказав, что государства, основанные на перераспределении богатства, не являются морально оправданными, поскольку перераспределение неизбежно нарушает индивидуальные права¹.

Идея права на достойное человеческое существование испытывает много (в том числе кратко охарактеризованных в предыдущих параграфах) трудностей со своим практическим воплощением, поскольку она – тоже «фантазм сублимированной подлинности»², облегчающий человеческое существование самообман; она, «обладая опреде-

¹ См.: *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 432 с.

² См.: *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомин, 1995. С. 28, 66.

ленным ценностным содержанием, выступает реальным инструментом политического воздействия»¹. Одни идеологи, вольно или, чаще, невольно манипулируя общественным сознанием людей, утверждают, что благополучную жизнь надо заслужить, другие – что нужно отобрать у тех, кто ее имеют, а третьи – что жить достойно можно в любом состоянии. «Реальный человек – тварное существо, созданное если не Богом, то обществом. Здесь важным выступает степень приближения к первообразу. Реальный человек – копия копии, или симулякр... это всегда – серия сходных копий второго порядка, каждая из которых незначительно отличается от других»², также захваченных общим умонастроением, сегодня сфокусированным на идее права на достойное человеческое существование. Эта идея, тем не менее, остается по своему происхождению мифологемой, а на сей день – еще и развернутой умозрительной конструкцией, сознательно достраиваемой идеологами и юристами, но с опорой на архетипический образ Царства Божьего на земле. И если каждый отдельный человек – симулякр первообраза (т. е. общества), то идея права на его достойное существование, в свою очередь, – симулякр «земного», социального рая, цель которого не обман, а творение³, распространение симулирующей чаемое («рай») социальности.

Подчеркнем вслед за Е. Лакло и Т. Х. Керимовым: «В любом случае возможность идентификации, возможность интеграции в социальное целое так или иначе отсылает к отсутствующей универсальности не как к объяснительному и нормативному принципу, а как к отсутствующей полноте, дополняющей конститутивный изъян идентичности. Ее вымышленное, невероятное существование составляет “темное место” любого рассуждения о гетерогенной социальности». И «если общество возможно как таковое, то только потому, что общество лишено общего (содержания) и частной формы его репрезентации»⁴.

¹ *Ершов Ю. Г.* Основные политико-идеологические проблемы становления Российской государственности // *ЧиновникЪ*. № 5'02 (21). URL: <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=316>.

² *Скоробогатский В. В.* Знание и власть на закате индустриальной эпохи // *Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации: сб. науч. тр.* Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 24.

³ См.: *Ким И. В.* Социальные симулякры и их исторические типы: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2008. С. 25.

⁴ *Керимов Т. Х.* Неразрешимости. М.: Акад. проект: Трикста, 2007. С. 27.

«Рай на небе» как не просто всегда не достигаемая и не достигаемая, убегающая, ускользающая, а как отсутствующая полнота общего содержания симулятивно обретается при условии соблюдения, например, христианских или иных религиозных требований и ритуалов, и тогда «рай на земле» может быть у каждого свой при условии симулирования «равных возможностей» и «равных условий», которые нужно добыть, заработать, выторговать прежде всего у власти. В этом «раю» «все молоды, здоровы, непрерывно едят и широко улыбаются, по ночам там не гасят огни, радио и ТВ работают 24 часа в сутки. Люди совершенны, как боги: благодаря спорту, аэробике, медицинским препаратам, лицевой хирургии они могут конструировать свою внешность, которая раньше была дана как судьба»¹. То есть право на достойное человеческое существование предстает «многомерным образом конкретной исторической структуры на основе пересечения многих составляющих жизни общества»². Тогда симулятивно объединяющая идея, каковой стала идея права на достойное человеческое существование, – это «не общее, а совместное, бытие-вместе, со-бытие. Общее здесь обещается, но никогда не наблюдается как нечто присутствующее»³.

В исполнении «заветной мечты» человек опирается на получаемые от государства (политической элиты) осязаемые важные блага, но и обретает, по терминологии Э. Фромма⁴, «вторичные узы». Патерналистское государство выступает в роли «благодетеля, который заботится» о своих гражданах. Власть оказывается настолько признанной, что граждане видят в подчинении ей свой долг, а государство – реализацию своего неотъемлемого права. Институты власти задают паттерны идентичности, а потому образцы действий, членам общества и даже формируют их ожидания. Как считает П. Бергер, «трюк удается потому, что индивида убеждают: эти пути – единственно возможные»⁵. Впрочем, в убеждении трюка нет: убеждаемый ищет быть

¹ Марков Б. В. После оргии: предисл. к кн. Ж. Бодрийяра «Америка». СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 5.

² Ким И. В. Указ. соч. С. 7.

³ Керимов Т. Х. Указ. соч. С. 68.

⁴ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 279 с.

⁵ Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 86.

таким образом убежденным («я сам обманываться рад»). Мечты и утопии «представляют собой загадочные реликтовые останки, которые экономико-геологическая машина оставила на берегу человечества и природу которых, ностальгически обращаясь к ним вновь и вновь, люди тщетно пытаются распознать»¹.

Конструирование современной социальной реальности встраивает право на достойное человеческое существование в сознание отдельного человека и всего общества как инструмент ее оптимизации. Это «идеальное общество», где гражданам обещают на словах и в каких-то отношениях постепенно и очень небесспорно реализуют на практике извечную мечту о земном рае. Ф. М. Достоевский в знаменитой «Легенде о Великом Инквизиторе» и В. С. Соловьев в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» описали наступление царства Антихриста, предвосхитив критическую реконструкцию постиндустриального общества. Человек, живущий в стерильной обстановке (общество стало гигантским профилакторием) утратил способность сопротивляться вирусам², в том числе идейным. Конечно, в этом немалая степень преувеличения, поскольку человек остается не только продуктом социума, он – эксцентрический (Х. Плеснер) симулякр социума, лишь одним из центров своей самости являющийся продуктом вторичного копирования. Мы не обязаны буквально следовать марксизму, полагая каждого отдельного человека всего лишь запечатленным в биологическом материале (вторичным) произведением социума.

Конечно, социум вторгается и в сферы, еще недавно казавшиеся заповедными, исключительно приватными. Так, «на основе современных технологий была создана фабрика желаний. Человек утрачивает суверенное право желать. Теперь желание приходит к нему извне – свидетельство изначальной опустошенности человека»³. Желания человеку привносятся, а потому они обнаруживают свою конкретно-историческую, а не природную, божественную и тому подобную обусловленность. Но и опустошенность человека – конкретно-исторического

¹ Агамбен Дж. Искусство, без-деятельность, политика // Социол. обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 44.

² См.: Марков Б. В. Указ. соч. С. 19.

³ Скоробогатский В. В. Указ. соч. С. 17.

социокультурного происхождения. Рождается более тонкая, нежели при тоталитаризме, технология социального контроля. По словам Ж. Бодрийера, человек массового общества сам отказывается от сопротивления власти в пользу соблазна. В политическом управлении это выражается в стремлении правительств устанавливать контроль над «производством смыслов» – образованием, средствами массовой информации, общественными, в том числе религиозными, организациями.

В таком обществе идея права на достойное человеческое существование обеспечивает консенсусную основу взаимодействия, ценностно-смыслового кода, а с его помощью – и языка общения между элитой и большинством. Так идея становится инструментом профилактики и устранения социальных потрясений, в том числе и «козырной картой в разыгрывании политики так называемых двойных стандартов»¹. При этом государство с помощью права на достойное человеческое существование (заметим, декларативно) гарантирует всем признание самоценности каждой человеческой личности, но из этого вовсе не следует, что личность будет защищена этим же государством и не станет орудием политических и экономически необходимых целей. Все, что не способно попасть под государственные гарантии права на достойное человеческое существование, может легко получить статус явления, вещи, человека, подлежащих обязательной нейтрализации или даже стерилизации под маркой борьбы с недостойным (недостойным существованием) до выполнения некоего «достойного» стандарта («качества»).

У государства остается фактическая монополия объявления границ «достойного» и «недостойного». «Поэтому единичное как любое единичное, стремящееся присвоить себе саму принадлежность, собственное бытие в языке и потому отвергающее любую идентичность и любые условия принадлежности, – главный враг государства»². Современные политтехнологи дают достаточно широкий набор средств для борьбы с единичным, со всем, что не вписывается в стандарты провозглашаемого государством «достойного» и социально одобряемого. Такое единичное можно замолчать, изобразить в отрицательном свете, привлечь к сотрудничеству с властью, сделав легитимным, и впи-

¹ *Брянник Н. В.* Знания о правах человека // Философский словарь по правам человека / ред. А. В. Гайда [и др.]. Екатеринбург: АМБ, 2006. С. 112.

² *Агамбен Дж.* Грядущее общество // Социол. обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 54.

сать в существующий культурный ландшафт, романтизировать и т. д., короче говоря, приручить и приспособить к тому, что допускает государство.

Но государство как социальный институт, как социальная машина кого-то обслуживает и кому-то служит. Этот «кто-то» – отнюдь не «простой» человек из массы таких же «простых» отдельных людей. Государство служит прежде всего элите.

Формируя более или менее «сытый муравейник общества потребления» (А. Зиновьев), государство формирует санкционированные им идентичности и получает вполне реальную возможность распределять и управлять правом на достойное человеческое существование. Становясь в позицию не только финансового офицера, но и заботливого продкомиссара, государство осуществляет контроль над распределением той свободы, что принадлежит к естественным правам человека. Ограничивая индивидуальное в угоду целому, государство превращает право на достойное человеческое существование в избирательную лексику. Как и во времена Великой французской революции, катаклизмов XX в., многие массовые преступления и сегодня прикрываются идеями свободы и гуманизма и совершаются «во имя» них, так что сегодня и признанное как юридическая категория право на достойное человеческое существование не может быть панацеей от зла. Оно может выступать только и только планом-заданием общества, проектом правового государства по отношению к индивиду, его «благими намерениями», направленными на встраивание индивида в общий реестр равновесия всех частных сил.

Общество потребления с достаточно развитыми демократическими традициями изменило отношения между индивидом и властью. «Основным направлением эволюции отношения к власти в массовом обществе стало преобразование сопротивления власти в форму добровольного согласия с ее требованиями. В общем плане это оказалось возможным благодаря изощренным технологиям социального контроля, проникающего во внутреннее пространство жизни человека от имени науки и под флагом достижения всеобщего блага»¹. Данным флагом и выступает право на достойное человеческое существование. Под него создают (порой щедро финансируемые, в том числе государст-

¹ Скоробогатский В. В. Указ. соч. С. 16.

вами, т. е. из средств от налогов) проекты, организуют революции, перевороты. С середины XX столетия юридическое оформление права на достойное человеческое существование стало формальным эталоном благополучия страны, «правильного», «идеального» государства, где данное право, тем не менее, – «возвышающий обман», институт захватывания сознания других (М. Фуко).

Идея, пока она интуитивно мерцающая ценность, – это лишь чаяние, возможность, а то и соблазн. Когда же она приобретает вид развернутой конструкции (идеологии), то становится конкурентом иным идеологиям и верованиям. Идея права на достойное человеческое существование в конце XIX – начале XX в. не выдержала конкуренции с иными идеями (всемирной трудовой коммуны, индивидуалистической самодостаточности, национального превосходства). Но идеи не стираются и не тускнеют от (не)употребления, а исторические («эмпирические») формы их объективаций никогда не тождественны их содержанию¹. Идеи способны вновь и вновь получать значительный социальный резонанс, становиться социально значимыми, овладевая массами, превращаться в материальную силу², таким образом «камуфлируя или освящая материальный интерес»³. Сами же идеи, существуя в многообразии их интерпретаций, оказываются «динамичными», демонстрируют способность к историческому движению и преобразованию своего содержания, ко взаимодействию с другими идеями. Такова, бесспорно, и идея права на достойное человеческое существование.

Идея, прежде чем стать идеологией, предстает в чувственно-сверхчувственной форме идеала, отношение к которому может как быть трезвым (идеал не есть реальность и не может быть ею), так и доходить до мистифицирующего опьянения. На толпу влияет не столько идея как феномен абстрактный, отвлеченный, умозрительный, требующий для своего удержания культуры и дисциплины мышления; антиномичность несколько не смущает захваченное ею сознание. Толпа соблазняется

¹ См.: *Перов Ю. В.* «Русская Идея» и «либеральный проект для всего мира» // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во С.-Петербур. филос. о-ва, 2000. Вып. 2. С. 105–106. (Мыслители).

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 1. С. 422.

³ *Сахнин А.* Идеология как последний шанс демократии. URL: http://www.russ.ru/stat_i/ideologiya_kak_poslednij_shans_demokratii.

идеей как конкретизированным, хотя и преувеличенно-приукрашенным, образом желаемого¹. Благодаря этому она и приобретает призывно-мобилизационную мощь и представляется фатальной истиной, не нуждающейся в доказательстве, обладающей зарядом оптимизма, награждающей верой и надеждой. «Реальность без ориентации на идеал утрачивает стимул для развития и совершенствования, тогда как идеал без реальности оборачивается пустотой, беспочвенностью и нежизненностью»². Наличие идеала означает, что человек не удовлетворен нынешним существованием. Неудовлетворенность же порождает активность, «недовольство рождает не только протест, но и заставляет формировать (в фантазии) идеальный социальный порядок. Именно благодаря работе этой фантазии люди воплощают в реальность свои желания, укорененные в их действительном бытии»³. Так что «идеальное объединяет людей снизу, дает почву для общей практики и тем самым организует»⁴.

Но, вместе с тем, развернутая в идеологию, а значит, подвергшаяся неизбежной рефлексии, идея обнаруживает не только манящие человека аспекты. Тем более это касается попыток реализации идеи на практике⁵. С. Л. Франк заметил, что все и всякие самые возвышенные отвлеченные идеалы проигрывают в сравнении с несовершенной реальной жизнью, и жизнь оказывается выше идеалов хотя бы уже потому, что она есть, реально существует, тогда как идеалы только мыслятся как «только то, что должно быть»⁶. Таким образом, «реальность всегда шире, богаче, полней любых человеческих представлений об этой реальности»⁷, и «любые идеи профанируются, когда реализуются

¹ См.: *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М.: Худож. журн., 1999. 254 с.

² *Брянник Н. В.* Естественно-правовой подход к правам человека // Философский словарь по правам человека / ред. А. В. Гайда [и др.]. Екатеринбург: АМБ, 2006. С. 103.

³ *Любутин К. Н., Кондрашов П. Н.* Указ. соч. С. 108.

⁴ *Сахнин А.* Указ. соч.

⁵ См.: *Мордовцев А. Ю.* Национальный правовой менталитет. Введение в проблему. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 16.

⁶ *Франк С. Л.* Крушение кумиров // Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 159.

⁷ *Швырев В. С.* Рациональность в сфере ее возможностей // Исторические типы рациональности: коллектив. моногр. М.: Изд-во Рос. акад. наук, Ин-т философии, 1995. С. 14.

(овеществляются) в социальных институтах. Идеи автономны от реальности, отождествление с социальной реальностью является истощением идеи»¹.

Сталкиваясь с реальностью, идея рискует сильно потерять в цене. И тогда заявляют о себе ее конкуренты. Они идут не только из прошлого. Они могут представлять в форме деидеологизации, как это происходит, например, при смещении акцента с права на достойное человеческое существование на категорию качества жизни. Тем более что общество всеобщего потребления – своеобразный новый этап развития цивилизации, – предлагающее очередной способ самоидентификации человека в мире, должно иметь теоретическое самообоснование. Средоточием внимания человека становится его собственная жизнь без высших, над ним стоящих абсолютных ценностей. Абсолютизация земной жизни и аксиологическое самососредоточение человека на себе ведут к возрастанию внимания к качеству своей жизни. Конечно, внимание политиков, идеологов, ученых к качеству отражает вполне определенный тренд общественного сознания последних десятилетий.

Так, на смену идеологии прав человека может прийти другая, в которой ключевым словом будет «качество». Уже существует огромный корпус литературы, длинный перечень регулярных периодических изданий, мистифицирующий его, а при этом и приучающий к мысли о том, что нужно-то всего лишь встроить «систему менеджмента качества» в существующее управление, и рост желаемых составляющих производства, услуг, всей жизни случится как простое следствие этого встраивания². Между тем, провозглашаемый в «менеджменте качества» ключевым принцип «ублажения потребителя» (Э. Деминг) только помогает достижению роста прибыли, остающейся главной целью капиталистического производства и обслуживающих его систем менеджмента. Потому эти системы ориентируют не просто на производство пользующихся спросом товаров и услуг, но и на производство самих потребностей, желаний и, в конечном счете, их носителя –

¹ Мартыянов В. С. Общество без утопий // Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. С. 286.

² См.: Политико-правовые основы Всеобщей декларации прав человека. URL: <http://www.referat-na5.ru/onfive/60/15887.html>.

массового потребителя, о «достойном человеческом существовании» которого якобы неустанно и усиленно пекутся вместе с другими, но лучше («качественнее») других менеджеры качества.

Весьма показательна незавершившаяся история с внедрением менеджмента качества в высшие и иные образовательные учреждения России. В самом деле, от образования полагается сильно зависящей степень реализации права на достойное человеческое существование. Значит, эта степень зависит и от качества образования. Но частота артикулирования словосочетания «качество образования» в различных источниках в последнее время ошеломляет. Данное словосочетание повторяется, подобно ведической мантре, в научных публикациях, документах органов управления, СМИ. Возникает ощущение, что оно само, обладая, как заклинание, какой-то собственной магической силой, положительно заряжает образовательное пространство страны, облагораживает вузы, студентов, педагогических работников и даже управленцев. Учитывая отечественные традиции, вполне возможно, найдется немало тех, кто именно так и полагает. А для других его сверхчастое повторение служит скорее эвфемизмом, удерживая от буквального обозначения происходящего в сфере высшего образования.

А началась «битва за качество высшего образования» 3 декабря 2004 г., когда Федеральное агентство по образованию издало приказ № 304 «О разработке и внедрении внутривузовской системы управления качеством образования в высших учебных заведениях», в соответствии с п. 3 которого председателям советов ректоров вузов субъектов Российской Федерации было рекомендовано организовать работу в регионах по распространению опыта создания и внедрения внутривузовских систем управления качеством в высших учебных заведениях регионов, регулярно рассматривать данный вопрос на заседаниях советов. Вслед за ним «для использования в практической деятельности вуза» последовало письмо от 9 декабря 2004 г. № 676/12–16 «О разработке и внедрении внутривузовских систем управления качеством образования», содержащее «Справку о разработке и внедрении внутривузовской системы управления качеством образования в высших учебных заведениях (на примере Московского государственного института стали и сплавов (Технологического университета))». Эти документы, ставшие следствием решений коллегии Федерального агентства по образованию от 16 ноября 2004 г. № 3/1, явились этапом в решении

политической задачи, важность которой была подтверждена еще Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 г. (одобрена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2001 г. № 1756-р), где заявлено: «Главная задача российской образовательной политики – обеспечение современного качества образования».

Затем значимость указанной задачи была подтверждена Программой социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 гг.), утвержденной решением Правительства РФ от 19 января 2006 г. № 38-р, где, в частности, констатируется несоответствие сложившейся системы образования потребностям рынка труда, в связи с чем «приоритетными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации в сфере образования являются законодательное обеспечение модернизации российской системы образования, приведение содержания и структуры профессиональной подготовки кадров в соответствие с современными потребностями рынка труда, повышение доступности качественных образовательных услуг, создание системы независимой оценки контроля качества образования»¹. Понятно, что независимой от государственных уполномоченных органов контроля и надзора, которые по законодательству обладают монопольным правом оценки, имеющей правовые последствия.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) также заявлена как одна из важнейших задача формирования механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с учетом мнения потребителей и международных сопоставительных исследований в сфере качества образования, т. е. опять дан ориентир на альтернативную государственной (ведомственную) оценку.

Истоки этой политики раскрывает приказ Министерства образования РФ от 22 марта 2000 г. № 839 «О проведении в 2000 г. конкурса “Внутривузовские системы обеспечения качества подготовки специалистов”», перенесший в сферу образования принципы, формы и инструментарий конкурса на соискание премий Правительства Российской Федерации в области качества, берущего начало в постановле-

¹ URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/programs/>.

нии Правительства РФ от 12 апреля 1996 г. № 423. В свою очередь, названный конкурс буквально повторяет многое из Европейской премии по качеству, учрежденной в 1991 г. Европейским фондом управления качеством – European Foundation for Quality Management, организованным в 1988 г. Премия была учтена и в стандартах, и в директивах Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании, принятых в 2005 г. странами – участницами Болонского процесса в лице министров образования как согласованный и рекомендательный общий ориентир.

В этом же году Федеральная служба по надзору в сфере образования издала приказ от 30 сентября 2005 г. № 1938 «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведений», в котором перечень показателей государственной аккредитации, определяющих статус по типу «высшее учебное заведение», дополнен показателем «1.2. Качество подготовки», включающим в себя и «эффективность внутривузовской системы обеспечения качества образования». Создание такой системы стало фактически обязательным для всех вузов, желающих получить госаккредитацию.

Заметим, что участие в различных конкурсах в области качества является добровольным. Российским же вузам вышеназванным приказом не было оставлено иного выбора, нежели воспринять как руководство к действию, причем обязательному действию, содержащиеся в подоспевшем письме Управления учреждений образования Федерального агентства по образованию от 22 мая 2006 г. № 836/12–16 «Практические рекомендации по выбору типовой модели системы управления качеством образования для вузов и ссузов», «Методические рекомендации для вузов и ссузов по проектированию и внедрению систем качества в образовательных учреждениях», «Терминологический словарь в области управления качеством высшего и среднего профессионального образования», «Методические рекомендации для вузов и ссузов по организации и проведению самооценки эффективности функционирования систем управления в области менеджмента качества на основе модели совершенствования деятельности».

С 2007 г. практически во всех вузах России, даже в тех, которые ранее не спешили с нововведениями, появились соответствующие структурные подразделения. Началась определенная работа там, где

прежде ею специально не занимались, ориентируясь на существующие положения о качестве образования, которые уже были в федеральном и региональном законодательствах, а также прямо вытекающих из него подзаконных актах (Правилах осуществления контроля и надзора в сфере образования, Положениях о Федеральной службе по контролю и надзору в сфере образования и науки и др.).

Правительство и его образовательные ведомства последовательно и настоятельно проводили в жизнь политику внедрения в вузы страны систем менеджмента качества, не имеющих и не имевших, заметим, достаточного основания в существующем образовательном законодательстве как нечто обязательное. Остаются эти основания смутными и в законопроекте «Об образовании в Российской Федерации», усиленно поддерживаемом Минобрнауки, но вызывающем большие сомнения не только у значительной части педагогической общественности, но и, например, у Минэкономразвития России, разместившего на официальном сайте (http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depregulatinginfluence/doc20120608_06) «Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”», где, кроме прочего, отмечается, что «содержание независимой оценки качества образования, указанное в п. 3 ст. 98 проекта акта, не соотносится с определением понятия “качество образования” (п. 33 ст. 2 проекта акта)».

Таким образом, начиная с терминологии, объекта и предмета госаккредитационной и независимой (общественно-профессиональной) экспертиз, процедур, полномочий задействованных в них лиц в законопроекте наблюдается неразбериха. Принцип верховенства закона (а не подзаконных нормативных правовых актов или иных, например, партийных или ведомственных документов) почему-то в рассматриваемом в настоящей статье вопросе и раньше не срабатывал. Если законопроект будет принят в нынешнем виде, он и в ближайшем будущем просто не позволит в силу своей неопределенности руководствоваться принципом законности на практике. Вспоминается поговорка о рыбке в мутной воде... Кто-то ее будет успешно вылавливать.

В то же время на поверхности простая причина обращения к теме качества, в частности, в сфере образования: она – в растущем недоверии потребителей к производимым товарам и услугам, а значит – к производителям. И сколько ни повторять призыв-заклинание «отца»

TQM («Всеохватывающего менеджмента качества») Э. Деминга об уболажении потребителя, всем более или менее ясно, что сверхзадача бизнеса все равно в другом – в прибыли. И если ее приносил бы не потребитель, бизнес с удовольствием потребителя бы и вовсе не замечал, потому что он (потребитель) переменчив в настроениях, капризен, упрям, к тому же еще ищет собственной выгоды.

Система же менеджмента качества существует для того, чтобы потребитель поверил в совпадение интересов производителя с его, потребителя, интересами и выложил за товар или услугу свои деньги. Следовательно, вопрос качества – это вопрос именно веры (потребителя в производителя и производимый продукт). Потому логично, что и стандартизация товаров, услуг и процессов их производства – процесс добровольный, как это и предусмотрено Федеральным законом «О техническом регулировании»: производитель добровольно следует или не следует тем или иным стандартам, учитывая реакцию на это потребителя, добровольно приобретающего или не приобретающего товар или услугу; добровольно обращается к сертифицирующей организации, выбирая ту, документ которой будет наиболее экономически обоснован, т. е. повысит доверие потребителя к производителю, и при этом товар будет не запредельно дорог. Подчеркнем еще раз: участие организаций в процедурах сертификации на соответствие стандартам в области качества и в конкурсах в области качества по действующему законодательству является добровольным.

Потому в соответствии с законом производитель образовательных услуг, конечно, может не следовать даже государственным образовательным стандартам (в том числе последнего поколения), может избрать себе другие стандарты и ориентиры. В последнем случае и появляется целесообразность в системе менеджмента качества. Но поскольку отечественный потребитель (и студент, и работодатель) предпочитает документы об образовании государственного образца, постольку образовательным учреждениям необходима государственная аккредитация, подтверждающая выполнение требований, содержащихся в том числе в государственных образовательных стандартах. Система менеджмента качества в образовательных учреждениях в данной ситуации оказывается избыточной: там, где государство осуществляет контроль и надзор, т. е. там, где оно в лице уполномоченных органов оценивает качество, потребителю остается доверять уже госу-

дарству, а не непосредственно производителю или экспертам от TQM из сертифицирующих организаций либо конкурсных комиссий в области качества.

Тогда система менеджмента качества в учебном заведении выглядит весьма странным, инородным, в лучшем случае дублирующим государственную систему контроля и надзора явлением. Причем весьма затратным для вуза, надо сказать, явлением, не только и не столько потому что нужно оплачивать труд сотрудников служб менеджмента качества (как правило, работники этих служб глубоко и системно представляют сильные и слабые стороны своих учреждений, неустанно о них напоминают, а потому нередко вынуждены испытывать на себе недовольство, а то и неприкрытый гнев части педагогического коллектива и администрации). Несопоставимо бóльших затрат требует оплата регулярной внешней экспертизы.

Что же касается дополнительных усилий и времени, требуемых менеджментом качества от всех сотрудников вуза, то вместо расчетов проще вспомнить рожденный жизнью афоризм, вполне относящийся и к высшей школе: «Школа постепенно стала превращаться в то место, где дети мешают администрации и педагогам работать с документами»¹. Наиболее прозрачно в этом смысле отношение к студенту-«платнику»: он интересен вузу, прежде всего администрации, как клиент. Однако на оказание качественной услуги этому самому клиенту у педагогических работников все меньше времени и сил! Потому что работать им в первую очередь приходится с файлами и бумагами, которые, вероятно, проверят внутренние или внешние эксперты и инспекторы, и по представленным последними данным будет принято заключение о работе преподавателей и вуза в целом. А, ориентируясь на это заключение (например, в виде свидетельства о государственной аккредитации, сертификата соответствия ISO или диплома победителя конкурса в области качества), потенциальные клиенты, наверное, сделают выбор в пользу или против данного вуза, скорректировав, правда, сначала свое мнение при помощи «сарафанного радио» – единственного источника информации о непосредственной работе вуза с его непосредственными клиентами (студентами). Потому-то вузы обзавелись и службами PR (связей с общественностью).

¹ Ямбург Е. А. Близорукий бухгалтер пришел на смену учителю // Новая газ. 2012. 11 мая (№ 50–51).

Поставим вопрос «по-ленински»: кому выгодна такая ситуация в высшем образовании – ситуация дублирующей подконтрольности, а главное – отчетности? Однозначно, не студентам, до которых из-за подготовки бесконечных отчетов часто не доходят руки преподавателей. И не самим преподавателям, которые в большинстве своем по призванию и образованию – все-таки педагоги, а не клерки (менеджеры, управленцы-бюрократы, сочинители пространных отчетов о результатах самообследования, планов корректирующих и предупреждающих действий и подобных «шедевров»). Сегодняшним российским вузовским педагогам и без отчетов приходится создавать многочисленные и объемные тексты основных образовательных программ, рабочих программ учебных дисциплин и их учебно-методического обеспечения под стандарты нового поколения (ФГОСы) – это кроме обычной педагогической работы, включая методическую, а еще и научно-исследовательскую. Бумаготворчеству вузовских педагогов, в значительной степени вынужденному, пока не видно конца. Умножьте это еще на вынужденный поиск дополнительного заработка, поскольку зарплата преподавателей никак не располагает к обладанию свободным временем – важнейшим условием творчества, как научного, так и педагогического. Слово «качество» на этом фоне звучит издевательски.

Подобное положение в высшем образовании выгодно даже не вузовским управленцам, которым было бы удобнее работать в ситуации определенности – ориентируясь либо на установленные государством требования, либо на запросы потребителей (клиентов, студентов и потенциальных работодателей выпускников). Сегодня же вузовскому управлению приходится работать по принципу «и нашим, и вашим» (на выполнении одних только контрольных цифр приема, установленных государством и обеспечиваемых им соответствующей субсидией, вузу просто не выжить). И дело не в том, что содержание требования государства и требования потребителя сильно расходятся. Дело в способах проверки, точнее – в ее субъектах.

Проверяющий от государства обычно действует формально: у него есть официальная «шкала», перечень критериев и показателей, а также более или менее известный и проверяемым инструментарий, выявляющий степень соответствия работы вуза этим критериям и показателям. Если проверяющий добросовестен и компетентен, он дейст-

вует вполне беспристрастно, можно сказать, механически. При выполнении вузом установленных государством требований констатируется соответствие, а импульс к развитию вуза дается лишь в случае выявления недостатков и указания на них.

Чтобы оживлять этот косный способ стимулирования к росту качества, государство периодически ужесточает требования, внося в перечень аккредитационных показателей и критериев не столько новые позиции, сколько новые – конечно, с каждым разом увеличивающиеся, цифры: «даешь больше!» – остепененных преподавателей, защит диссертаций, публикаций, особенно в «особенных» изданиях («особенность» которых периодически специально изобретается), цитирований (опять же особенно в «особенных» изданиях), финансовых доходов от научной и внедренческой деятельности и т. п. Конечно, вузы – «ишачки» выносливые. Но иные вскоре, видимо, придется вынести вперед ногами, о чем уже официально и неоднократно заявляли первые лица государства. Такая перспектива также подстегивает желание соответствовать аккредитационным показателям. Правда, Президент В. В. Путин ввел еще один термин – «эффективные вузы». Теперь спешно разрабатываются критерии и показатели этой эффективности. Вероятно, в скором времени придется запустить и механизм ужесточения этих критериев и показателей. Но зашкаливанию показателей есть и «досадные» пределы: 24 часа в сутках (впрочем, это поправимо), 36-часовая рабочая неделя педагогических работников (это тем более поправимо) и т. п.

Административный «кнут» все же хоть иногда необходимо сдабривать «пряниками». Государство позволило вузам, в том числе государственным, получать их в виде оплаты обучения студентами-внебюджетниками. А они – уже настоящие клиенты вузов. И отношения с ними учебному заведению приходится выстраивать не так формально и механически, как с государством и его инспекторами. Студенты и потенциальные их работодатели реагируют живо и склонны к изменению своих мнений по вполне объективным и резонным причинам; то, что по бумагам вполне соответствует установленным государством требованиям, может их не устраивать, и наоборот – то, что важно государству, обучающимся и работодателям может быть глубоко безразлично.

Так вузы, взявшись за обучение студентов-внебюджетников, быстро заметили, что оказались в двусмысленном положении. Но ведь

в это положение они попали добровольно, поэтому и выходить из него им предоставили самим¹, обратившись по совету вышестоящих органов, например, к менеджменту качества как инструменту, применение которого будто бы приведет к успеху во взаимодействии с клиентурой. Однако совет нашим постсоветским вузам был дан вполне по-советски – более чем настоятельно. А насильно, как известно, милыми становятся редко... Специалисты предупреждали: «Особенностью применения стандартов ISO является неэффективность и нецелесообразность их внедрения директивными методами. Основой должны служить принципы добровольности и экономической заинтересованности»².

Наше государство, навязав вузам менеджмент качества, выразило свое недоверие и им, и их клиентам, и обществу в целом. Образование же – в принципе доверительная услуга, которая отличается от других товаров и услуг «тем, что для тех, кто их заказывает, приобретает, оплачивает, измерить их качество заранее невозможно, а после приобретения – возможно, но уже поздно... Потребители таких товаров, как правило, доверяются оценкам экспертов... Так, лучшим экспертом в образовании является человек, встроенный в академическое сообщество»³. Но в доверительные отношения между абитуриентом, студентом, вузом, экспертами из академического и профессионально-педагогического сообщества⁴, объединенными сертифицирующей организацией или конкурсной комиссией в области качества, совершенно беспардонно вторгается государство: ему мало установленных им же образовательных стандартов, мало волонтаристски устанавливаемых аккредитационных требований – оно внедряет менеджмент качества, который без «дозревания» вуза и клиентуры до него обречен ос-

¹ См., напр.: Федоров В. А., Колегова Е. Д. Педагогические технологии управления качеством профессионального обучения: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2007.

² *Штицнадель В. Н.* Система качества (в соответствии с международным стандартом ISO семейства 9000): разработка, сертификация, внедрение и дальнейшее развитие: учеб. пособие. СПб.: Бизнес-пресса, 2000. С. 11.

³ *Кузьминов Я. И.* Наши университеты // Унив. упр.: практика и анализ. 2007. № 3 (48). С. 12.

⁴ См. об этом: *Кислов А. Г.* К дефиниции профессионально-педагогического сообщества // Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: сб. науч. тр. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. Вып. 5. С. 159–167.

таваться бумажной волокитой и при каждой возможности – подменой реальных отчетов очковтирательством.

Система менеджмента качества – это инструмент регулярного, непрерывного добровольного улучшения качества услуги с целью повышения доверия потребителя (а не инспектора или эксперта) и, тем самым, роста прибыли. Не инспектор или эксперт приносят вузу деньги. Их мнение лишь может (далеко не всегда) повлиять на решение потребителя. А систематическое улучшение предполагает беспристрастный публичный анализ, публичное выявление недостатков и публичную же работу над их устранением, в том числе работу по публичному перераспределению доходов с целью повышения их эффективности. Это дела, касающиеся только отношений между организацией, ее клиентами и контрагентами. Дайте же им дорасти до необходимости этих тонких отношений!

Но государство торопит! Оно громко печалует о качестве образования. И дает не просто работу, а солидный заработок проверяющим, теперь уже по линии менеджмента качества. Заработок за счет вузов. И в эту плодоносную для проверяющих нишу, к которой пока присматривается, сомневаясь и анализируя, все еще основательная, а потому социально инертная, профессура, устремляются прежде всего те, кто более прыток и знает толк в проверках, т. е. настоящие и бывшие инспекторы и чиновники. Знаменательно в этой связи, что «вертикали» госконтроля и надзора, с одной стороны, и менеджмента качества высшего образования – с другой, замыкаются на одной и той же организации – Федеральном государственном бюджетном учреждении «Национальное аккредитационное агентство в сфере образования (Росаккредагентство)», подведомственном Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзору), которое наделено функциями организационно-технического и информационно-аналитического обеспечения проведения аккредитационной экспертизы соответствия содержания и качества подготовки обучающихся и выпускников образовательных учреждений и научных организаций федеральным государственным образовательным стандартам или федеральным государственным требованиям в целях содействия Рособрнадзору в осуществлении полномочий по государственной аккредитации образовательных учреждений и научных организаций. В то же время Росаккредагентство – член нескольких международных над- и негосудар-

ственных сетей по гарантии качества образования: INQAAHE (Международная сеть агентств по управлению качеством в высшем образовании) – с 2001 г., CEE Network (Сеть аккредитационных агентств по высшему образованию стран Центральной и Восточной Европы) – с 2002 г., ЕСОКО (Евразийская сеть обеспечения качества образования) – с 2004 г., APQN (Азиатско-Тихоокеанская сеть аккредитационных агентств гарантии качества высшего образования) – с 2006 г. Росаккредагентство к тому же является полноправным членом ENQA (Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании) с 2009 г., а также имеет статус основного члена в IАЕА (Международная ассоциация по оценке образования) с 2007 г.

Теперь можно и ответить на заданный «по-ленински» вопрос. Ответ на него более чем грустный. Мантра качества образования – эвфемизм подчинения высшего образования интересам чиновничества, особенно той его части, которая непосредственно и, как правило, весьма небезвозмездно занята проверками, контролем, надзором, экспертизами. И заметьте: нам еще ничего не сказано о коррупции. Ни каким иным, а именно вышеописанным способом современное российское государство настойчиво печется о качестве высшего образования, об абитуриентах, студентах, работодателях, настоящем и будущем России.

Однако есть некоторые надежды, что чаша весов все-таки качнулась от столь однобокого следования интересам проверяющих в сторону проверяемых и, что самое важное, потребителей в сфере высшего профессионального образования России: 19 октября 2011 г. «Российская газета» опубликовала после регистрации в Минюсте РФ (11 октября 2011 г., рег. № 22010) приказ Минобрнауки РФ от 2 сентября 2011 г. № 2253 «Об утверждении перечней показателей деятельности образовательных учреждений высшего профессионального, среднего профессионального и начального профессионального образования, необходимых для установления их государственного статуса», в котором исчез (точнее, не предусмотрен) пункт, обязывающий к существованию в вузе системы менеджмента качества (и установлено начало действия документа – 30 октября 2011 г.). Следом Рособрнадзор издал приказ от 25 октября 2011 г. № 2267 «Об утверждении критериев показателей, необходимых для определения типа и вида образовательного учреждения высшего профессионального и среднего профессионального образования» (зарегистрирован в Минюсте РФ 27 декабря 2011 г.,

№ 22764, начало действия документа – 24 января 2012 г.), в котором также не упомянуто о системе менеджмента качества. Значительная часть научно-педагогической общественности не верила столь щедрому новогоднему подарку родного ведомства и продолжало ждать положенных после шага вперед двух шагов назад. По крайней мере топтание государства на месте по обсуждаемому вопросу не закончилось.

Приказом Минобрнауки России от 20 февраля 2012 г. № 123 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по государственной аккредитации образовательных учреждений и научных организаций» (зарегистрирован в Минюсте РФ 6 апреля 2012 г., № 23750, начало действия документа – 25 июня 2012 г.) конкретизирована процедура проведения Рособрнадзором государственной аккредитации образовательных учреждений и научных организаций. В п. 12 данного приказа кроме прочего сказано: «Организация вправе представить в качестве приложения к заявлению о проведении государственной аккредитации сведения о результатах общественной (общественно-профессиональной) аккредитации организации в российских, иностранных и международных образовательных, научных, общественных и иных организациях. Указанные сведения рассматриваются при проведении аккредитационной экспертизы при государственной аккредитации»¹ (п. 12, подп. «з»). Итак, общественно-профессиональная аккредитация вуза в российских, иностранных и международных образовательных, научных, общественных и иных организациях, а значит, и внутривузовская система менеджмента качества перестали быть обязательными. Законность с заметным опозданием, но восторжествовала. Хотя пока остается в полном (не регламентированном и никак иначе не урегулированном) ведении Рособрнадзора какое угодно решение о способах и степени учета результатов общественно-профессиональной аккредитации вуза – а здесь, как учит опыт, можно ожидать самых неожиданных ведомственных сюрпризов.

В 2012 г. (9 мая) был опубликован Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», где, в частности, сказано: «В целях дальнейшего совершенствования государственной

¹ URL: <http://www.rg.ru/2012/06/15/akkreditatsia-dok.html>.

политики в области образования и науки и подготовки квалифицированных специалистов с учетом требований инновационной экономики постановляю... Правительству Российской Федерации совместно с общероссийскими объединениями работодателей и ведущими университетами с привлечением ученых Российской академии наук и международных экспертов представить в декабре 2014 г. предложения по проведению общественно-профессиональной аккредитации образовательных программ высшего профессионального образования, в первую очередь по направлениям подготовки (специальностям) в области экономики, юриспруденции, управления и социологии», – из чего становится ясно, что общественно-профессиональная аккредитация в сфере высшего профессионального образования не входит в перечень приоритетных забот Президента. А борьба с «неэффективными» вузами входит, нужно только разобраться с тем, что такое «эффективные», что – «неэффективные». Есть желание расширить список: к «качественному», «эффективному» образованию добавить еще и термин «достойное образование», а потом уж придумать, кого и чего оно «достойно»...

В этом же Указе Правительству Российской Федерации поручено обеспечить «проведение до конца декабря 2012 г. мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы, реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений, предусмотрев при реорганизации таких учреждений обеспечение права обучающихся на завершение обучения в других государственных образовательных учреждениях»¹ (п. 1, подп. «а»).

Меж тем, доведение приоритета интересов проверяющих до состояния узаконенного паразитизма недопустимо: так очень скоро станет не на ком паразитировать. И логика биологического самосохранения внушает все же уверенность в том, что проверяющие дадут возможность проверяемым жить дальше и вместе с внемлющим им государством не дадут погибнуть большинству вузов. Так что у высшего образования России в целом не такие уж и плохие перспективы. Если суицидальный раж проверяющих не возьмет верх... Раж во имя обеспечения права человека на «качественное», «эффективное», «достойное человека» образование...

¹ URL: <http://xn--d1abbgf6aiiy.xn--p1ai/acts/15236>.

А человек-потребитель и в сфере высшего профессионального образования, и в других сферах – средство извлечения прибыли. И попадает он в налагающиеся друг на друга поля действия и патерналистского государства, вторгающегося в его автономию под предлогом обеспечения его и других права на достойное человеческое существование, и меняющего тактику эксплуатации капитала. Последний все же предпочитает ограничивать систему менеджмента качества сферой его взаимодействия с производимым им же потребителем, поддерживая идею права на достойное человеческое существование как основание более универсального коммуникативного кода. Человек и в современном мире остается внеположенным и себе как потребителю, и любой другой своей ипостаси. Он остается неэксплицируемым, избыточным к своим статусам, потребительскому в частности, что по-прежнему маркируется общественным и индивидуальным сознанием как «абсолютное достоинство человека», и именно на этой консенсусной антропологической основе сохраняется возможность социального коммуницирования и конвенций в современном мире.

Так, идея права на достойное существование именно в современном, «индивидуализированном обществе» (З. Бауман) симулирует социальность, задавая возможности построения ее виртуальных вариантов, устраиваемых и принимаемых различными социальными группами и индивидами. Она позволяет соприкоснуться, взаимодополняться этим виртуальным социумам, посредством чего – коммуницировать и тем, кто их конструирует, т. е. современникам, нам, совмещившимся во времени. Потому даже осознание ее манипулятивным средством, растущая дискредитация в условиях отсутствия иного универсального кода оставляют нас нуждающимися в ней, пролонгирующими ее время, иницирующими ее восходящую к архаике инерцию.

Подмена же права на достойное человеческое существование идеей качества жизни – пример не деидеологизации, а попытки замены одной идеологии другою. Так было и при якобы деидеологизации постсоветских стран: в большинстве из них официально утвердилась идеология прав человека, в некоторых – с элементами исламизма или шовинизма. Это деидеологизация через реидеологизацию в форме иной идеологии: общество остается идеологизированным, подверженным оформлению сознания со стороны определенной идеологии. Но наме-

тившаяся деидеологизация права на достойное человеческое существование может идти не только путем замены одной идеологии на другую (например на идеологию, «качества жизни» – эту квазирелигию современных менеджеров), т. е. путем «дурной бесконечности» сменяющих друг друга идеологий, и не только путем нигилистической устремленности жить вне всяких идеологий и даже идей, а значит, вне всякого пути (беспутно) и, следовательно, основы для коммуникации (аутично). Деидеологизация может идти еще и путем «вечного возвращения» (Ф. Ницше) к себе, реидеологизации, но уже на основе осознания себя как социокультурного кода и осознанного совладания человеком с симулятивностью идеологии.

Идея права на достойное человеческое существование позволяет человеку, социальным группам, слоям и целым классам адаптироваться к сложным ситуациям современного социального бытия. С ее помощью «индивид символически преодолевает преграды, связанные с материальной нуждой, борется с врагами и т. д.»¹. Ее антиномичность не только сродни антиномичности других сверхценных идей (свободы, равенства, братства, справедливости и т. п.). Будучи осознанной, она позволяет трансцендировать к реальности, чья ценность оказывается выше ценности самой идеи. Это антиномичность апофатика, устыдившейся утверждений, но сохраняющей веру в неутверждаемое непостижимое. Антиномичность размыкает тотальность идеологием, трансцендируя сознание за его собственные пределы, к приобретающей таким образом еще большую ценность неэксплицируемой социальной реальности, а тем самым попутно «обосновывает систему ценностей, отвергать которые можно испытывая или душевное нездоровье, или нежелание вообще что-либо понимать»², «поскольку социальное как бесконечная игра различий всегда выходит за пределы любых форм конституирования общества, превращения его в самотождественный и постижимый объект»³.

Так, право на достойное человеческое существование, проявив себя как идеология, и будучи осознанно таковой *par excellence*, сохра-

¹ Шульга Н. В. Политические мифы в современном мире. URL: <http://www.promgupss.ru/publisher/txt1/more.php?more=48>.

² Ершов Ю. Г. Указ. соч.

³ Керимов Т. Х. Указ. соч. С. 25.

няет свое социальное значение в современном мире уже не только и не столько как юридический феномен, сколько как необходимый комплексный полифункциональный универсальный идеологический инструмент социального саморазвития. Его важнейшими функциями в современном социуме являются:

1) симулирование социальности, а тем самым (используя формулу А. Гоулднера) легитимация социального воспроизводства¹ и (используя формулу Н. Лумана) самописание социума с позиции «вне»²;

2) обеспечение архетипической укорененности общественного и индивидуального сознания;

3) обоснование консенсусного взаимодействия различных международных и национальных сил, социальных групп и индивидов, т. е. (используя формулу В. Е. Кемерова) работа в качестве «скрепы» социальности, обеспечивающей связность человеческого бытия за пределами «физически» представленных взаимодействий³ и (используя формулу А. Гоулднера) средства построения разделяемого многими людьми социального хронотопа⁴;

4) работа в качестве общественного идеала, т. е. (используя формулу М. Селиджера) фактора, систематизирующего ориентированные на действие совокупности убеждений⁵;

5) работа в качестве критерия социально-экономического и культурного развития;

6) манипулирование общественным и индивидуальным сознанием;

7) трансцендирование сознания к социальной реальности, за пределы «физически» представленных взаимодействий;

8) участие в конструировании социальной реальности, т. е. (используя формулу В. Е. Кемерова) работа в качестве не только «скрепы», обеспечивающей социальное воспроизводство совместно-разделенного бытия людей, но и средства расширения социального воспроизводства, введения

¹ См.: *Логинов А. В.* Идеология и социальный хронотоп: от отражения к конструированию // Социемы. 2008. № 15. URL: http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/sociemy/15/loginov.html.

² См.: *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самописаниях современного общества // Социо-логос: сб. науч. тр. М.: Прогресс, 1991. № 1. С. 195.

³ *Кемеров В. Е.* Динамика социальности и необходимость науки // Социемы. № 16. URL: http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/sociemy/16/kemerov.htm.

⁴ См.: *Логинов А. В.* Указ. соч.

⁵ Там же.

в него все новых предметностей в условиях повышающейся плотности взаимодействий между разными субъектами и различными системами¹;

9) повышение ценности живой, в том числе неэксплицированной, социальности.

Идеология хотя и определяет цели развития общества, как бы предсказывает его будущее, но сама является малопредсказуемым объектом. Те положения, которые сегодня кажутся незыблемыми, как физические законы, через десятилетия могут стать безнадежными анахронизмами. Идеологические мифы начала XX в. о расовом превосходстве европеоидной расы, «миссии белого человека» и умственной ограниченности женщины по сравнению мужчиной не выдержали проверки временем и ходом истории. Еще раньше рухнул миф о сословном неравенстве, о том, что люди из «благородных» сословий от рождения более умны и развиты, чем простолюдины (данный миф хорошо иллюстрирует высказывание великого князя Николая Николаевича: «Я не считаю Государя человеком, Он не человек и не Бог, а нечто среднее...»²). Или пример с советской идеологией: почти никто из западных советологов не предполагал распада СССР и отказа от марксизма-ленинизма, и вплоть до конца 1980-х гг. он фигурировал во всех прогнозах. Например, крупные американские футурологи Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс в начале 1970-х гг. отмечали, что революция или другие изменения в Советском Союзе, способные коренным образом повлиять на ход его развития, могут быть отнесены в разряд таких же маловероятных событий, как, например, крах западной морали или возникновение принципиально новой идеологии, способной оказать драматическое воздействие на международную политику³. В 1988 г., кризисном для советской системы, Дж. Гэлбрейт отмечал, что «за последние 70 лет социализм проявил себя растущей и жизнеспособной системой» и что «был бы сюрприз, если бы вы вдруг заявили, что он находится в состоянии упадка, либо застыл на месте»⁴.

Эта непредсказуемость во многом обусловлена синергическими эффектами в развитии культуры и общества. Очень хорошо это пока-

¹ Кемеров В. Е. Динамика социальности и необходимость науки.

² ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 3. Д. 377. Л. 138.

³ Сахнин А. Указ. соч.

⁴ Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. М.: Прогресс, 1988. С. 25.

зал Ю. М. Лотман в работе «Культура и взрыв», отмечая непредсказуемость развития культуры: «Культура как сложное целое составляется из пластов разной скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других... Будущее предстает как пространство возможных состояний»¹. Как отмечает исследователь, настоящее – «это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью: в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность»². Будущее как бы накатывается на нас, а не задается нашим прошлым и настоящим. Но все-таки случайность в какой-то степени определяется социокультурной преемственностью общества, которая представляет собой «воспроизводство как социальных структур, так и норм, ценностей и идеалов культуры на каждом этапе развития социальной системы, что обеспечивает ее тождественность самой себе»³.

Социокультурная преемственность во многом определяет категорию возможности, выражающую способность процесса или явления к изменению. Следует различать реальную и формальную возможности. Реальная возможность – это та, для реализации которой имеются необходимые и достаточные условия. Определяемая ею направленность совпадает с общей тенденцией созревания условий для ее реализации, хотя сами данные условия могут еще только зародиться. Формальная возможность – это та, реализация которой хотя и не противоречит законам и свойствам системы, но не учитывает существующие тенденции развития и важные факторы, которые могут ее «заблокировать».

Определение реальных и формальных возможностей – одна из ключевых проблем в прогнозировании идеологии. Приведем конкретные прогнозы.

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 21.

² Там же. С. 21–22.

³ Игнатенко Т. И. Социокультурная преемственность как фактор развития социальных систем: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1998. С. 21–22.

Так, советские диссиденты-радикалы 1970–1980-х гг. полагали, что с отказом от советской идеологии и внедрением институтов и ценностей западной демократии в СССР восторжествуют идеалы либерализма, уважения прав человека и достойного существования. При этом данные рассуждения не учитывали социокультурной специфики российской цивилизации, которые учел, например, в своих прогнозах 1950-х гг. И. А. Ильин, утверждая, что в случае «падения коммунистической диктатуры» на территории СССР возникнут очаги гражданской войны и может произойти распад государства¹.

Еще более примечательны прогнозы-программы относительно победы идей коммунизма и построения коммунистического общества советских лидеров – И. В. Сталина и Н. С. Хрущева. Это представляет интерес, поскольку торжество идеологии коммунизма они связывали с достижением определенных социально-экономических показателей. Так, И. В. Сталин отмечал: «Для того чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, нужно три условия: непрерывный рост общественного производства; поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности; поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое»². Данные положения были, по большому счету, осуществлены к началу 1980-х гг., особенно рост доходов населения по сравнению с концом 1940-х в разоренной войной стране. Но практически никто (за исключением, пожалуй, А. А. Зиновьева в книге «Коммунизм как реальность») не считал, что живет при торжестве идеологии коммунизма, которое откладывалось на неопределенное будущее.

С проблематикой определения реальных и формальных возможностей связана такая ошибка (соблазн) в прогнозировании, как определение «предпочтительного» будущего, а затем предложение оптимальной траектории для достижения этого состояния. При этом игнорируется тот факт, что далеко не любое будущее нам доступно, для перехода ко многим из вариантов просто нет ресурсов.

Оценить ресурсы, необходимые для реализации идеи, крайне сложно. Например, К. Марксу в 1848 г. казалось, что коммунистическая революция не за горами и достойная жизнь будет обеспечена це-

¹ См.: *Ильин И. А.* О грядущей России. Избранные статьи. Джорданвилль: Изд. Свято-Троиц. монастыря и Корпорации Телекс, 1991. 367 с.

² *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. С. 66–69.

лomu классу – пролетариату, а в новом обществе исчезнет эксплуатация человека человеком. Естественно, что в обществе не оказалось ресурсов для данного проекта. Но мог ли Маркс предсказать, что капитализм не рухнет, а после жестоких и кровавых катаклизмов разовьется в «общество всеобщего благоденствия» (Запад с 1970-х), где именно и было артикулировано такое определение, как качество жизни? Такую возможность не отрицал в поздних своих работах Ф. Энгельс, но и у него не содержалось конкретного прогноза. Или, к примеру, в СССР в самом начале «перестройки» (1985–1987 гг.) у большинства населения были ожидания, что общество выйдет на новый уровень развития, что в самом недалеком будущем в стране будет более справедливое устройство общества на основе институтов современной демократии, что достойное существование из лозунга станет реальностью. Большинство людей искренне верили, что скоро будут жить в новой стране, где сохранятся и упрочатся советские стандарты социального обеспечения, будет серьезно модернизирована вся система отношений между властью и обществом, введены либеральные свободы, сделан шаг вперед по созданию реальной модели правового государства и гражданского общества. В стране были все предпосылки для вхождения в «советский постиндустриализм», но... Можно согласиться с мнением исследователя В. В. Согрина, что для этого был необходим ряд жестких условий: рациональная, обладающая прочными морально-нравственными устоями бюрократия; сильное и беспристрастное государство, уравнивающее и обслуживающее граждан по закону; развитое гражданское общество, контролирующее деятельность государства и бюрократии. Поскольку ни одного из этих условий в российском обществе не существовало, не могло быть ни демократической приватизации, ни демократического капитализма¹, т. е. не было ресурсов для перехода к оптимальному сценарию.

Подобная же ситуация сейчас возникает в масштабах всей планеты: идеология качества жизни упирается в экологические и социальные ограничители, а острота социального напряжения не спадает. Кроме того, по мере роста образованности и доступа к информации у человека возникают новые экзистенциальные потребности – касаю-

¹ См.: *Согрин В. В.* 1985–2005: три превращения современной России // *Отечеств. история.* 2005. № 3. С. 3–4.

щиеся в основном качества досуга, потребления, личностного развития, и, естественно, растут требования к критериям достойного существования и качества жизни.

Перспективы реализации права на достойное человеческое существование тесно связаны со сценариями развития современной цивилизации. Рассмотрим некоторые из них.

1. Пессимистический – эколого-алармистский сценарий: экологический кризис, серия природных катастроф, истощение полезных ископаемых, переполнение экологической ниши планеты. Данный сценарий прогнозировался еще в 1970-е гг. Римским клубом¹, а если взять еще более отдаленные времена – то Т. Мальтусом. Естественно, что в этом случае общество откатится к средневековью, вспыхнет жесткая борьба за выживание, перед которой померкнут индустриальные антиутопии. В этом случае ни о какой концепции достойного существования речь не пойдет – человечество будет выживать, искать приемлемые формы социального устройства. Исторические аналогии – Европа в раннее Средневековье на развалинах Римской империи, Древний Китай после нашествий кочевников и междоусобных войн (система орошения полей нарушалась, население периодически сокращалось с обычных 60 млн до 6–8 млн человек). К этому же сценарию примыкают «ядерная зима», «космическая катастрофа» при условии, что биологический вид *homo sapiens* выживет.

2. Оптимальный сценарий: медленное, но неуклонное развитие демократии в большинстве государств планеты, рост уровня жизни, потребительских стандартов – словом, продолжение тех тенденций, которые начались на Западе в 1960-е гг. и породили прогнозы и технократические концепции развития, основанные на идее прогресса². Соответственно, в этом случае идеология «качества жизни» выйдет на первый план, и уже наряду с социально-экономическими показателями будут развиваться юридическое обеспечение идеи права на до-

¹ См.: *Медоуз Д. Х.* Пределы роста: докл. по проекту Рим. клуба «Сложное положение человечества». М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. 257 с.

² См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999; *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969; *Кеннади П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997; *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2003; *Он же.* Третья волна. М., 2002; *Он же.* Метаморфозы власти: Знание, богатство сила на пороге XXI в. М., 2003; *Pollard S.* The idea of Progress: History and Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1971.

стойное человеческое существование, а в большинстве обществ многие права человека второго и третьего поколения все больше будут получать реальное, а не фиктивное обеспечение.

В этом случае реализация идеи права на достойное человеческое существование видится в следующем:

1) Дальнейшая конкретизация и работа по практическому применению тех положений, которые заявлены в большинстве конституций и составляют основу прав личности. Медленная и неуклонная работа по воспитанию правовой культуры населения и обеспечению социально-экономических гарантий и прав. В этом плане потенциальной угрозой является невозможность экономического обеспечения зафиксированных в законодательстве прав и гарантий. Причины могут быть как субъективными (нежелание правящей элиты делиться с остальным населением сверхприбылью – Россия, Бразилия, Конго, да и большинство развивающихся стран), так и объективными, например, превышение числа нетрудоспособного населения (пожилых людей и инвалидов) над трудоспособным (в Европе и России этот рубеж будет достигнут к 2030 г.). Остальные страны также постепенно переходят на европейский тип воспроизводства населения и десятилетия спустя могут столкнуться с этой же проблемой.

2) Развитие ювенального права, когда во главу угла ставится право ребенка на достойное существование и воспитание. Оно развивается на глазах – если еще в 1980-е гг. считалось относительно нормальным наказывать детей, в том числе и физически (не говоря уже о более ранних эпохах – в большинстве школ чуть ли не до XX в. была нормальным явлением порка воспитанников), то теперь это может быть подсудным делом. В развитых странах настолько рьяно за этим следят, что возникла опасность другого перекоса – за наказание детей (даже в разумных пределах и воспитательных целях) может последовать наказание взрослых и изъятие у них ребенка. Особенно этим славится Финляндия. И как разобраться – где детский каприз и шалости, а где действительное нарушение прав ребенка? Но, несмотря на этот перекося, ювенальное право будет в дальнейшем развиваться в сторону защиты интересов, чести и достоинства ребенка. Это было вполне предсказуемо: вышедший на историческую арену *homo ludens* («человек играющий», термин Й. Хейзинги) постепенно обеспечивает себе юридическую защиту от «репрессивной» традиционной и индустриальной педагогики и морали. Но как у ребенка без наказаний воспитывать чувство ответственности и долга (которых

как раз и требовал индустриализм)? «Цивилизация человеко-машин», каковой являлся индустриализм (по М. Фуко), выжила и трансформировалась, создав предпосылки для перехода к обществу нового типа. А вот наступающая «цивилизация детей»... Запутавшемуся детскому обществу может потребоваться личность авторитарного отца-диктатора, и вновь повторится спираль истории...

Между оптимальным и пессимистическим сценариями развития лежат так называемые реалистичные – основанные на учете как позитивных, так и негативных тенденций. В качестве негативных тенденций выступают глобальные проблемы современности, которые способны серьезно скорректировать любой сценарий. Рассмотрим некоторые из них.

1. Экологические проблемы, повышение антропогенного давления на биосферу в целом и экологическую нишу отдельных государств в частности. Данный феномен актуален для ряда государств планеты, прежде всего, для Китая (более 20 % населения и 7 % мировых ресурсов пахотных земель), Индии и др. Интенсивное индустриальное развитие в данных государствах способно привести к серьезным проблемам с охраной окружающей среды, а также упереться в нехватку ресурсов, прежде всего питьевой воды и продовольствия, не говоря уже о полезных ископаемых. Естественно, что в этом случае сохранятся авторитарные политические системы (за исключением, пожалуй, Индии с ее цивилизационной спецификой) для перераспределения скудеющих ресурсов, а права человека второго и третьего поколения останутся во многом нереализованными.

Кроме того, экологические проблемы могут привести к войнам за природные ресурсы – прежде всего питьевую пресную воду или лесные ресурсы. Так, в российской печати встречаются сообщения о высказывании наиболее агрессивных политиков Запада (М. Олбрайт, например) о том, что Россия не может одна владеть сибирскими лесами – «легкими планеты», что над ними нужен контроль мирового сообщества¹.

2. Демографические проблемы, которые имеют несколько аспектов:

1) превышение смертности над рождаемостью в ряде стран планеты (страны Европы и Россия), старение населения, депопуляция, в пер-

¹ См.: Латынина Ю. Что сказала Мадлен Олбрайт? URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=7495>.

спективе – превышение числа нетрудоспособного населения над трудоспособным. В этом плане поддерживать достигнутый уровень социальных благ и гарантий представляется затруднительным;

2) «демографический взрыв» в большинстве стран третьего мира, когда население растет быстрее, чем ВВП. Классический пример – Нигерия. В 1993–1998 гг. средний рост ВВП в реальных ценах составлял менее 3 % в год, а в 2000 г. темпы роста ВВП снизились до 1,1 %¹. Рост населения Нигерии в период с 1995 по 2000 гг. составил 2,7 %, с 2000 по 2005 гг. – 2,57 % (1-е место в мире)². Естественно, что в этих условиях о росте жизненного уровня и реализации прав человека приходится забыть;

3) серьезный разрыв в уровне жизни между развитыми и развивающимися странами, который с 1 : 20 в 1960-е гг. вырос до 1 : 70 в 2000-е. Доступность информации о «потребительском рае» в развитых странах обостряет восприятие своего существования как недостойного и безысходного. Поэтому в современной литературе говорится о возможности бунта беднейшего человечества, исчезновения универсальной формулы регулирования общественных отношений, прежде всего таких, как права человека, и о том, что «уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на собственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения»³.

Следствие данных проблем – миграция жителей Юга в страны Запада и Россию. Феномен мигрантов состоит в том, что они часто игнорируют культурно-правовые традиции стран, куда приехали («наша конституция – Коран»⁴), соблюдают клановость и не желают ассимилироваться. В научно-публицистической литературе и СМИ достаточно много говорится о возрастании угрозы конфликтов на этноконфессиональной почве в Европе и России. Быть может, Европа будущего станет этнически и конфессионально гораздо более «пестрой», чем сейчас, и западная политико-правовая традиция с ее достижением – разветвленным юридическим и морально-этическим закреплением права на достойное человеческое существование – может быть пересмотрена, и вновь на историческую арену выйдут реликты традиционализма.

¹ Страноведческий каталог «Ekonrus». URL: <http://catalog.fmb.ru/nigeria5.shtml>.

² Там же.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 107.

⁴ Бабасян Н. Исламисты Страсбура: «Наша конституция – Коран». URL: <http://www.izvestia.ru/news/284134>

3. Кризис идеологии прогрессизма и идеалов индустриальной цивилизации – эпохи модерна (что обычно не входит в число традиционных глобальных проблем).

В настоящее время культура постмодерна подвергает жесткой ревизии все культурные ценности эпохи модерна, в том числе и идеалы «свободы», «равенства», «братства» как глобальных ориентиров политического и правового развития. «Средний класс», появившийся в позднеиндустриальной цивилизации, сейчас размывается, даже в США растет социальное расслоение. На примере России ясно видно, что из варианта «социального государства» начала 1980-х гг. с минимальным социальным расслоением и высокими социальными гарантиями, где правящая элита тщательно скрывала свои привилегии, можно за короткое время сделать общество латиноамериканского типа. В новом обществе формально многие права человека всех трех поколений закреплены в законодательстве, но они часто фиктивны. Криминальные разборки, огромное социальное неравенство, коррупция, отчуждение власти от общества, фиктивность прав человека и институтов гражданского общества воспринимаются населением как неотъемлемые черты повседневности. Не могут ли развитые страны пойти по подобному сценарию? Проект социального государства на Западе реализован, но есть ли ресурсы (прежде всего демографические, с убыточной рождаемостью) для его дальнейшего поддержания? В СССР, несмотря на серьезные ошибки руководства, в 1950–1980-х гг. достаточно интенсивно развивалось социальное государство, росли уровень жизни, образованность населения, а партия власти и система советов образовывали специфическую «матрицу» гражданского общества (как это убедительно показал А. А. Зиновьев) и, казалось бы, динамика была устойчивой. То, с какой быстротой произошла катастрофа и общество откатилось к средневековью, заставляет вспомнить тезис Ю. М. Лотмана о потенциальных возможностях, таящихся в любой культуре.

Кроме того, в современной научной публицистике все чаще отмечается кризис идеи прогресса¹, а ее естественнонаучное ответвление – гипотеза эволюционизма – подвергается критике и ревизии. Переживают ренессанс культурно-философские теории, обосновывающие социальное неравенство (не случаен интерес к И. А. Ильину с его

¹ См., напр.: Шанин Т. Идея прогресса. URL: <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/shanin-2.html>.

концепцией деления людей на «ранги»), а идея «общества равных возможностей» уже воспринимается как исторический реликт.

Таким образом, имея дело с прогнозами, особенно социальными, мы имеем дело прежде всего с идеологическим феноменом. Вся научная оснастка прогноза лишь дополняет и усиливает изначальную энергию мифа, вдохновляющую тот или иной прогноз. Еще более очевидным это обстоятельство становится тогда, когда мы встречаемся с реакцией на прогнозы массового осознания. Что же думают о перспективах достойного существования, например, граждане России?

Можем предположить, что субъективное мнение россиянина о достойной жизни тесно связано с представлением об уровне достижений человека в различных сферах жизни. В аналитическом докладе Института социологии РАН «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов» 2009 г. отмечается, что для подавляющего большинства населения (свыше 75 %) наиболее значимыми и важными жизненными планами являются те, которые связаны с семьей, друзьями, желанием прожить свою жизнь честно и не хуже других, получить хорошее образование и посетить разные страны¹. Как видим, здесь сочетаются морально-этические представления и социально-экономический статус. Данные жизненные ценности являются важным, хотя, естественно, далеко не исчерпывающим показателем субъективной оценки человеком достойной жизни.

Как подчеркивают авторы доклада, разные группы населения могут отличаться друг от друга по своим приоритетам и запросам к жизни или, если угодно, по критериям определения для себя достойной жизни. Было выделено три кластера, которые различались между собой представлениями об идеальной модели жизни. Первый кластер, объединивший треть россиян (32 %), отличается тем, что его представители хотели бы добиться успехов и в личной жизни, и в работе, и в общественной жизни, что позволяет охарактеризовать их как «максималистов». Вторым кластером (48 %) включает людей, ориентированных на наиболее типичные жизненные приоритеты: семью, друзей, интересную работу, хорошее образование, досуг и этические нормы честности – но они не ставят себе целей «выделиться», выйти за

¹ Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов: аналит. докл. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Giznennie%20celeustremeniya.pdf>.

пределы некоего типичного в их глазах стандарта жизни – например, создав собственный бизнес или став знаменитым. Условно можно назвать эту модель жизненных приоритетов традиционной. Третий кластер («минималисты», 20 %) характеризуется тем, что в жизненных планах его членов не так много пунктов – они ориентированы на семью и детей, друзей, интересную работу. Им хотелось бы прожить свою жизнь честно и не хуже других, но, в отличие от представителей второго кластера, они не ставят себе целей добиться хорошего образования или богатства, не стремятся иметь престижную работу, много свободного времени, не хотят иметь возможность путешествовать¹. Таковы представления россиян о нынешнем уровне и перспективах достижений своих жизненных целей.

Любопытны в этом плане данные социологического опроса, проводимого осенью 2009 г. аналитиками страховой компании «Росгосстрах». Согласно его данным, зарплата среднего россиянина для «достойной» жизни должна составлять 40 тыс. р. в месяц, а зарплата жителя Москвы – 62 тыс. р. В Екатеринбурге эта цифра составляет 45 тыс. р., в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге – 41 тыс. р., в Астрахани, Костроме и Пензе – 25 тыс. р. в месяц². Доля граждан, которые уже добились дохода, обеспечивающего достойное существование, составляет 14 % от общего числа взрослых россиян, доля «пессимистов» – тех, кто считает, что никогда не добьется хорошей жизни, – 38 %.

Любопытно сопоставить эти данные с цифрами, приведенными в проектах реформ. Так, например, в Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 г. описываются три сценария развития области³:

1. Инерционный сценарий (догоняющее технологическое развитие в условиях благоприятной мировой конъюнктуры). Следуя ему, к 2020 г. Свердловская область выходит на уровень развития европейских стран 2007 г. Заработная плата к 2020 г. не поднимется выше

¹ Российская повседневность в условиях кризиса...

² См.: Исторический форум: история и современность России и мира в событиях, датах и именах. 26.10.2009. URL: <http://forum-history.ru/archive/index.php/t-1806.html>.

³ См.: Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 г. (основные положения). Екатеринбург, 2008. URL: <http://econom.midural.ru/prognoz/rps/580/>.

уровня 42,3 тыс. р., доля среднего класса в численности населения области составит не более 50–55 %.

2. Инновационный сценарий (инновационное развитие в условиях благоприятной мировой конъюнктуры). Заработная плата увеличится до 54,2 тыс. р. и станет «надежным источником средств, обеспечивающим достойное существование работнику и его семье»¹. При этих условиях в 2020 г. 65–70 % населения Свердловской области можно будет отнести к среднему классу.

3. Оптимистичный сценарий (инвестиционно-инновационный прорыв в условиях благоприятной мировой конъюнктуры). Средний класс будет на уровне 70 % численности населения, средняя зарплата составит 65,1 тыс. р.

Конечно, прогнозируемый рост выглядит впечатляющим, но какова к тому времени будет инфляция? И кто будет реализовывать данные планы – население области становится все менее здоровым (особенно молодежь), соотношение трудоспособного и нетрудоспособного населения постоянно меняется в сторону роста последнего, пока они не сравняются (примерно к 2030-м гг.)? Есть ли ресурсы для достижения хотя бы минимальной задачи – выхода на уровень европейских стран 2007 г.?

Можно прогнозировать отдельные тенденции развития и реализации идеи права на достойное человеческое существование на основе выделенных авторами приведенных исследований и прогнозов закономерностей. Естественно, что закономерность в гуманитарных науках никогда не проявляется с точностью физического закона и имеет характер вероятностных сценариев развития. Вероятность прогноза во многом зависит от того, насколько грамотно определены ресурсы для его реализации. Определить же наличие ресурсов достаточно сложно, так как речь идет о самых разных факторах и сферах жизни общества и человека – социально-экономической, духовной, политической и др. Рассмотреть взаимодействие данных факторов в их диалектическом развитии и динамике в обществе, которое развивается по законам сложной системы с синергичными эффектами, достаточно непросто. Но, тем не менее, строить прогноз развития и реализации идеи права на достойное человеческое существование воз-

¹ См.: Стратегии социально-экономического развития Свердловской области... С. 32.

можно – на уровне вероятностных сценариев. Приятие же или неприятие того или иного сценария, вера в него или недоверие к нему – вопрос не научный, а идеологический.

Право на достойное человеческое существование к концу XX в., особенно судьбы его практической реализации, подтвердили мифоидеологическую его природу. Идея этого права остается вопросом веры, грезы, фантазии. Но однозначно негативные оценки социальных фантазий, свойственные еще началу XX в., стремление к построению научных, а потому «единственно верных» идеологий, отличаются от современного настроения социально-философского сознания. Фантазии субъективны, как все созданное и исповедуемое людьми – заведомо являющимися субъектами. В этом слабость, но в этом и сила человеческих построений, грез, идей, теорий. Они не абсолютно истинны, прекрасны, вечны. Но они и не бесполезны. Не стоит только превращать следование им в разновидность идолопоклонения.

Право на достойное человеческое существование обнаружило свою идеологическую природу. Тем достойнее человека оно стало, ибо позволило обращаться с собой прагматически, инструментально, без фанатизма, опасного, чем бы его ни оправдывали.

Заключение

В ст. 21 Конституции Российской Федерации установлено: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»¹. Согласно п. 1. ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации, достоинство личности относится к категории нематериального блага, принадлежит гражданину «от рождения или в силу закона, неотчуждаемо и непередаваемо иным способом»². Под нематериальными благами понимаются не имеющие экономического содержания и неотделимые от личности их носителя блага и свободы, признанные законодательством. Нематериальные блага «следуют» за человеком всю его жизнь, обладают уникальностью, неповторимостью, характеризуют его как личность. Их утрата будет означать биологическую или социальную смерть.

Представленная в многочисленной юридической и философской литературе категориальная работа позволяет учитывать различные смысловые аспекты понятий достоинства, достойного человеческого существования и права на него. Право на достойное человеческое существование наряду с другими правами человека к концу XX в. превратилось в один из основополагающих принципов международного и конституционного права. Этому предшествовала активная теоретическая работа, которая не могла завершиться принятием тех или иных нормативных правовых актов. Акты приняты, но теоретические дискуссии продолжаются. Поэтому вся существующая по теме исследования литература может быть условно разделена на предваряющую тот или иной юридический документ и комментирующую его. Природа всякого юридического документа такова, что требует придания ему высокого критериального значения. В то же время возможен и иной, традиционный научный способ осмысления предмета исследования и группирования существующих публикаций, ориентирующийся на анализ различных конкурирующих концептуально-методологических подходов. Эти подходы могут быть имплементированы нормативными правовыми актами, а могут содержаться исключительно в научных текстах. В настоящей работе авторы ориентировались как раз на второй способ.

¹ Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 2003. 21 янв.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Рос. газ. 1994. 8 дек.: [ред. от 28.11.2011 г. № 337-ФЗ]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Была осуществлена попытка осмысления истоков и процесса формирования идеи достойного человеческого существования в европейской, в том числе отечественной, философии, выполнен социально-философский анализ воздействия идеи достойного человеческого существования на правовую теорию и практику, обобщен опыт юридического закрепления права на достойное человеческое существование в современном мире, дана оценка проблем и перспектив практической реализации идеи права на достойное существование человека в современном мире, социальной значимости идеи права на достойное человеческое существование.

Идея права на достойное человеческое существование архетипична. Процесс ее формирования связан с интеграцией идей человеческого достоинства, достойной жизни и прав человека. Латентный период формирования идеи права на достойное человеческое существование продолжался до начала Нового времени, непосредственно подготовившего ее артикулированное проявление в контексте обсуждения прав человека. Идея права на достойное человеческое существование стала не только темой активной общественно-политической дискуссии, но постепенно, с конца XVIII в., получила и свое юридическое, в том числе международное, закрепление. Русская социально-гуманитарная мысль конца XIX – начала XX в. оставила богатое философско-правовое наследие, в котором идее права на достойное человеческое существование принадлежит выдающееся место. Вторая половина XX в. стала эпохой не только широкого распространения, но и доминирования идеи права на достойное человеческое существование над другими ценностями. Проблемы практической реализации идеи привели к разочарованию в ней, попыткам замены на более инструменталистские ее варианты.

В работе приведена авторская периодизация процесса становления и развития идеи права на достойное человеческое существование:

I. Зарождение и первые проявления идеи (со второй половины V в. до н. э. до XVII в.) преимущественно в текстах античных этиков, реже – юристов, затем – средневековых богословов.

II. Формирование учения о правах человека (с Нового времени), латентно и частично учитывающего важность достойного человеческого существования.

III. Юридическое закрепление прав человека (со второй половины XVIII в.) в ряде государств, учитывающее некоторые аспекты достойного человеческого существования.

IV. Активное обсуждение проблемы социально-экономических прав как непосредственного контекста идеи права на достойное человеческое существование (с конца XIX до начала XX в.), в котором она и была артикулирована, что обнаруживает не только влияние общественной практики на формирование и содержание идеи, но и ее обратное влияние на практику.

V. Социализация (распространение на всех людей без исключения) содержания идеи и закрепление права на достойное человеческое существование в отдельных нормативных правовых актах (с начала XX в.).

VI. Интернационализация (с середины XX столетия), закрепление права на достойное человеческое существование в 36 конституциях мира и общепринятых международных документах.

VII. Глобализация прав человека (с середины 1970-х гг.), расширение содержания права на достойное человеческое существование и в то же время намечающийся рост общественного разочарования в его действенности.

Несмотря на рост общественного разочарования, идея права на достойное человеческое существование сохраняет свое социальное значение в современном мире не только и не столько как юридический феномен, сколько как необходимый комплексный полифункциональный универсальный инструмент социального саморазвития. Его важнейшими функциями в современном социуме являются:

- симулирование социальности;
- обеспечение инерции архетипической укорененности общественного и индивидуального сознания;
- обоснование консенсусного взаимодействия различных международных и национальных сил и социальных групп;
- работа в качестве общественного идеала и критерия социально-экономического и культурного развития;
- манипулирование общественным и индивидуальным сознанием;
- трансцендирование сознания к социальной реальности, участие в ее конструировании;
- повышение ценности живой, в том числе неэксплицированной, социальности.

Вероятно, этот перечень можно продолжить, что требует дополнительного исследования. Выполнение этих функций обещает продолжительную востребованность идеи права на достойное человеческое существование в обозримом и отдаленном будущем.

Библиографический список

Абелев Г. И. О достоинстве в жизни и в науке [Электронный ресурс] / Г. И. Абелев. Режим доступа: <http://garriabelev.narod.ru/dignity.html>.

Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья / С. С. Аверинцев // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Москва: Наука, 1985. С. 5–20.

Агамбен Дж. Грядущее общество / Дж. Агамбен // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 47–54.

Агамбен Дж. Искусство, бездеятельность, политика / Дж. Агамбен // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 41–46.

Азаров А. Защита прав человека. Международные и российские механизмы / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. Москва: Изд-во Моск. шк. прав человека, 2000. 392 с.

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. Москва: Статут, 1999. 712 с.

Алексеев С. С. Философия права / С. С. Алексеев. Москва: Норма, 1998. 336 с.

Бауман З. Завтра будет стыдно за то, чем можно гордиться сегодня [Электронный ресурс] / З. Бауман. Режим доступа: <http://www.radio.cz/ru/statja/86515>.

Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. Москва: Логос, 2002. 390 с.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. Москва: Норма, 1998. 624 с.

Бестужев-Лада И. В. Прогнозное обоснование социальных нововведений / И. В. Бестужев-Лада. Москва: Наука, 1993. 232 с.

Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование: курс лекций / И. В. Бестужев-Лада. Москва: Пед. о-во России, 2002. 392 с.

Бирман И. Уровень жизни: проблемы измерения / И. Бирман // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 35–52.

Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. Москва: Рудомино, 1995. 174 с.

Брандер П. Компас. Понимание прав человека / П. Брандер, Р. Гомес, Э. Кин. Москва: Совет Европы, 2002. 104 с.

Брянник Н. В. Естественно-правовой подход к правам человека / Н. В. Брянник // *Философский словарь по правам человека* / ред. А. В. Гайда [и др.]. Екатеринбург: АМБ, 2006. С. 102–107.

Брянник Н. В. Знания о правах человека / Н. В. Брянник // *Философский словарь по правам человека* / ред. А. В. Гайда [и др.]. Екатеринбург: АМБ, 2006. С. 112–116.

Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX в. / А. Валицкий // *Вопросы философии*. 1991. № 8. С. 25–40.

Варламова Н. Конституционный статус социально-экономических прав. Введение / Н. Варламова // *Конституционное право: восточно-европейское обозрение*. 2000. № 1. С. 16–32.

Ваш голос в сфере труда: глобальный доклад, представленный в соответствии с механизмом реализации Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда [Электронный ресурс]. Женева: МОТ, 2000. Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/declarat/ilo_principles.htm.

Вольман Г. Чем объяснить стабильность политического и экономического развития Федеративной Республики Германии / Г. Вольман // *Государство и право*. 1992. № 11. С. 134–136.

Гегель Г. В.Ф. Философия права: Основания естественного права и науки о государстве. Основы философии права / Г. В.Ф. Гегель. Москва: Мысль, 1990. 524 с.

Гессен С. И. Избранные сочинения / С. И. Гессен. Москва: РОССПЭН, 1998. 814 с.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. Москва: Школа-Пресс, 1995. 448 с.

Глобальные тенденции развития человечества до 2015 г.: материалы Национального разведывательного совета США. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. 120 с.

Глухарева Л. И. Права человека / Л. И. Глухарева. Москва: Логос, 2002. 176 с.

Глушкова С. И. Права человека в России: теория, история, практика / С. И. Глушкова. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2002. 748 с.

Голанский М. М. Будущее мировой экономики и перспективы России. Современное видение versus постулаты Маркса / М. М. Голанский. Москва: Наука, 1994. 143 с.

Головатенко А. Ю. Права человека и статус личности: история и современность / А. Ю. Головатенко. Москва: Изд-во Моск. шк. прав человека, 1999. 64 с.

Гордон Л. А. Социально-экономические права человека: своеобразие, особенности, значение для России / Л. А. Гордон // *Общественные науки и современность*. 1997. № 3. С. 5–14.

Гудков Л. Д. Постсоветский человек и гражданское общество / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. Москва: Изд-во Моск. шк. полит. исслед., 2008. 96 с.

Гундаров И. А. Управление государством по критерию качества жизни – путь к справедливому строю: проблемы социальной эргономики / И. А. Гундаров // *Проблемы психологии и эргономики*. 2003. Вып. 2. С. 113–118.

Гэлбрейт Дж. К. Капитализм, социализм, сосуществование / Дж. К. Гэлбрейт, С. Меньшиков. Москва: Прогресс, 1988. 199 с.

Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/declarat/ilo_principles.htm.

Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mospat.ru/ndex.php?page=30728>.

Европейская социальная хартия от 18 октября 1961 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Themes/Social/hartia-3.html>.

Европейская социальная хартия: справочник. Москва: Междунар. отношения, 2000. 264 с.

Емельянов Б. В. Русская философия права: история становления и развития / Б. В. Емельянов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 148 с.

Ершов Ю. Г. Основные политико-идеологические проблемы становления Российской государственности [Электронный ресурс] / Ю. Г. Ершов // *Чиновник*. № 5'02 (21). Режим доступа: <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=316>.

Ершов Ю. Г. Философия права / Ю. Г. Ершов. Екатеринбург: Изд-во Урал. акад. гос. службы, 1995. 38 с.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. Москва: Худож. журн., 1999. 254 с.

Зайцева Ю. Е. Чувство собственного достоинства: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / Ю. Е. Зайцева. Режим доступа: <http://www.psychology.spb.ru/articles/tez/2000/a7.htm>.

Иваненко В. А. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты / В. А. Иваненко, В. С. Иваненко. Санкт-Петербург: Юрид. центр-пресс, 2003. 404 с.

Игнатов О. Анархия, государство и утопия [Электронный ресурс] / О. Игнатов. Режим доступа: http://www.russ.ru/kniga_nedeli/anarhiya_gosudarstvo_i_utoriya.

Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи / И. А. Ильин. Джорданвилль: Изд. Свято-Троиц. монастыря и Корпорации Телекс, 1991. 367 с.

Индекс развития человеческого потенциала субъектов Российской Федерации в 2000 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/181582.html>.

Индекс развития человеческого потенциала субъектов Российской Федерации в 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/state/2010/10/29/2715e>.

Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России, конец XIX – начало XX в. / И. А. Исаев. Москва: Наука, 1991. 266 с.

Исторический форум: история и современность России и мира в событиях, датах и именах. 26.10.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum-history.ru/archive/index.php/t-1806.html>.

Кассирер Э. Техника политических мифов / Э. Кассирер // Октябрь. 1993. № 7. С. 153–164.

Кемеров В. Е. Грани социальности: постклассический взгляд / В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. Екатеринбург: УралНАУКА, 1999. 256 с.

Кемеров В. Е. Динамика социальности и необходимость науки [Электронный ресурс] / В. Е. Кемеров // Социемы. № 16. Режим доступа: http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/sociemy/16/kemerov.html.

Керимов Т. Х. Неразрешимости / Т. Х. Керимов. Москва: Академический проект: Трикста, 2007. 218 с.

Ким И. В. Социальные симулякры и их исторические типы: автореферат диссертации ... кандидата философских наук / И. В. Ким. Екатеринбург, 2008. 31 с.

Кин Д. Демократия и гражданское общество / Д. Кин; пер. с англ. Л. Макеева, И. Мюрберг. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. 400 с.

Кислов А. Г. К дефиниции профессионально-педагогического общества / А. Г. Кислов // Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. Вып. 5. С. 159–167.

Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1998. 800 с.

Когут А. Е. Региональный мониторинг: качество жизни населения / А. Е. Когут, В. Е. Рохчин. Санкт-Петербург: ИСЭП, 1994. 87 с.

Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / П. Козловски. Москва: Республика, 1998. 368 с.

Конституционная Хартия Царства Польского 1815 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_I/kx1815.html.

Конституционное законодательство России / под ред. Ю. А. Тихомирова. Москва: Городец, 1999. 382 с.

Концепция «Школы достоинства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gimn13.tl.ru/docs/plan_merop/99_00/proekt%20con.htm.

Круглов А. Г. Что такое достоинство? [Электронный ресурс] / А. Г. Круглов. Режим доступа: <http://alkruglov.narod.ru/dignity.html>.

Крупнов Ю. Качество жизни [Электронный ресурс] / Ю. Крупнов. Режим доступа: http://www.kroupnov.ru/5/178_1.shtml.

Крэнстон М. Права человека / М. Крэнстон // Editions de la Seine. Париж, 1975. 376 с.

Кузьминов Я. И. Наши университеты / Я. И. Кузьминов // Университетское управление: практика и анализ. 2007. № 3 (48). С. 8–17.

Куницын А. П. Право естественное / А. П. Куницын // Русские просветители (от Радищева до декабристов): собрание произведений: в 2 томах. Москва: Мысль, 1966. Т. 2. 440 с.

Лейбо Ю. И. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / Ю. И. Лейбо, Т. П. Толстопятенко, К. А. Экштайн / под ред. К. А. Экштайна. Москва: ЭКОМ, 2000. 448 с.

Либерализм в России: сборник статей / под ред. В. Ф. Пустарнакова, И. Ф. Худушиной. Москва: Изд-во Ин-та философии РАН, 1996. 451 с.

Лимбургские принципы осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1986 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=227>.

Лобов М. Защита социальных прав в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод (практика Европейского суда по правам человека) / М. Лобов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 1. С. 67–71.

Логинов А. В. Идеология и социальный хронотоп: от отражения к конструированию [Электронный ресурс] / А. В. Логинов // Социемы. 2008. № 15. Режим доступа: http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/sociemy/15/loginov.html.

Лопатин В. В. Малый толковый словарь русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. Москва: Русский язык, 1990. 704 с.

Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Н. Луман // Социо-логос: сборник научных трудов. Москва: Прогресс, 1991. № 1. С. 168–203.

Любутин К. Н. Синтетическая теория идеального / К. Н. Любутин, Д. В. Пивоваров; ред. Н. С. Рыбаков / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Псков: Изд-во ПОИПКРО, 2000. 206 с.

Макаревич Л. М. 200 правил бизнеса / Л. М. Макаревич. Москва: Дело и Сервис, 2003. 592 с.

Малинова И. П. Классическая философия права / И. П. Малинова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 2003. 246 с.

Малицкий А. Советская конституция / А. Малицкий. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. 440 с.

Марков Б. В. После оргии: [предисловие к книге Ж. Бодрийяра «Америка»] / Б. В. Марков // Бодрийяр Ж. Америка. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2000. С. 5–67.

Медоуз Д. Х. Пределы роста: доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества» / Д. Х. Медоуз. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. 257 с.

Международные документы по правам человека: сборник. Санкт-Петербург: Специальная литература, 1997. 123 с.

Менгер А. Завоевание рабочим его прав. Право на полный продукт труда в историческом изложении / А. Менгер. Санкт-Петербург: Изд-во В. В. Битнера, 1906. 80 с.

Менгер А. Новое учение о государстве / А. Менгер. Санкт-Петербург: [Б. и.], 1905. 340 с.

Мийон-Дельсоль Ш. Политические идеи XX века / Ш. Мийон-Дельсоль. Москва: Конкорд, 1995. 225 с.

Михайловская И. Концепция прав человека и их значение для посткоммунистической России [Электронный ресурс] / И. Михайловская. Режим доступа: <http://www.hrighths.ru/text/b9/Chapter5.htm>.

Мордачев В. Д. Теория обмена труда: История. Этика. Психология: в 7 книгах / В. Д. Мордачев. Екатеринбург: Ажур, 2006. Кн. 1. 224 с.

Мордовцев А. Ю. Национальный правовой менталитет. Введение в проблему / А. Ю. Мордовцев. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 200 с.

Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права: часть методологическая / П. И. Новгородцев Москва: Издание студенческое, 1904. 109 с.

Новикова Л. Новый либерализм в России / Л. Новикова, И. Сиземская // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 132–140.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик. Москва: Изд-во ИРИСЭН, 2008. 432 с.

Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. 481 с.

XI Всемирный Русский Народный Собор «Богатство и бедность: исторические вызовы России»: стенограмма 5–7 марта 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/14447D7/8D6B5C2?pub_cory=on.

Орнатская Л. А. О социальной функции рая // Образ рая: от мифа к утопии / Л. А. Орнатская. Санкт-Петербург: С.-Петербур. филос. о-во, 2003. Вып. 31. С. 186–190. (Symposium).

Пейн Т. Избранные сочинения / Т. Пейн. Москва: Изд-во АН СССР, 1959. 424 с.

Петров М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. Москва: Наука, 1991. 328 с.

Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния: в 2 томах / А. С. Пигу. Москва: Прогресс, 1985. Т. 1. 511 с.

Платон. Диалоги / Платон. Москва: Мысль, 1986. 607 с.

Позднер Р. А. Цена обеспечения юридических прав / Р. А. Позднер // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Москва: Изд-во Центра конституц. исслед. МОНФ, 1995. № 3. С. 43–53.

Поппер К. Открытое общество и его враги: перевод с английского / К. Поппер; под общ. ред. и с предисл. В. Н. Садовского. Москва: Междунар. фонд «Культ. инициатива» – Soros foundation: Феникс, 1992. 446 с.

Прейсс У. К. Концептуальные противоречия социально-экономических прав [Электронный ресурс] / У. К. Прейсс. Режим доступа: <http://www.hrighs.ru/text/b9/Chapter7.htm>.

Пронин А. А. Права человека: аспекты проблемы / А. А. Пронин. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. 212 с.

Пферсмманн О. Значение социальных принципов в сравнительном конституционном праве / О. Пферсмманн // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Москва: Изд-во Ин-та права и публ. политики, 2003. № 1. С. 45–51.

Рогов С. Функции современного государства: вызовы для России / С. Рогов // Свободная мысль. 2005. № 9. С. 45–52.

Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов: аналитический доклад [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Giznennie%20celeustremleniya.pdf>.

Савин М. С. Центр социологии прав человека [Электронный ресурс] / М. С. Савин. Режим доступа: <http://www.ispr.ru/ZNAMDAT/10LET/STATI10/stati15.html>.

Сахаров А. Д. Тревога и надежда / А. Д. Сахаров. 2-е изд. Москва: Интер-Версо, 1991. 336 с.

Сахнин А. Идеология как последний шанс демократии [Электронный ресурс] / А. Сахнин. Режим доступа: http://www.russ.ru/stat_i/ideologiya_kak_poslednij_shans_demokratii.

Свобода. Равенство. Права человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.memo.ru/about/biblio/swoboda/chapt1.htm#_VPID_1.

Согрин В. В. 1985–2005: три превращения современной России / В. В. Согрин // Отечественная история. 2005. № 3. С. 3–24.

Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия / В. С. Соловьев. Москва: Республика, 1996. 479 с.

Соловьев Э. Ю. Права человека в политическом опыте России (вклад и уроки XX столетия) [Электронный ресурс] / Э. Ю. Соловьев. Режим доступа: http://www.vvsu.ru/infotech/Portal_guest/Philosophy/library/lib3.html.

Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. Санкт-Петербург; Москва: [Б. и.], 1911. 219 с.

Спицнадель В. Н. Система качества (в соответствии с международным стандартом ISO семейства 9000): разработка, сертификация, внедрение и дальнейшее развитие: учебное пособие / В. Н. Спицнадель. Санкт-Петербург: Бизнес-пресса, 2000. 336 с.

Справочник по социальным показателям: методологические исследования. Серия F. № 49 / ООН. Нью-Йорк: [Б. и.], 1989. 82 с.

Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 г. (основные положения) [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2008. Режим доступа: <http://econom.midural.ru/prognoz/grp/580/>.

Трошкин Ю. В. Права человека / Ю. В. Трошкин. Москва: Упрполиграфиздат Администрации Моск. обл., 1997. 245 с.

Федоров В. А. Педагогические технологии управления качеством профессионального обучения: учебное пособие / В. А. Федоров, Е. Д. Колегова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2007. 226 с.

Франк С. Л. Крушение кумиров / С. Л. Франк // Сочинения. Москва: Правда, 1990. С. 113–183.

Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. Москва: Прогресс, 1989. 272 с.

Фрост М. Правозащитники. Рождение концепции [Электронный ресурс] / М. Фрост. Режим доступа: <http://www.frontlinedefenders.org/files/ru/Background%20to%20the%20UN%20Declaration%20on%20Human%20Rights%20Defenders%20Russian.pdf>.

Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

Хеллер А. Свобода как высшая ценность [Электронный ресурс] / А. Хеллер. Режим доступа: <http://www.hrighs.ru/text/b2/Chapter4.htm>.

Центр стратегических оценок и прогнозов. Россия в зеркале международных рейтингов: 2011 г.: аналитический доклад [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.csef.ru/pdf/1583.pdf>.

Шварц Г. Экономические и социальные права / Г. Шварц // Российский бюллетень по правам человека. 1995. Вып. 6. С. 23–30.

Шульга Н. В. Политические мифы в современном мире [Электронный ресурс] / Н. В. Шульга. Режим доступа: <http://www.promgupss.ru/publisher/txt1/more.php?more=48>.

Элстер Й. Влияние прав человека на социально-экономические права [Электронный ресурс] / Й. Элстер. Режим доступа: <http://www.hrighs.ru/text/b4/Chapter9.htm>.

Friedmann J. Rethinking poverty: empowerment and Citizen Right /
J. Friedmann // International Social Science Journal. 1996. № 148. P. 161–172.

Kahn H. Things to Come: Thinking about the Seventies and Eighties
/ H. Kahn. New York: International Publishers, 1972. 368 p.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Идея права на достойное человеческое существование в истории социально-гуманитарной мысли.....	8
1.1. Формирование идеи достойного человеческого существо- вания и ее воздействие на правовую теорию и практику.....	8
1.2. Вклад русской философии в развитие идеи права на до- стойное человеческое существование	37
Глава 2. Проблемы и перспективы практической реализации идеи права на достойное человеческое существование в современном мире	59
2.1. Нормативное закрепление права на достойное человече- ское существование в современном мире.....	59
2.2. Право на достойное человеческое существование в зер- кале рейтингов и интегральных показателей	87
2.3. Идеологизация права на достойное человеческое суще- ствование в современном мире	109
Заключение	153
Библиографический список.....	156

Научное издание

Кислов Александр Геннадьевич
Кропанева Елена Михайловна
Москаленко Максим Русланович

ИДЕЯ ПРАВА НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
СУЩЕСТВОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Монография

Редактор Т. А. Кузьминых
Компьютерная верстка Н. А. Ушениной

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 25.07.13. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов.
Печать плоская. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № ____.
Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
